

РусскийМир.RU

ЖУРНАЛ О РОССИИ И РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

ЛАРЧИК С ИНЖЕНЕРНОЙ МЫСЛЬЮ

Когда между человеком
и техникой ничего
не стояло

*И мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово.
Свободным и чистым тебя пронесем,
И внукам дадим, и от плена спасем
Навеки!*

Анна Ахматова

РУССКИЙ МИР – это прежде всего мир России, в котором люди разных национальностей, веры и убеждений объединены одной исторической судьбой и общим будущим.
РУССКИЙ МИР – это наши соотечественники в странах ближнего и дальнего зарубежья, эмигранты из России и их потомки, иностранные граждане, говорящие на русском языке, изучающие или преподающие его, и все те, кто искренне интересуется Россией.
РУССКИЙ МИР – это примирение, согласие, лад.
РУССКИЙ МИР – это община, общность, социальная и культурная гармония.

РУССКИЕ ЦЕНТРЫ – это международный культурный проект, осуществляемый на принципах партнерства и сотрудничества российским фондом «Русский мир» и ведущими мировыми образовательно-просветительскими структурами.

РУССКИЕ ЦЕНТРЫ – это:

- информационная и обучающая система, позволяющая получить доступ к большим массивам учебной и научной информации из России и предоставляющая возможность обучения русскому языку и культуре на основе прогрессивных методик и программ.
- творческая и коммуникативная площадка для проведения различных акций и мероприятий в гуманитарной сфере и организации диалога культур.

www.russkiymir.ru

И ЕЩЕ РАЗ О ЕДИНСТВЕ РУССКИХ И УКРАИНЦЕВ

НЕДАВНЯЯ СТАТЬЯ ВЛАДИМИРА ПУТИНА «ОБ ИСТОРИЧЕСКОМ ЕДИНСТВЕ РУССКИХ И УКРАИНЦЕВ» нашла своеобразный отклик на Украине. Там, возможно, будучи спровоцированным этой работой, был проведен социологический опрос о политических симпатиях населения и его приоритетах во внешней политике.

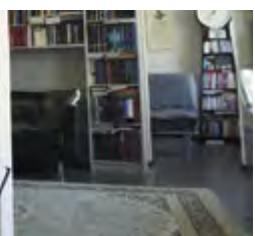
Опрос принес сенсацию – поскольку на вопрос, являются ли русские и украинцы одним народом, 41 процент опрошенных ответили утвердительно, а в восточных регионах таковых оказалось до 60 процентов. Так что, по крайней мере, значительное число граждан соседней страны тезис Путина, получается, поддержали. Стоит обратить внимание и на то, что схожие данные выдавали опросы, которые проводились до нынешнего кризиса на Юго-Востоке страны. Оценки переписи населения, а также многих украинских этнографов и демографов начала текущего века тоже близки к цифре 40 процентов – такова доля тех, кто чувствует непосредственное родство с Россией. Правда, в последние годы число таких граждан власти всячески старались преуменьшить либо вовсе замолчать этот факт.

Но получается так, что вопреки всему тому, что вытворяют украинские власти, а еще в гораздо большей степени необандеровские активисты по отношению к русским, русскому языку, не изменить того непреложного обстоятельства, что русские и украинцы как минимум являются очень-очень близкими народами. И это значит, что рано или поздно эта близость заставит помириться и наши государства. ●

ИНТЕРВЬЮ

- 06** Человечность божественного
12 «Рунет очень агрессивен»

ИСТОРИЯ

18 Власть ведьм

26 Похлебка простая и яства преизрядные

32 Миссия выполнима

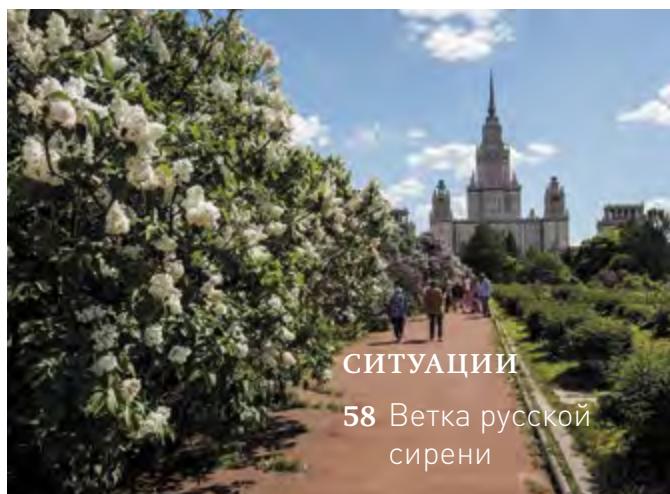
НАСЛЕДИЕ

42 «Родина моя – прошлое и будущее»

50 Аромат утерянной России

58 Ветка русской сирени

МУЗЕИ

68 Починить или сочинить

ПУТЕШЕСТВИЕ

76 Все дороги
ведут в кремль

РЕПОРТАЖ

82 Седая степь

ЛЮДИ И ВРЕМЯ

88 Дорога
на Север

Фонд «Русский мир»

Председатель правления
фонда «Русский мир»
Вячеслав НИКОНОВ

Главный редактор
Георгий БОВТ

Шеф-редактор
Лада КЛОКОВА

Арт-директор
Дмитрий БОРИСОВ

Заместитель главного редактора
Андрей СИДЕЛЬНИКОВ

Ответственный секретарь
Елена КУЛЕФЕЕВА

Фоторедактор
Нина ОСИПОВА

Литературный редактор и корректор
Елена МЕЩЕРСКАЯ

Распространение и реклама
Ирина ГРИШИНА
(495) 981-66-70 (доб. 109)

Над номером работали:
Арина АБРОСИМОВА

Мария БАШМАКОВА

Александр БУРЫЙ

Даниил ВЕДЕРНИКОВ

Сергей ВИНОГРАДОВ

Екатерина ЖИРИЦКАЯ

Михаил ЗОЛОТАРЕВ

Дмитрий КОПЕЛЕВ

Алексей МАКЕЕВ

Евгений РЕЗЕПОВ

Андрей СЕМАШКО

Денис ХРУСТАЛЁВ

Марина ЯРДАЕВА

Верстка и допечатная подготовка
ООО «Издательско-полиграфический центр
«Гlamур-Принт»
www.glamourprint.ru

Отпечатано в типографии
ООО ПО «Периодика»
Москва, Спартаковская ул., 16

Тираж 3 000 экз.

Адрес редакции:
117218 Москва,
ул. Кржижановского, д. 13, корп. 2
Телефон: (499) 519-01-68
Сайт журнала:
<https://rusmir.media>
Электронный адрес:
rusmir@rusmir.media

Свидетельство о регистрации
ПИ №ФС77-30492
от 19 ноября 2007 года

Редакция не рецензирует рукописи
и не вступает в переписку

На обложке:
коллаж Антона БИЗЯЕВА

ФОНД РУССКИЙ МИР

СОСТАВ ПОПЕЧИТЕЛЬСКОГО СОВЕТА

КОЗАК Д.Н.
Заместитель руководителя Администрации Президента Российской Федерации, председатель попечительского совета Фонда

КРАВЦОВ С.С.
Министр просвещения Российской Федерации, заместитель председателя попечительского совета Фонда

ЛАВРОВ С.В.
Министр иностранных дел Российской Федерации

ЛЮБИМОВА О.Б.
Министр культуры Российской Федерации

ФАЛЬКОВ В.Н.
Министр науки и высшего образования Российской Федерации

СОСТАВ ПРАВЛЕНИЯ ФОНДА «РУССКИЙ МИР»

НИКОНОВ В.А.
Председатель комитета Государственной думы по образованию и науке, председатель правления Фонда

АЛЯУТДИНОВ Р.Ж.
Директор Департамента по гуманитарному сотрудничеству и правам человека МИД России

БОГДАНОВ С.И.
Ректор федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена»

КОРТАВА Т.В.
Проректор федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»

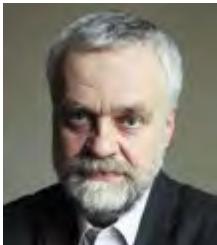

ОСАДЧИЙ М.А.
Проректор федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина»

ШЕВЦОВ П.А.
Заместитель руководителя Россотрудничества

СОСТАВ НАБЛЮДАТЕЛЬНОГО СОВЕТА ФОНДА «РУССКИЙ МИР»

					
ТОЛСТОЙ В.И. Советник президента Российской Федерации, председатель наблюдательного совета Фонда	ВАРЛАМОВ А.Н. Ректор федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Литературный институт имени А.М. Горького»	ВАСИЛЬЕВА О.Ю. Председатель попечительского совета федерального государственного бюджетного учреждения «Российская академия образования»	ВЕРШИНИН С.В. Заместитель министра иностранных дел Российской Федерации	ИЛАРИОН (АЛФЕЕВ Г.В.) Митрополит Волоколамский, председатель Отдела внешних церковных связей Московского патриархата	КРОПАЧЕВ Н.М. Ректор федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет»
					
МАСЛОВ И.В. Начальник Управления Президента Российской Федерации по межрегиональным и культурным связям с зарубежными странами	НАРОЧНИЦКАЯ Н.А. Президент Фонда изучения исторической перспективы	НЕВЕРОВ И.С. Начальник Управления Президента Российской Федерации по внешней политике	НИКОНОВ В.А. Председатель комитета Государственной думы по образованию и науке	ПИОТРОВСКИЙ М.Б. Генеральный директор федерального государственного бюджетного учреждения культуры «Государственный Эрмитаж»	ПРИМАКОВ Е.А. Руководитель Россотрудничества
					
САДОВНИЧИЙ В.А. Ректор федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»	СИМОНЬЯН М.С. Главный редактор федерального государственного унитарного предприятия «Международное информационное агентство «Россия сегодня»	ТОРКУНОВ А.В. Ректор федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации»	ФИЛАТОВ А.Е. Начальник Управления Президента Российской Федерации по приграничному сотрудничеству		

ЧЕЛОВЕЧНОСТЬ БОЖЕСТВЕННОГО

БЕСЕДОВАЛА

ФОТО

АРИНА АБРОСИМОВА

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

ШЕДЕВРЫ XIII–XV ВЕКОВ ИЗ МУЗЕЕВ ТОСКАНЫ, НАЦИОНАЛЬНОЙ ПИНАКОТЕКИ И ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА СИЕНЫ РЕДКО ПОКИДАЮТ ПОСТОЯННЫЕ ЭКСПОЗИЦИИ И ЗАПАСНИКИ ДЛЯ ДЕМОНСТРАЦИИ В ДРУГИХ СТРАНАХ. Но в ПЕРЕКРЕСТНЫЙ ГОД МУЗЕЕВ РОССИИ И ИТАЛИИ У РОССИЯН ПОЯВИЛАСЬ СЧАСТЛИВАЯ ВОЗМОЖНОСТЬ ПОЛЮБОВАТЬСЯ ПРЕКРАСНЫМИ ЭКСПОНАТАМИ НА СОВМЕСТНОЙ ВЫСТАВКЕ ИТАЛЬЯНСКИХ МУЗЕЕВ И ГОСУДАРСТВЕННОГО МУЗЕЯ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫХ ИСКУССТВ ИМ. А.С. ПУШКИНА «СИЕНА НА ЗАРЕ РЕНЕССАНСА».

ОБ ИСТОКАХ И РАЗЛИЧИЯХ РУССКОГО и итальянского искусства, парадоксах средневековых творений и их странном отзвуке в современном искусстве журналу «Русский мир.ру» рассказывают директор Национальной пинакотеки Сиены Элена Россони и директор Государственного архива Сиены Чинция Кардинали.

– *Насколько сложно было организовать выставку в условиях ограничений и пандемии коронавируса?*
Элена Россони: Проблемы в основном были связаны с тем, чтобы следить, как наши работы путешествуют, как они размещаются на выставке. Разумеется, когда мы имеем дело с ГМИИ имени А.С. Пушкина – музеем мирового уровня, – то полностью доверяем нашим коллегам. Но у нас в музее сложилась устоявшаяся практика: участвовать на всех этапах проектов. Так что сам по себе подготовительный процесс это еще очень интересно и увлекательно! Как и редкая в обстоятельствах пандемии возможность приехать в Москву, чтобы поучаствовать в открытии выставки. Долгое время не было понятно, представится ли вообще такая возможность. Так что, оказавшись в Москве, я испытываю поистине замечательные эмоции!

– *Можно ли считать, что Перекрестный год музеев России и Италии это своеобразный вызов музеевщикам той ситуации, которая сложилась в мире?*
– Да, безусловно. И этот серьезный вызов отражает наше общее желание, несмотря на объективные обстоятельства, все-таки продолжать воплощать в жизнь прежние музейные традиции. До начала пандемии были задуманы многие совместные проекты, но возможность их осуществления весьма замедлилась. Мы все-таки надеемся, что удаст-

ся их реализовать. Ведь роль культуры заключается еще и в том, чтобы сближать народы, и наша совместная выставка это подтверждает.

– *Как долго готовился проект «Сиена на заре Ренессанса»?*

– Для реализации подобных проектов – с участием собраний нескольких музеев, с большим количеством экспонатов, с перемещением предметов из страны в страну – обычно требуется несколько лет. Но в данном случае на подготовку и воплощение нашей идеи потребовалось всего 9 месяцев – мы начали работать осенью 2020 года. Все организационные вопросы решались довольно эффективно: нам удалось все организовать в довольно сжатые сроки.

– *Искусство Древней Руси и частично искусство средневековой Италии вышли из византийской сакральной художественной традиции...*

– Эта точка отсчета очень важна для Италии, потому что из семян византийского искусства в Италии проросли самые разные региональные школы. С XIII века под влиянием византийского искусства находилась Сиена. Основоположник сиенской традиции – Дуччо ди Буонинсенья – работал с 1278 года. Но в 1997 году в нижней церкви Сиенского собора были открыты фрески в византийском стиле, и это стало сенсацией: еще до Дуччо в Сиене был высочайший художественный уровень! Что касается искусства Древней Руси, то сиенские работы того же времени особенно ему близки именно через преемственность с Византией. В нескольких итальянских музеях есть русские иконы, и там очень стараются проводить выставки, популяризировать коллекции, чтобы к ним приходила публика.

– Да, мы писали о том, что галерея Уффици устроила в постоянной экспозиции отдельный зал для русских икон. А насколько, по-вашему, это единое духовно-художественное происхождение, как бы одна византийская кальбель, сближает наши народы?

– Безусловно, общие корни сближают две наши культуры! Со временем, естественно, вырабатывались какие-то различия, но единые элементы сохраняются и дают непреходящее осознание близости. Мне кажется, время, которое мы сейчас переживаем, показало, насколько наши культуры близки. В том числе и с точки зрения роли культуры в обществе, того, как культура помогает переживать самые сложные моменты в жизни. Когда, например, музеи были закрыты, то людям во всем мире предлагались виртуальные экскурсии – человек мог побывать в музее любой страны. Доступные мультимедийные продукты помогали людям психологически справиться с самыми трудными моментами последних лет.

– Российские коллекционеры в свое время не увлеклись раннеитальянским искусством, в наших музеях его не так много. Насколько широко итальянское искусство представлено в других странах?

– Для нас, конечно, чем больше итальянского искусства остается в Италии, тем лучше. Однако многое продается на международных рынках – в Англии, Германии, США, Франции и России. К сожалению, так случилось, что в XVIII и XIX веках огромное количество произведений было демонтировано, вынесено из церквей, разделено на части и продано. Любители искусства забирали полиптихи из церквей, спасая их от уничтожения. Только благодаря им что-то сохранилось до наших дней, пусть даже фрагментарно. А кто уж там сколько скупил – это история, она не знает сослагательного наклонения, все сложилось вот так...

– В VIII–IX веках в Византии царило иконоборчество. В России после революции уничтожалось все, связанное с религией. Есть ли в истории Италии и Сиены такие случаи?

– Да, но в Италии были лишь отдельные факты. Самый известный из них – печально знаменитый «Костер тщеславия» Савонаролы, когда были сожжены прекрасные произведения искусства. Но все-таки это был единичный эпизод. В целом для итальянского искусства актуальны не столько перипетии иконоборчества, сколько смена художествен-

ных стилей. Потому что – ну, это так обычно и происходит – произведения покидали алтари в связи с естественным процессом обновления церквей и капелл: Ренессанс отменяет большую часть Средневековья, XVI век отменяет большую часть Ренессанса и так далее...

Сиенскому художественному наследию трижды угрожала опасность. В 1785 году великий герцог Тосканский Леопольд упразднил религиозные братства мирян, в 1799-м в Сиену вошли войска Наполеона и были ликвидированы монашеские ордены, закрыты церкви и монастыри, но, к счастью, произведения не были вывезены во Францию. Хотя в 1814 году в музее, который потом будет называться Лувром, прошла выставка «примитивов», реквизированных Великой армией во время наполеоновских походов. И третий этап разорений – 1868 год: создание объединенной Италии и повторное упразднение монашеских орденов. Конечно же, все это – огромная утрата бесчисленного количества работ! Но правда и то, что это обычное дело для искусства – так развивается История.

– Повлияла ли смена стилей в искусстве на религиозность людей того времени?

– Все-таки искусство очень часто, если не всегда, меняется как раз вследствие смены религиозных парадигм, тех или иных изменений религиозных доктрин, верований, ритуалов и так далее. И в этом смысле среди прибывших из Италии на московскую выставку уникальных экспонатов есть «таволетты Биккерны» из Архива Сиены. Это очень точный пример, потому что с середины XIII века по 1680 год они фиксируют ощущение жителей Сиены, их духовный мир. С одной стороны, там постоян-

но фигурирует образ Мадонны – покровительницы Сиены, но с другой – это все-таки не имеет отношения непосредственно к культу, это не религиозная живопись, а редкий образец светского искусства, существовавшего с XIII до конца XVII века – исключительно сиенское явление! Таволетты – предметы если не повседневного обихода, то так или иначе вещи, находящиеся в постоянном использовании. Люди брали их в руки каждый день. Это искусство на протяжении нескольких веков стилистически существенно не менялось. То есть духовный мир это искусство отражает практически без каких-то радикальных изменений. Это исторический и культурный феномен, большая редкость. К сожалению, в XVII–XVIII веках очень много таволет было утрачено навсегда.

– Чинция, в России «таволетты Биккерны» показываются впервые. Расскажите о них подробнее, пожалуйста.

Чинция Кардинали: Таволетты – это дощечки, расписанные художниками и служившие обложками расходных книг сиенского казначейства «Биккерна» – так оно называлось. С середины XIII века до конца XVII столетия для их росписи привлекались лучшие сиенские художники – братья Лоренцетти, Липпо Ванни, Джованни ди Паоло и другие. Изначально таволетты имели утилитарную функцию: простые рисунки помогали быстро найти нужную книгу. Но со временем они оформились в особый жанр светской живописи, на них изображались даже люди, возглавлявшие казначейство, и их рабочие места. Сейчас таволетты – оригинальные произведения искусства, предмет коллекционирования.

Директор
Национальной
пинакотеки
Сиены
Элена Россони
на открытии
выставки
в ГМИИ им.
А.С. Пушкина

Собрание архива включает 105 дощечек, самая ранняя датируется 1257 годом, самая поздняя – 1682-м. Экспозиция у нас развернута в пяти залах, но из-за исключительной ценности постоянно в открытом доступе они не находятся. Около 300 дощечек хранится в итальянских и зарубежных собраниях, есть упоминания эрудитов XVII–XVIII веков еще о 50 экземплярах, но их местонахождение неизвестно. Для выставки в Москве мы отобрали 10 лучших образцов. В таком количестве таволетты никогда не покидали Архив Сиены!

— Официальная история искусства отмечает переход от сакрального искусства к светскому. На выставке можно увидеть этот срез, но даже ранние таволетты изображают сцены быта. Получается, в Сиене светское искусство проявилось одновременно с сакральным, а может быть, и раньше?

— Да, это действительно так! Сиенская школа живописи развивалась на протяжении XIII–XV веков. В середине XIII века сильной Сиенской республикой управлял чрезвычайно богатый и влиятельный класс банкиров. И роскошные полиптихи, созданные для церквей, и все художественные процессы того времени тоже знак военного, экономического и финансового могущества, его влияние весьма заметно в искусстве. На протяжении нескольких веков Сиена успешно преодолевала экономические и политические кризисы, но во второй половине Тречento по всей Тоскане одна за другой свирепствовали эпидемии, что привело к изменениям в экономике и политике. Это отразилось и в росписях: таволетты перестали быть просто обложками для книг учета и воспринимались как настоящие картины, которые можно вешать

на стену. Первая такая создана в 1460 году Лоренцо ди Пьетро по прозвищу Веккьетта – это изображение коронации Пия II. Последняя заказанная для «Биккерни» картина относится к 1680-м годам.

Это важнейший источник знаний об устройстве сиенского государства. Например, на таволете 1558 года со сценой Вознесения Богоматери впервые был изображен герб Медичи. Росписи, посвященные Козимо I Медичи и его эпохе, помогли точно восстановить эпизоды европейской истории, узнать о многих персонажах, буржуазных кланах, которых в Сиене было больше, чем аристократических. Мы видим эволюцию форм геральдического щита и то, как в целом развивалась геральдика. Уже в конце XVII века исследователи обратились к таволетам как к документам истории и генеалогическим данным. Сейчас Сиена в общем-то небольшой город, и, когда говорят о Сиене и ее искусстве, иногда забывают о ее славной истории. К счастью, Сиена продолжает обладать наследием, ставшим довольно заметным явлением в мировой культуре – стеллажи нашего архива протянулись на 14 километров, на них хранятся документы с 736 года до наших дней!

— В одном из двух стихотворений, посвященных Сиене, русский поэт Александр Блок заметил: «И томленьем дух влюбленный // Исполняют образа, // Где коварные мадонны // Щурят длинные глаза: // Пусть грозит младенцу буря, // Пусть грозит младенцу враг, // Мать глядится в мутный мрак, // Очи влажные сощуря!...» Привыкшего видеть на русской иконе у Богородицы большие выразительные глаза эта разница в иконографии удивляет. Но такие же узкие глаза мы видим на

многофигурных фресках Джотто в Пизе. Элена, можно ли сказать, что образ сиенской Мадонны – некий художественный синтез?

Элена Россони: Дуччо и Джотто – современники. Считается, что Дуччо ввел в иконографию Девы Марии тип разреза глаз, по которому можно определить сиенскую живопись того периода. Многие художники, в том числе те, чьи работы представлены на выставке, – Сенья ди Бонавентура, Уголино ди Нерио и Никколо ди Сенья, – ориентировались на Дуччо. Но особенно нужно отметить братьев Пьетро и Амброджо Лоренцетти – образ сиенской Мадонны связан с ними. Если Пьетро соединил в своем творчестве стили Дуччо, Джотто, то Амброджо современники признавали вторым художником Треченто после Джотто! Это был художник-философ, в его живописи есть «метафизика света»: сияние золота как духовное измерение, и небесные существа словно растворяются в этом пространстве, как у Данте в «Божественной комедии»...

После победы Сиены над Флоренцией в битве при Монтаперти в 1260 году Дева Мария была названа покровительницей Сиены. В середине 1330-х Пьетро и Амброджо расписали фресками, на которых были изображены сцены из жизни Девы Марии, фасад собора Санта-Мария делла Скала. Именно эти фрески послужили образцом икононографии Мадонны в XIV–XV веках.

Одна из важнейших характеристик сиенского искусства – чрезвычайная изысканность, элегантность, изощренность, внимание к деталям. Новшества, пришедшие с эпохой Возрождения, приспособливались к местному утонченному стилю, который придает очертаниям особую мягкость, нежность. Да, влияние Джотто сказалось на

нескольких поколениях сиенских мастеров, но приросло и развилось, создав уникальную художественную традицию. Вероятно, Блок поддался определенному впечатлению и сумел эту особенность заметить, прочувствовать и увековечить в поэтических строках.

– Готическое искусство в целом рационально, скучно на эмоции, призвано подчинить человека. Но сиенские работы выбиваются из этой традиции, это действительно эмоциональные образы, часто это живые лица с разнообразной мимикой, прическами и нарядами. В некоторых представленных на выставке произведениях есть почти играво-барочные элементы, хотя до барокко еще очень далеко! В таком контрасте идеи и воплощения получается, что сиенское искусство нетипично для своей эпохи?

– Да, очень верное замечание: сиенское искусство не только испытывает влияние готики, но и ведет с ней диалог. И со своей стороны предлагает то, что характеризует итальянское искусство в целом: нежность, чувственность, человечность божественного. Такой подход сиенских художников сохраняется и развивается в сочетании с подчеркнутой декоративностью, в игре с ракурсами, цветом, выразительностью жеста и при этом в стремлении к натуралистичности. Нельзя сказать, что влияние готики накрыло все – нет. Но оно все равно работает – с помощью линий, в пространстве эстетического вкуса, каких-то формальных признаков. Так или иначе, но оно попало на почву, в которой происходили свои процессы. Когда мастера Кватроченто работали уже в ренессансной тенденции, в их живописи оставались золотые фонны и утонченные формы готики, которая в Сиене была магистральной линией до се-

Директор
Государственного
архива Сиены
Чинция
Кардинали
и сотрудник
отдела культуры
посольства
Итальянской
Республики
в Москве
Лев Кац

редины XV века. В 1920-х годах была создана Национальная пинакотека, которая славится обширной коллекцией «золотых фонов» – золото использовалось в Сиене дольше, чем в других областях Италии.

– Это роскошное искусство обозначено термином «примитивы». Но насколько он верен?

– Конечно, этот термин не соответствует современному восприятию и ничего не говорит о нашей оценке этого искусства! Дело в том, что в XVII веке люди видели именно в Ренессансе кульминацию итальянского искусства, а все, что было раньше, именовали «примитивным». Этот термин прижился и имеет право на существование как термин, собственно, исторический. Но уже в конце XIX – начале XX века все были очарованы «примитивами»! Конечно, термин не отменяет нашего трепетного и восторженного отношения к ценностям как Средневековья, так и более раннего времени. Сиенская школа живописи известна многогранностью и присущим только ей смешением византийских, готических и ренессансных элементов. В Сиене был создан уникальный и гармоничный сплав из разных традиций. И вполне заслуженно Сиена, наряду с Флоренцией, долгое время оставалась одним из главных художественных центров Италии.

– Сложность восприятия нами искусства Средневековья это и технический аспект – сейчас мало кто сможет такое создать, – и аспект утраченного сегодня символического концепта. С одной стороны, это превозносит средневековое искусство, а с другой – обозначает эстетическую и духовную пропасть между эпохами. А что нас сближает?

– Это сближение существует в уровне абстрактности, который есть в средневековом искусстве. И те самые золотые фоны, и целом некоторый довольно высокий уровень абстракции, который мы видим в средневековых работах, нам понятнее. Он ближе к современному искусству, люди прежних исторических эпох, возможно, не так хорошо его понимали. Да и сам доступ к этим произведениям в прошлом был далеко не у всех. У нас в этом отношении положение более удачное: можем и видеть, и изучать, и сравнивать... Технологии в нашей работе позволяют не только делать такие выставки доступными, но и углублять наши знания, реконструировать, дополнять, воспроизводить...

– И реставрировать?

– Да, это очень важная часть нашей работы – консервация и сохранение. Но здесь есть один существенный аспект: реставрация с ее технологиями особенностями тоже менялась со временем, в том числе она зависела от вкусов и представлений, свойственных той или иной эпохе. На этой выставке можно увидеть, как в зависимости от того исторического момента, когда происходила реставрация, менялось ее стилистическое направление. Наш Центральный институт реставрации был основан в 1939 году, но изначально сложилось так, что в Италии реставрации всегда уделялось огромное внимание, и, конечно, эта деятельность не прекращается в отношении сиенских предметов искусства. Им была дана эстетическая оценка, выявлено их историческое, стилистическое и культурное значение. Ведь только после этих шедевров в мире, как гласит название нашей выставки, восходит солнце Ренессанса. ●

«РУНЕТ ОЧЕНЬ АГРЕССИВЕН»

БЕСЕДОВАЛА

ФОТО

МАРИЯ БАШМАКОВА

АНДРЕЯ СЕМАШКО

ЯЗЫК ЗЕРКАЛЬНО ОТРАЖАЕТ ТО, ЧТО ПЕРЕЖИВАЕТ ОБЩЕСТВО. ПОРОЙ ПЕРЕМЕНЫ ВЫЗЫВАЮТ НЕПОНИМАНИЕ И АГРЕССИЮ, ЧТО И ДЕМОНСТРИРУЕТ РУНЕТ. О ТОМ, ПОЧЕМУ МЫ ПРИВЫКЛИ ОБИЖАТЬСЯ И БАНИТЬ, О ПОНЯТИИ КЛАССИКИ И ПРАВИЛАХ ОБРАЩЕНИЯ К НЕЗНАКОМОМУ ЧЕЛОВЕКУ ЖУРНАЛУ «РУССКИЙ МИР.RU» РАССКАЗЫВАЕТ ДОКТОР ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК ПРОФЕССОР КАФЕДРЫ РУССКОГО ЯЗЫКА ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ИМ. А.И. ГЕРЦЕНА
ВАЛЕРИЙ ЕФРЕМОВ.

— **В**

АЛЕРИЙ АНАТОЛЬЕВИЧ, СО-
временный русский язык, осо-
бенно в соцсетях, напоминает
ававилонскую башню после ее
разрушения: людей много, все разбиваются по куч-
кам и говорят на своем языке. Почему так проис-
ходит?

— Интересно, что в 2018 году норвежская исследовательница Ингунн Лунде в монографии «Язык на экране», посвященной среди прочего осознанию культуры речи и отношению к родному языку в постсоветской России, отметила, что такого языкового разнообразия, как в Рунете, нет ни в одном европейском языке. Мне это кажется плюсом – формой свободы, пусть и виртуальной. Получается, что каждое сообщество, каждый пользователь может создавать свой вариант русского языка, и в этом я вижу залог живучести языка. Про Вену конца XIX – начала XX века говорили, что это плацдарм апокалипсиса. На мой взгляд, Рунет конца XX – начала XXI века это наш плацдарм языкового апокалипсиса, на котором отрабатываются все возможные пути развития русского языка: от гиперкорректного использования письменного языка, как у движения граммар-наци, до полного разрушения привычного нам языка и ухода в сторону картинки или набора неких знаков – упячка, например. На наших глазах многое из интернет-языка уже ушло – такова судьба сильно нашумевшего в свое время языка «падонкафф». А луркояз (иронично-глумливый интернет-сленг, на котором написана интернет-энциклопедия «Луркоморье». – Прим. авт.), например, жив. Это говорит о том, что мы этим языком подпитываемся.

— С одной стороны, в Рунете вроде бы свобода и плюрализм мнений, с другой – страх. Ведь самая распространенная реакция в соцсетях – обида. И не всегда понятно на что. Иными словами, вырабатывается страх чужих реакций. Как быть?

— Да, такая тенденция есть, но, надеюсь, это преходящее явление. Потому что общаться, постоянно думая о том, не задел ли я чувства кого-то, это тупиковая ветвь развития коммуникации между людьми, между сообществами, между государствами наконец. Мне представляется пагубной сама идея смотреть по сторонам: «А не обижу ли я кого-нибудь?» Это доведенная уже почти до абсурда идея политкорректности, которая и на Западе все чаще воспринимается как форма цензуры. Я ни в коем случае не призываю использовать оскорблений, отражающие язык вражды и подпадающие под соответствующие статьи Уголовного кодекса. Однако при этом надо четко понимать, что повседневный язык – это не то, что мы можем трансформировать, потому что кому-то что-то в нем кажется обидным. Напомню, обида и оскорблени – это не одно и то же! Обидеться можно на что угодно, да хоть на то, что кто-то назвал шатена – брюнетом. Мое глубочайшее убеждение: прежде чем объявлять те или иные слова обидными, нужно понять, реально ли те, в чей адрес они используются, оскорбляются. Иногда же кто-то пытается быть «дьявольское дьявола» и защитить от тех или иных слов даже тех, кто и не обижается вовсе на эти слова. Меня как лингвиста удивляют, например, некоторые рекомендации апологетов языка новой этики. Якобы вместо «жертва насилия» правильнее употреблять «человек, переживший сексуаль-

ное насилие». Но почему? Почему насилие обязательно сексуальное? Почему жертва – это клеймо и патологизация?

– Такие слова, как «инвалид», «слепой», многими воспринимаются как оскорбительные. Люди предпочитают эвфемизмы – «особые дети», «ментальные нарушения», «солнечный ребенок» и так далее. В итоге не всегда понятно, как говорить и что не приятнее – эвфемизм или привычное буквальное название.

– Я совершенно не уверен, что приведенные вами эвфемизмы ужасны и их надо избегать. Язык – это тонко настроенная система. Когда я слышу или читаю, что вместо «солнечные дети» надо использовать «дети с синдромом Дауна», я понимаю, что это рекомендации людей с не тонким языковым чутьем и не очень тонкой душевной организацией. Эвфемизмы зачастую и нужны для того, чтобы сказать о чем-либо мягко, не нарушая границы приватного, не обижая человека. Зачем сразу в лоб определять диагноз ребенка, когда для подобной ситуации уже существует смягченный вариант. Мне кажется, подобного рода избегание эвфемизмов и определение человека через те или иные генетические патологии нарушают представления не только о сти-

листических регистрах языка, но и об этических нормах. Кроме того, здесь есть и внутреннее противоречие: почему-то в одних случаях мы должны называть людей через их заболевание (нам рекомендуют говорить не «дети-бабочки», а «дети с буллёзным эпидермолизом»), а в других – это запрещено (так, нельзя упоминать умственную отсталость). Любой интеллигентный человек и без рекомендаций новой этики не будет называть человека по его заболеванию – «шизофреник», «сифилитик» и т.д. Болезнь – лишь часть человека. Кстати, типологически употребление подобной модели похоже на вульгарное обращение к незнакомому человеку в виде «мужчина» или «женщина». Каждый раз, когда я слышу подобные обращения на улице или в транспорте, в сознании возникают представления исключительно о физиологической стороне человеческой жизни и первичных половых признаках.

– Словосочетание «новая этика» в России понято не всем. Речь идет о пересмотре системы ценностей, который не нов для США, где внимание к сексуальному насилию и разного рода домогательствам, чувствительность к обидам, нанесенным любым меньшинствам, особенно расовым, явление давнее. Перенос идей новой этики на

российскую почву не всегда естественно выглядит. Вы сказали о плюсах с языковой точки зрения: каковы они и каковы минусы?

— Плюсы есть, но их настолько немного, что у меня искренне вызывает вопросы необходимости столь кардинального изменения словаря. Например, меня поражает рекомендация использовать прямые номинации отдельных органов вместо обобщающего словосочетания «мужские (женские) гениталии», потому что у трансгендерных и небинарных людей также могут быть какие-то из этих органов, хотя по гендерному признаку мы их не ожидаем. Как специалист в области гендерной лингвистики, причастный к широкой области гендерных исследований, я знаю, что для современного общества, и не только российского, существует проблема невидимости представителей иных, кроме мужского и женского, гендеров. Однако мне трудно представить себе даже на научной конференции обсуждение столь интимных сущностей! Зачем эта рекомендация? Где и когда обычный русскоговорящий человек может столкнуться с необходимостью говорить о таких вещах, при этом памятую о том, что если он не упомянет название конкретной части половых органов, то он может кого-то обидеть! На мой взгляд, это уже за гранью разумного.

— Идеи новой этики предписывают радикальные запреты некоторых слов как табуированных. Это привело к пересмотру «идеологически правильных» книг и фильмов, многие из которых признаны «расистскими». Например, «Хижина дяди Тома», «Унесенные ветром». Русский язык в стороне остался. Скажем, слово «негр» многие россияне воспринимают как недопустимое. Как табуирование слов отразится на языке?

— Известно, что некоторые чеченцы не любят Лермонтова, у которого есть строчка «злой чечен ползет на берег». Не нравится им слово «чечен». Однако читать литературу XIX века с лекалом современных представлений о языке нельзя, это глупо, а для филологов еще и непрофессионально. В XIX веке никакой новой этики не было, а языка вражды не существовало в том виде, в каком мы его знаем сейчас. Я надеюсь, мы не доживем до того, что в «Борисе Годунове» слово «полячка», созвучное польскому слову, обозначающему «курильщица», будет даваться под звездочкой как оскорбляющее поляков. Мы можем получить то же, что вышло с «Хижиной дяди Тома» (ее не рекомендовано библиотеками США изучать, как неполиткорректную. — Прим. авт.). Слово «негр» в русском языке до последнего времени никак не было маркировано. В русской

культуре не существовало черного рабства, у нас была другая форма порабощения – крепостные крестьяне. И чернокожим людям обижаться на это слово в России – значит ехать в Тулу со своим самоваром. Есть слова, которые воспринимаются неприлично в одном языке и совершенно допустимы в другом. И слово «негр» есть во всех романских языках, так как обозначает черный цвет. Иначе обстоит дело со словом «нигер», которое изначально имело оскорбительное значение и ни в каком языке не было нейтральным. Хотя и здесь есть одно исключение: оскорбительные слова допустимы внутри сообщества, представителей которого оскорбляют. Если мы посмотрим голливудские комедии второго разряда, то увидим, что чернокожие персонажи так друг друга называют.

– Человек в Сети попадает в тиски: с одной стороны, новая этика с ее перегибами, с другой – все-дозволенность.

– Да, и, думаю, сторонники вседозволенности не разделяют принципов новой этики. Надеюсь, большинство пользователей Рунета где-то посередине. Образованные люди старшего и среднего поколения не принимают новую этику. А все-дозволенность – оборотная сторона бескультуризма.

Вспомним максиму о том, что «свобода одного гражданина кончается там, где начинается свобода другого».

– «Мужчина», «женщина», «девушка», «барышня», «дама» звучат порой неуместно. Почему богатый язык так и не утвердил удобного большинству варианта обращения в публичном пространстве для мужчин и женщин?

– Случилось то, что произошло с выражением «женщина бальзаковского возраста». Напомню, изначально речь шла о тридцатилетних. У нас меняются представления о возрастных рамках. В обществе есть культ молодости, эйджизм, мы выглядим моложе, чем наши бабушки и дедушки в нашем возрасте. Вот и со словом «девушка» произошла метаморфоза – не понятно, где ее верхняя возрастная граница. Слово «барышня» неминуемо вызывает ассоциации с 1920-ми, с «барышней-телефонисткой» или буфетчицей, то есть обслуживающим персоналом. Мне кажется, выбор слова «барышня» пусть неуклюжая, но все-таки хоть как-то оправданная попытка обратиться к незнакомому человеку. «Женщина» не годится, так как является родовым понятием, обозначающим женщину вообще, представительницу рода *homo sapiens*. К чему эти эволюционно-анатомические обращения? А «барышня» – попытка смягчить возраст. Однако все равно следует признать: нам до сих пор в постсоветской России не хватает слов для обращения к незнакомым людям в публичном пространстве. Вспомним мысль языковеда XIX века Александра Потебни о том, что слово в словаре – это мертвое слово. Каждый говорящий, употребляя одно и то же слово, привносит свой личный смысловой оттенок. К этому же гендерному аспекту современного русского языка относится тенденция, возникшая в конце XX века, когда женщины разных возрастов стали использовать слово «девочки», обращаясь друг к другу. Гендерные стереотипы идут рядом с возрастными. Мы же не услышим в мужской среде: «Ну что, мальчики, по пивасику?» Женщина-ребенок и женщина-девочка – это допускаемые обществом амплуа. А мужчина-мальчик – нет.

– Какое же обращение к незнакомым людям в публичном пространстве считается корректным?

– Фатические средства: «простите, пожалуйста», «извините».

– Почему *бан* как форма выражения эмоций так популярен в соцсетях?

– Бан – это форма речевой агрессии, отказ в общении. Рунет очень агрессивен. Агрессия в соцсетях – оборотная сторона русской любви поговорить. Русские говорят много и любят это делать. Умение вести откровенные беседы – наша русская черта. И показатель этого – любовь к диалогам в Интернете и бурные реакции в чатах. Традиции светской беседы у нас нет.

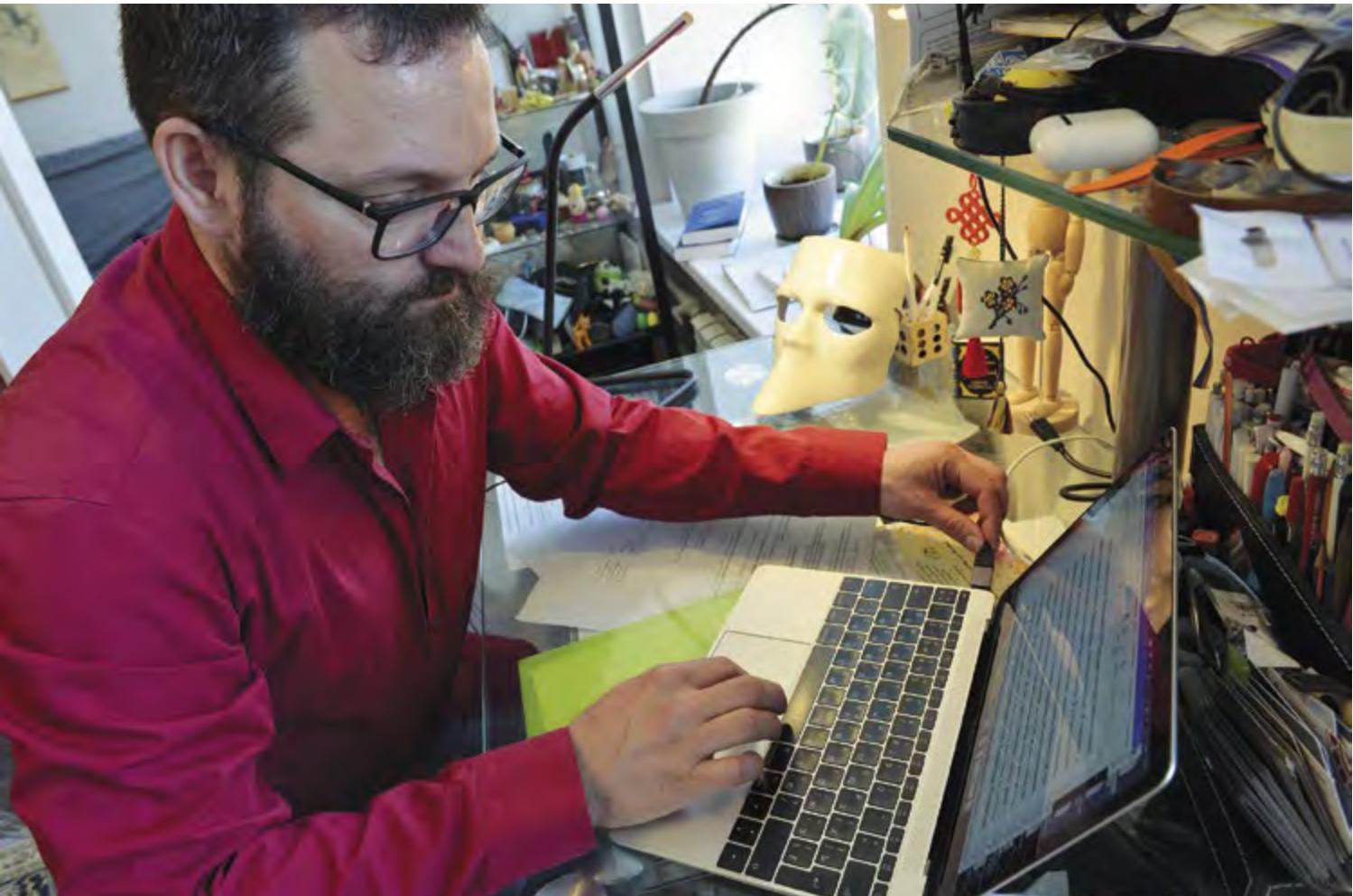

– Пандемия сказалась на речевом поведении россиян?

– Да, особенно это вдруг стало заметно в переписке со студентами-первокурсниками, которые почти весь последний год учатся дистанционно. Как только ты делаешь замечание в переписке о тоне их письма или правилах эпистолярного жанра, они реагируют резко. Это тем более странно, что зачастую незнакомые мне студенты обращаются для того, чтобы сдать зачет по дисциплине «Русский язык и культура речи». Я им напоминаю: в письме на любом языке вы должны обратиться к человеку, назвав его по имени или имени-отчеству, потому что в обращении без имени создается впечатление конвейерной рассылки. Студенты в ответ возмущаются: «А что вы меня учите?! Не надо трепать мне нервы!» Иными словами, будущие специалисты, в том числе и гуманитарного профиля, не умеют общаться ни вживую, ни письменно. Почему? Отчасти это связано с несформированными на выками переписки – не надо путать с бесконечными сообщениями в мессенджерах и социальных сетях! Отчасти – с замкнутой жизнью: эти студенты меня не видели, им не успели объяснить, как разговаривать со старшими, – вот они и пишут как могут.

– Вы работаете со студентами-гуманитариями, выросшими с гаджетами. Как это сказывается на их владении русским языком?

– Определенные проблемы есть. Например, части из них сложно выстроить полноценное, развернутое высказывание. Некоторые плохо умеют слушать: им все время нужно вставлять что-то свое в чужой монолог. Замечаю, что некоторые не умеют понять подтекст, переспросить, аргументировать собственную точку зрения. Часто коммуникация между молодыми людьми это два текста без уточнений. Мне иногда кажется, что у молодежи есть два цвета: черный и белый. Это как с новой этикой: можно говорить только так, а все остальное – уже преступление и повод для обиды. Общаться в мессенджерах им проще, чем лично, тет-а-тет. И сообщения мы отправляем уже чаще, чем звоним. Если раньше, когда мы писали кому-либо от руки, мы старались выразить свои эмоции максимально точно, потому думали о подборе нужных слов и их порядке, то сейчас мы просто ставим смайл. При этом у многих жителей крупных городов и с интонациями проблемы – мы говорим «простенько». За пределами миллионников совсем другой поток речи и интонации ярче, богаче. Одновременно все чаще я замечаю, что студенты, разговаривая с преподавателями, берут тон,

который в принципе был бы невозможен раньше. Например, начинают говорить интонациями «наезда». Сам студент этого может и не осознавать, но я, как человек с ленинградским дворовым детством, это отчетливо слышу: «Ну я же написала! Ну там же я сослалась!» и так далее.

– Нередко приходится сталкиваться с тем, что молодой читатель видит в тексте XIX века «шэйминг» и «булинг». Почему понимание Достоевского и Толстого дается молодежи непросто?

– Не думаю, что это проблема молодежи. Чтобы читать Достоевского, всегда надо напрягаться, а часто малоначитанный человек скользит по верхам, плывя только по сюжетной канве, не погружаясь в перипетии психологической жизни героев или специфику их мировоззрения. Что меня больше всего поражает в представителях поколения «снежинок», так это то, что они априори уверены в своей правоте и любая критическая фраза воспринимается ими как оскорблениe. Нередко у таких людей нет никакого собственного мнения, но есть представление о том, как отвечать на те или иные вопросы – не потому, что я это прочувствовал(а), а потому, что так принято об этом говорить. Человечество, особенно богатые представители западного мира, получили

поколение рафинированных детей, которые выросли в тепличных условиях и хотят всю жизнь в них прожить. И стремление новой этики к тому, чтобы никого не обидеть, не травмировать критикой, не задеть взглядом, приведет к тому, что, когда эти люди выйдут в реальную, взрослую жизнь, части из них придется приспосабливаться к далеко не тепличным условиям.

– Достоевского перестанут понимать?

– А никто не сказал, что его сейчас все понимают. Мы и «Евгения Онегина» не вполне понимаем. Например, слово «педант» в нем употреблено трижды, и только один раз – в том значении, в котором оно существует в современном русском языке. Вряд ли кто-то из нас на ночь откроет томик Карамзина или Державина, но от Достоевского или Толстого мы еще можем получать интеллектуальное и эстетическое удовольствие. Но и они тоже когда-нибудь уйдут из актуального круга чтения, став чем-то вроде «Слова о полку Игореве» для нас... Скажем, мой знакомый англичанин в разговоре со мной не узнал хрестоматийную фразу из Гамлета. Я очень удивился, а он ответил: «Вы читаете Шекспира в современных переводах, а мы его проходим едва ли не в подлиннике. Как думаешь, мы получаем от этого удовольствие?»

ВЛАСТЬ ВЕДЬМ

ПОЛИТИЧЕСКОЕ КОЛДОВСТВО
В МОСКОВСКОМ ГОСУДАРСТВЕ
XV–XVI ВЕКОВ

АВТОР

ДЕНИС ХРУСТАЛЕВ

ВОЙНА БЫЛА ВАЖНЕЙШЕЙ ОБЛАСТЬЮ ПРИМЕНЕНИЯ КОЛДОВСТВА. УЧАСТНИКИ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ НЕИЗМЕННО НАХОДИЛИСЬ В ЗОНЕ МАГИЧЕСКИХ РИСКОВ. ЭТО И ПОИСК УДАЧИ, И НЕОЖИДАННОЕ ФИАСКО, И СТРЕМИТЕЛЬНЫЙ ПОВОРОТ СОБЫТИЙ – ЗАЧАСТУЮ КО ВСЕМУ БЫЛО ПРИЧАСТНО ВРАЖЕСКОЕ ЧАРОДЕЙСТВО.

КУРБСКИЙ ПИСАЛ О мистических событиях со всей серьезностью. Князь сталкивался со злоказненным колдовством во время Казанской войны 1552 года, когда татары «наводили на христианское войско чары и насыпали великие ливни». Он видел, как на восходе солнца из осажденной крепости выходят «то пожилые мужчины, то старухи и начинают выкрикивать сатанинские слова, непристойно кружась и размахивая своими одеждами в сторону нашего войска». После этого небо темнело и начинался дождь, который лил именно над русским воинством, а рядом было сухо. Царю после этого посоветовали послать за какой-нибудь священной реликвией, которая усмирит разгул сатанинской напасти. Из Москвы доставили крест с частицей «спасительного дерева», с которым христианские иереи совершили крестный ход, освятив воду, после чего «силою животворящего

креста эти языческие чары тотчас исчезли». И Казань взяли. Межконфессиональное противостояние в этой войне сильно заострялось современниками. Победа воспринималась в том числе как сакральная, осуществленная вспомоществованием святых угодников, одолевших силы зла. Доходили до того, что представляли Казань форменным исчадием ада, чье основание уже было результатом волхвования. Вскоре после завоевания Казани, в 1564–1565 годах, некий рус-

ский автор, проживший долгое время в плену у татар, составил «Казанскую историю», живо описывающую 300-летнюю историю ханства. Там сообщается, что, по легенде, Казань заложил некий преемник Батыя по имени Сайн. Он облюбовал место в устье Камы, но там жило множество змей. Только колдовством удалось их извести: «Царь же Сайн много дней смотрел на место то, обходил его, любуясь, и не мог придумать, как бы изгнать змея из его гнезда, чтобы поставить здесь город, большой, крепкий и славный. И нашелся в селе один волхв. «Я, – сказал он, – царь, змея уморю и место очищу». Царь же был рад и обещал хорошо наградить его, если он это сделает. И собрал чародей волшебством и чародейством своим всех живущих в месте том змей – от малых до великих – вокруг большого змея в одну громадную кучу и провел вокруг них черту, чтобы не вылезла за нее ни одна змея. И бесовским действом всех умертвил. И обложил их со всех сторон сеном, и тростником, и деревом, и сухим лозняком, поливая

КОЛЛАЖ АНЖЕЛИКИ БУДЧЕВОЙ

все это серой и смолой, и поджег их, и спалил огнем. И загорелись все змеи, большие и малые, так что распространился от этого сильный смрад змеиный по всей той земле, предвещая грядущее зло от окаянного царя – мерзкую тину проклятой его саарцинской веры. Многие же воины его, находившиеся вблизи этого места, от сильного змеиного смрада умерли, и кони и верблюды его многие пали».

А вот за рубежом «боевую» магию приписывали именно московским войскам, которые якобы часто использовали ее в войнах против западных соседей. Это зафиксировал в своем сочинении Реджинальд Скот, автор первого английского трактата о колдовстве, опубликованного в 1584 году. Он приводил примеры народов, которые в войнах используют магические заклятия. Ему известен случай во время войны между Данией и Швецией в 1563 году, когда шведский король привлек в свою армию четырех ведьм, которые так охмурили датчан, что те ничего не могли делать – оружие валялось из рук. Все прояснилось, когда

одну из ведьм взяли в плен. Чары активно использовали и ирландцы, у которых имелись ведьмы, владеющие техникой активного слеза. Ведуний на войне использовали также гунны. Заключает тему Скот указанием, что «также поступают западные индейцы и московиты». В своих рассуждениях он не раз рассматривает вместе американских индейцев и московитов – для него это явления одного порядка. Прежде всего в связи с их колдовскими практиками. Впрочем, он осведомлен, что самые могущественные колдуны живут в Лапландии, хотя свои заклинания они произносят исключительно на славянском наречии, как тюрки, московиты, русские и норвежцы. Эксперт отметил, что эти бесценные сведения он почерпнул из бесед с господином Томасом Рэндолльфом, который бывал с послыством в России. Рэндолльф посетил Москву в 1568–1569 годах, в самый разгар ведьмовских процессов. Но поскольку языком он не владел, то информацию, очевидно, получал через приставов, которые накормили его отменными байками.

ВЛАСТЬ ПОТУСТОРОННЕГО

В народной среде сохранились воспоминания о Грозном царе в связи с его мерами против чародейства. До нас дошло сочинение, впервые опубликованное в 1844 году под названием «Повесть о волхвовании», написанная для Ивана Васильевича Грозного. В целом она развивает тезисы, отразившиеся в челобитных Пересветова. Государь попадает в зависимость от советников-колдунов, которые смущают и клевещут, а потому губят царство. Но покаяние и молитва всех спасают. «Чародеев» сжигают, и мир восстанавливается. Несмотря на название, сейчас исследователи склоняются к мнению, что текст повести возник не ранее начала XVII века и связан с событиями времен Смуты, намекая на обстоятельства при дворе Василия Шуйского – сугубо мнимого правителя. Тем не менее очевидно, что присутствие ведьм в окружении Ивана Грозного, а также жестокие меры царя против них были общеизвестны, и авторы повести считали их оправданными.

КОЛЛАЖ АЖАНЫ БУЛДУЕВОЙ

В 1874 году на Третьем археологическом съезде в Киеве историк-этнограф Н.Я. Аристов сообщил о рассказах «столетнего» соседского крестьянина Ивана Климова по прозвищу Шувай, которые ученый записал в своем родном селе Стеньшине Липецкого уезда Тамбовской губернии. Тот сообщил, что, «когда на Москве был царем Иван Грозный, он хотел делать все дела по закону христианскому, а бояре гнули все по-своему, перечили ему и лгали», отчего он даже вынужден был бежать, но потом вернулся и «перекрушил бояр, словно мух». Кроме того, «когда царем в Москве был Иван Васильевич Грозный, то на Русской земле расплодилось всякой нечести и безбожия многое множество». Государь горевал «о погибели народа христианского и задумал наконец извести нечистых людей на этом свете, чтобы меньше было зла, уничтожить колдуньев и ведьм». Он указал собрать всех чародеиц в столице на площади, обложить соломой и поджечь. Так и сделали. Но ведьмы стояли и ухмылялись, а как горячо стало, оберну-

лись сороками и разлетелись кто куда. Обманутый царь разгневался и наложил на них проклятие – довеку оставаться им сороками. Заклятие действует до сих пор, почему и сороки до Москвы ближе 60 верст не долетают. Здесь мы видим те же «пересветовские» темы вплоть до сожжения, хотя достоверных случаев таких аутодафе при Иване Грозном не зафиксировано. Активная борьба с колдовством в те годы сохранилась в памяти, причем, что характерно, активным пользователем заклятий выступает и сам царь. Он, конечно, имеет на это право, поскольку царь по определению на стороне добра. Впрочем, у многих таких поздних сказаний вполне могли быть и книжные корни. Сам Грозный определенно позволял себе больше других. Читал отреченные книги, заказывал их у провинциальных интеллектуалов-западников типа Рыкова, а также собирал у себя всяких знатоков потустороннего, провидцев и астрологов, о чем писал Курбский. Царь не просто любил запретные забавы, но именно использовал

колдовство. О высоком уровне познаний в «боевой магии» говорили иностранным дипломатам, в том числе Рэндолльфу. Наконец, есть указания, что клятва опричника сильно напоминала любовное заклятие, магическую формулу, обеспечивающую личную верность. Курбский утверждал, что опричники были околовданы.

Астрологическими предсказаниями Иван корректировал свои административные и политические инициативы, вплоть до смены главы государства, как в случае с Симеоном Бекбулатовичем. Эти же критерии применялись в борьбе с оппозицией – реальной и мнимой. Его маниакальная подозрительность, возможно, имела под собой и основания. Вполне серьезно о заговорах против государя писал Горсей. Именно в связи с этим англичанин отмечал исключительное пристрастие царя к трансцендентному, особенно астрологии и магии. Предчувствуя заговор, Иван приказал доставить к себе саамских чародев-предсказателей. Лапландцы считались самыми могуществен-

ными ведунами в Европе. Их вызывал ради чадородия и Василий III. Теперь они оказались в Москве накануне смерти Грозного. Горсей записал, что в Кремле собралось до 60 лапландских ведьм и колдунов.

Легенда гласит, что умер царь именно в предсказанный саамскими кудесниками день. Горсей прозрачно намекал на причастность к этому Бельского. Колдовством увлекался не только царь. Это был путь познания природы и человека. В годы господства религиозных догматов он неизбежно проходил по грани дозволенного. Но стоит подчеркнуть, что собственно догматы и предполагали повсеместное присутствие сверхъестественного, в том числе симпатического колдовства, лимомагии, предсказаний, астрологии. Власть потустороннего, то есть непознанного, присутствовала везде, подразделяясь на добрую и злую. Главный вопрос был – как выделить злую, запретную? Казалось бы, доброе определено церковным каноном, но жизнь многообразна, и метод установки четких рамок был далек от точности даже в среде самих священнослужителей. А вокруг – XVI век: церковь расколота уже не только на восток и запад, секты заполняют Европу, интеллектуалы, лишенные способности отказаться от религиозного контекста, мечутся в поисках точки опоры. Московия была, конечно, периферией этих процессов – почти дикой в этом смысле окраиной цивилизации, но знатоки встречались и здесь, тем более в окружении царя.

АПТЕКАРСКИЙ ПРИКАЗ

Некоторые полагают, что уже при Иване Грозном оформилось специальное учреждение, ведавшее знахарскими препаратами, – Аптекарский приказ. Высказывались предположения, что оно возникло еще в 1560-е годы. Известный историк медицины М.Б. Мирский считает, что ведомство появилось в 1581 году с прибытием в Москву англий-

ского врача Роберта Якоби и аптекаря Джемса Френчема, хотя эти медики и вернулись на родину уже в 1584-м.

Достоверные свидетельства о деятельности Аптекарского приказа фиксируются только с 1593–1594 годов. Именно при Федоре Иоанновиче он становится институцией. Без труда можно предположить, что активную роль в его создании (а Мирский считает, что и в руководстве) принимал Борис Годунов. Ведь, скорее всего, промышлять диковинными снадобьями, экзотическими кореньями и дорогущими препаратами царь поручал доверенным – лично преданным – людям, среди которых был и «государев слуга», конюший, высший придворный чин. По документам, однако, приказ представлен малоизвестными дьяками.

При царе Федоре внимание к медицинским практикам было особенно пристальным в связи с бездетностью царицы Ирины.

Это безмерно волновало окружающих. Особенно ее брата Бориса Годунова, прилагавшего все возможные усилия, чтобы разрешить проблему.

В сентябре 1585 года английский торговый поверенный Джером Горсей был отправлен в Англию к королеве Елизавете в качестве посла царя Федора и получил, судя по всему, от Бориса Годунова лично устные указания по привлечению в Россию опытных специалистов повивальных практик. Прежде всего его интересовал доктор Якоби, который уже служил при дворе Ивана Грозного, но потом уехал. Об этом сохранилась даже записка Годунова Горсею.

Горсей успешно справился с заданием. В воспоминаниях он специально отметил свои хлопоты. Кроме того, королева Елизавета искренне взволновалась бесплодием царицы Ирины и написала ей по этому поводу личное послание, которое должно было служить рекомендацией повитухе: в июне 1586 года Горсей вернулся в Россию и привез с собой доктора Якоби с опытной акушеркой. Но акушерку вдруг в Москву не пустили: она год провела в Вологде, а потом была выдворена домой, о чем написала жалобу в лондонский офис Московской компании. Причины конфликта не ясны. Судя по всему, при дворе не хотели поручать здоровье Ирины заморской кудеснице. Но Якоби к царю попал, хотя исправить ситуацию с бесплодием не смог.

Вполне возможно, что к этим усилиям относится и сюжет с попыткой привлечь в 1586 году на русскую службу знаменитого на всю Европу интеллектуала, математика, астролога, алхимики, мага, знатока ангельских языков доктора Джона Ди (см.: «Русский мир.ru» №11 за 2020 год, статья «Доктор Ди vs Борис Годунов». – Прим. ред.). Границы между научными дисциплинами тогда были размыты, но Ди, несмотря на свои энциклопедические познания, был не только врачом – для него

это лишь один из прикладных навыков, которым он в определенной степени владел, но активно не практиковал. Он вообще не имел однозначной специализации. Королева Елизавета называла его «мой философ», а работы его посвящены как математике и навигации, так и календарю, географии, астрономии, астрологии, магии, алхимии, диалогам с ангелами, медитативным практикам вплоть до предсказаний. Ди принадлежал к узкому кругу самых просвещенных умов второй половины XVI века, распределявших свои работы и усилия в самом широком диапазоне научных знаний. Для современников он был Философом, а сейчас его чаще всего сопровождают эпитетом «Чародей» (Conjuror).

ВЕДОВСКИЕ ПРОЦЕССЫ

Внезапная смерть царя Ивана 18 марта 1584 года породила множество слухов, в том числе о ведьмовских злодеяниях. Страх порчи пронизывал сердца близких к трону. Но при благочестивом царе Федоре Иоанновиче колдовских атак в государевом окружении намного меньше. Молитвенные усилия, казалось бы, возымели действие, хотя и не во всем. Подбирались со стороны стариков и других родственников.

Считается, что Иван Грозный оставил завещание, в котором описал состав регентского совета при царе Федоре – правителе, склонном больше уделять внимание делам церковным, нежели светским. В совет вошли И.Ф. Мстиславский, Н.Р. Юрьев, И.П. Шуйский и, возможно, Б.Ф. Годунов. Иногда к ним добавляют Б.Я. Бельского. Позднее утверждалось мнение, что власть сразу захватил будущий царь, Борис, но это далеко не так. Напротив, есть указания, что первые годы в стране заправлял Никита Романович (Романов) Юрьев, брат первой жены Грозного – царицы Анастасии, родной дядька царя Федора, ближайший его родственник. Но он был уже в

летах и болел. Государственные заботы быстро измотали старца: с лета 1585 года он фактически перестал появляться при дворе. В Разряде его имя последний раз упоминается в августе 1585 года, а рядом приписано «болен». Английский посланник Горсей передавал мнение, что он «был околдован», а потому «внезапно лишился речи и рассудка». 23 апреля 1586 года боярин умер.

Летом 1585 года другой регент, Иван Федорович Мстиславский, отправился в паломничество, в ходе которого внезапно постригся в монахи и в Москву

не вернулся. 23 июля 1585 года он был на Соловках, потом ушел на Белоозеро и в Кириллове остался иноком под именем Иона. Там он и умер 7 мая 1593 года, укрывшись за монастырскими стенами от чародейских посягательств.

При дворе остался герой псковской осады Иван Петрович Шуйский, которого подпирала плотная группа близких родственников. Среди думских чинов тогда было пятеро Шуйских. И в 1586 году слуги – «Федор Старов сотоварыщи» – донесли об их «измене». Такое обвинение предполагало нарушение клят-

вы верности и посягательство на благополучие государя, то есть, например, говор с зарубежными правителями, политический или физический ущерб династии, в том числе ворожба и порча. Подробностей следствия не сохранилось, но схожесть мер позволяет видеть аналогию в позднейшем деле Романовых 1600 года, которое представляло собой ведовской процесс – бояр обвиняли в намерении околдовать государя.

Осенью 1600 года Второй Бартеев, служивший у Александра Никитича, одного из пяти братьев Романовых, донес на хозяина, что тот якобы держит у себя некие чародейские коренья. Дело долго рассматривала Боярская дума. Участников пытали, но никто ни в чем не сознался. В итоге старший из братьев, Федор Никитич (будущий патриарх Филарет), был пострижен и отправлен в Антониево-Сийский монастырь, а других братьев сослали на Урал и в Сибирь, откуда трое так и не вернулись. Михаил скончался в порубе в Ныробском поселке около Чердыни; в далеком Пельме Василия «удавиша», а Ивана морили голodom. Александра Никитича увезли на Белое море в Луду («к Студеному морю к Усолью, рекомая Луда»), где он был удушен. Репрессии коснулись также многих их родственников – Черкасских, Репниных, Сицких, Карповых.

В отличие от дела Шуйских фрагменты дела Романовых сохранились – это разрозненный комплекс докладных записок приставов. Существующий объем информации позволяет соопасставлять схемы этих интриг – против Шуйских в 1586–1587 годах и против Романовых в 1600 году. Судя по всему, везде шла речь о злоумышлении на здоровье государя, государыни и их детей, то есть возможности деторождения.

В ходе репрессий над Шуйскими будущий царь, Василий Иванович (Шуйский), примерно после сентября 1586 года был

Коллаж А.Жельной Бушевой

сведен со смоленского наместничества и отправлен в ссылку. Остальных братьев тоже разослали. Василий с Александром оказались в Галиче, Иван и Дмитрий – в Шуе. Иван Петрович Шуйский был выслан на Белое озеро и удушен в Кирилловом монастыре 16 ноября 1588 года. А в 1589 году задушили и Андрея Ивановича Шуйского. Судя по всему, власти, как и в случае с Романовыми, очень не хотели проливать кровь именитых нобилей, но предпочитали лишать их дыхания или гноить болезнями. Впрочем, это могли быть и меры, упреждающие некие колдовские последствия.

После ухода Мстиславского, смерти Юрьева и опалы Шуйских из первоначального совета у власти остался только Борис Годунов, оформивший к 1587 году свою монополию на трансляцию монаршей воли. Молодые Романовы, с которыми он справится в 1600-м, пока были покорны и согласны. Из других конкурентов сохранился клан Нагих, объединившийся вокруг удаленного в Углич наследника престола – царевича Дмитрия.

ТАИНСТВЕННАЯ СМЕРТЬ

Нагие точно жаждали власти. Но теперь уже сложно разобраться, кто нанес первый удар. 15 мая 1591 года царевич Дмитрий погиб. Гнев Нагих вместе с горожанами обрушился на дьяка Михаила Битяговского, заправлявшего в Угличе от имени царя. Разорвали сына Битяговского, разграбили подворье дьяка, разорили Дьячью избу (центральный административный офис удела), пострадали другие служащие. Всего в ходе беспорядков было убито 18 человек. Царица Мария горевала и во всем винила Бориса Годунова, который подоспал для организации покушения на царевича дьяка Битяговского, который, в свою очередь, подкупил баб в ее окружении, в частности Василису Волохову, отвечавшую за женскую часть двора. Братья Нагие были согласны с сестрой. Волохову избили, а ее сына лишили жизни. Удивительным образом не пострадала кормилица Ирина Тучкова, на руках у которой испустил дух царевич. Не были наказаны и детишки, игравшие с Дмитрием во дворе в момент

гибели. Уже непосредственным свидетелям произшедшее казалось странным и загадочным. Немедленно из Москвы была направлена следственная комиссия, которая должна была расследовать три дела: гибель царевича, гибель государева дьяка и ведьмовской заговор на жизнь царя. В Углич поехали боярин князь В.И. Шуйский, окольничий А.П. Клешнин, дьяк Е.Д. Вылуггин, а также митрополит Сарский и Подонский Геласий, ведавший, надо полагать, вопросами духовных преступлений. Все материалы работы комиссии не сохранились, но из того, чем мы располагаем, можно заключить, что обвинения в колдовстве предъявляли обе стороны конфликта. На допросе Волохова подтвердила, что на подворье у Михаила Битяговского жила некая юродивая («жоночка уродливая»), которую приглашали к себе «для потехи» и Нагие. Во время этих визитов она встречалась с царевичем, которого «портила». Через два дня после смерти Дмитрия про ведьму вспомнили, нашли и убили. Это случилось

еще до прибытия московских следователей.

Несчастная вдова Авдотья Битяговская, напротив, рассказала, что это Нагие сами «беспрестанно» добывали «ведунов и ведуний к царевичу Дмитрею». А ведун Ондрюшка Мочалов постоянно обитал на подворьях Нагих, у Михаила Нагого, у Григория Нагого и у жены Андрея Нагого Зиновии. Михаил Нагой, старший из братьев, приказывал Мочалову «ворожити» и про государя, и про царицу, «сколько они долговечны». Он же, кроме того, что приказал убить государя дьяка, еще и оказался замешан в чародействе на жизнь царя Федора и царицы Ирины. Судя по всему, были еще какие-то версии о случаях чародейства, но сохранились только намеки. Так, городовой приказчик Русин Раков подал челобитную митрополиту Геласию – именно ему, а не светским следователям, сообщив, что Михаил Нагой приказал ему собрать всяких ножей и оружия, убить курицу, измазать все ее кровью и разложить по трупам погибших в ходе беспорядков, сваленным

в крепостной ров. Шуйский со товарищи также допрашивали Русина о случившемся. Вообще, этой акции с кровью уделено в сохранившихся бумагах очень большое внимание, хотя ее причины остались не до конца понятны. Возможно, Нагие хотели отвести обвинения в мятеже и подкрепить вину убитых, оказавших сопротивление или перерезавших друг друга, но сделано это было слишком бесхитростно, а появление жертвенной курицы вообще могло указывать на колдовскую практику.

Как бы то ни было, результаты расследования угличских событий первым делом доложили церковному собору и патриарху, то есть тем, кто судит духовные преступления. Они вынесли постановление по каждому из обвинений, а уже потом передали выводы царю: 1. Гибель царевича случилась «Божьим судом»; 2. Главный организатор беспорядков и убийства дьяка Битяговского – Михаил Нагой; 3. «Михаило Нагой держал у себя ведуна Ондрюшу Мочалова и иных многих ведунов».

Характерно, что после слушания материалов следствия и постановлений собора царь Федор с боярами приказал арестовать и доставить в Москву для дополнительных изысканий только трех человек: кормилицу царевича Ирину Тучкову с мужем и ведуна Ондрюшу Мочалова. Для этого были направлены в Углич два отдельных пристава: Михаил Молчанов – за Тучковыми, а Федор Жеребцов – за чародеем. Сохранилась память, выданная Ф.А. Жеребцову, первому известному нам в русской истории охотнику на колдунов: «Память Федору Олексеевичю Жеребцову: ехати ему на Углеч к Федору к Мисюреву и быть с ним на Углече, покаместа сыщет Федор ведуна Ондрюшу Мочалова; а как Федор Мисюрев ведуна Ондрюшу сыщет, и Федору того ведуна, у Федора Мисюрева и у дияка у Первого Карпова, взяв, везти, сковав крепко и бережно, с великим береженьем, в ручных железех и в ножных, чтоб однолично с дороги не утек и дурна б над собою никотого не учинил, а ехати с ним наспех, не мешкая».

Что случилось далее, нам неизвестно. История получила продолжение только тринадцать лет спустя, когда до двора тогда уже царя Бориса Годунова доходят сведения, что где-то на Украине объявился чудом спасшийся царевич Дмитрий. И в первых же письмах московские власти отражают подход к самозванцу как к ведьмаку, чернокнижнику, некроманту. Летом 1604 года патриарх Иов пишет послание, которое рассылают польскому королю, сенату, западнорусскому духовенству, «по городам на Украину к воеводам», в частности к киевскому воеводе князю К.К. Острожскому.

Там говорится, что они приютили беглого монаха Гришку Отрепьева, «еретика» и «богоотступника», который «впал в ересь и в чернокнижное звездочество и в иные скверные дела, и призванье духов нечистых и отречение от Бога у него вынели». В сентябре 1604 года в Литву был направлен посланник Постник Огарев, который должен был на сейме сообщить официальную позицию Москвы: расстрига «як был в миру и до чернечства, отступил от Бога, впал в ересь

и в чернокнижье и призывание духов нечистых, и отреченья от Бога у него вынели». Аналогичные обвинения в отношении Отрепьева были представлены в грамоте, отправленной в ноябре 1604 года с посольством к императору Рудольфу, – «чернокнижничество» и «вызывание злых духов». Не иначе как сатанинскими кознями сочли воскрешение царевича Годунов и его советники, включая патриарха Иова. Они вовсе не ставят вопрос о простом самозванстве – никаких подобий Хлестакова! Перед нами некромант, который сумел захватить, поработить и воплотить душу царевича Дмитрия – дьявольской силой на погибель правоверным. Для Годунова, судя по всему, это было

самым понятным объяснением случившегося.

Еще Горсей, близко знавший правителя в 1580-е годы, писал об увлечении Бориса Годунова некромантией. Это был очень мнимый и погрязший в суевериях человек. После избрания на царство в 1598 году он утвердил подкрестную присягу верности, которую должны были приносить все служилые российского государства. Четверть (!) этого текста посвящена обязательствам не наводить порчу и не колдовать против государя: «...людей своих с ведовством да и со всяkim лихим зельем и с кореньем не

ного характера – через церковь. Заговоры против Годунова – действительные или мнимые – также воспринимались как ведьмовские. Таково было дело против братьев Романовых осенью 1600 года, о котором мы упоминали. В том же году обвинения «в коренье и ведовском деле» возвели и на одного из Шуйских – И.И. Шуйского, младшего брата будущего царя. Стоит признать, что такая страсть к поиску чародеев была свойственна вовсе не только Годунову. Это было распространено при всех европейских дворах XVI–XVII веков. Россия в этом смысле не была исключением. Тексты сохранившихся подкрестных записей чуть ли не всех русских царей до

Петра Великого содержали обязательство не наводить порчу и не колдовать против государя. Так и у Лжедмитрия (грамота в Сольвычегодск 12 июня 1605 года), так и у Василия Шуйского (в Пермь Великую 20 мая 1606 года) – того самого Шуйского, который вел

следствие в Угличе в мае 1591 года, а потом стал царем.

Божья благодать предполагает гармонию, мир и благоденствие, единство и добро. Любое нарушение социальных устоев, а тем более покушение на верховного правителя, как личное, так и опосредованное, – дьявольское наущение. Противодействовать ему следует всеми доступными силами. Не только церковными тайнствами, но и физическими казнями сатанинских приспешников. Иван Грозный понимал именно так. Его преемники были лишь чуть более гибкими. Духовная сфера не только устанавливала правила личной жизни человека Средневековья, но и определяла социально-политический быт всего общества. ●

посылати и ведунов и ведуней не добывать... на следу всяким ведовским мечтанием не испортити, ни ведовством по ветру никакого лиха не насылати и следу не выимати, ни которыми делы, ни которою хитростью. А как Государь Царь... и его Царица... и их дети... куды поедут или куды пойдут, и мне следу волшеством не выимати и всяким злым умыщлением и волшебством не умышляти и не делать ни которыми делы, ни которою хитростию, по сему крестному целованию».

Страх чародейства пронизывал все политические процессы эпохи Ивана Грозного, а Борис Годунов был плоть от плоти того же круга. И никак иначе не воспринимал измену и вообще неправедное действие, как искус дьявольский, отчего и меры принимал прежде всего духов-

ПОХЛЕБКА ПРОСТАЯ И ЯСТВА ПРЕИЗРЯДНЫЕ

АВТОР

ДАНИИЛ ВЕДЕРНИКОВ

ОБЕД ГОСУДАРЯ НЕОДНОКРАТНО БЫЛ ОПИСАН СОВРЕМЕННИКАМИ, И, НАВЕРНОЕ, ГЛАВНОЕ, ЧТО ПОРАЖАЛО ИХ В ЦАРСКОМ ОБЕДЕ, – ЭТО ЕГО ПОСПЕШНОСТЬ И ПОДЧЕРКНУТОЕ ОТСУТСТВИЕ ЦЕРЕМОНИЙ. ТАК, СВИДЕТЕЛЬ ВИЗИТА ПЕТРА В ДАТСКИЙ ГОРОД НЮКЁБИНГ В 1716 ГОДУ БЫЛ ЯВНО УДИВЛЕН, ОПИСЫВАЯ, КАК ЦАРЬ «ОТКАЗАЛСЯ ОТ ПРИГОТОВЛЕННОГО ДЛЯ НЕГО УЖИНА, ВОШЕЛ В ДОМ ПОЧТМЕЙСТЕРА ИВЕРА РОЗЕНФЕЛЬДТА, ПОПРОСИЛ ПОДАТЬ РЖАНОГО И ПШЕНИЧНОГО ХЛЕБА, МАСЛА, ГОЛЛАНДСКОГО СЫРА, ПИВА, ВОДКИ И ВИНА. ОСОБЕННО ПОНРАВИЛОСЬ ЕМУ ДАНЦИГСКОЕ ПИВО. ОН НАМАЗЫВАЛ МАСЛО НА ХЛЕБ И ОБЛИЗЫВАЛ ОСТАТКИ МАСЛА С НОЖА».

ТАКАЯ ПЕТРОВСКАЯ любовь к «быстрой» еде и «корабельным» блюдам – сырам, сельдям, копченостям, соленостям и прочему, не требовавшему приготовления, – это не только следствие фанатичной привязанности к морю и флоту, но и жизненная необходимость, обусловленная активностью и темпераментом Петра I.

Однако не следует считать петровский фастфуд пищей скромной, пусть и последующий миф рисует Петра Алексеевича сугубо государем-солдатом и царем-плотником. Часто в подтверждение демократичных вкусов Петра приводят цитату из сочинений его придворного токаря Андрея Нартова: «Кушанье

его было: кислые щи, студени, каша, жареное с огурцами или лимонами солеными, солонина, ветчина, да отменно жаловал лимбургский сыр...» Воспоминание это, даже если действительно принадлежит Нартову, было оставлено намного позже смерти государя. И отражает не столько реальность, сколько сложившуюся персональную мифологию: привычка царя к щам и каше – пище солдат – демонстрирует его демократичность; любовь к жаркому с огурцом и лимоном – блюду московской кухни – делает его продолжателем русской традиции; а солонина, ветчина и лимбургский сыр напоминают о его любви к морю и Голландии. Реальность, как всегда, оказывается более сложной.

Сам Петр опровергает этот миф в своих письмах к заморским

агентам, прося их привезти те или иные деликатесы. Об устрицах, голландских сельдях, лимонах и сыре мы уже говорили в предыдущем тексте, но помимо этого Петр просит привезти дорогую вестфальскую ветчину, колбасы, голландское масло, сладких португальских апельсинов да разной морской рыбы, включая шпроты: «спрот копченой и семог копченых же с сим же посланным, да по пути пришлите свежей мерзлой рыбы трески и палтусины, и наваги». В письме к князю Куракину он с большой любовью вспоминает соленые анчоусы, выступая как истинный гурман: «анчоусоф самых добрых испанских, которых маленкия, внутри красны, а когда на язык положишь, то гораздо остро кусает и само бутто тают на языке». Просит он доставить и такие исключительные редкости, как «индейский солоный бамбу, да соленые же манго в уксусе – каждого по боченку». И, наконец, завершая образ гастронома-экспериментатора, просит и «сою к мясу» – видимо, аналог соевого соуса, еще малоизвестного и непривычного в кулинарии XVIII века.

«САХАР В КУШАНЬЕ ОН НИКОГДА НЕ ТЕРПИТ»

Готовит для государя Иоганн фон Фельтен – датчанин, исполняющий должность главного «кухмистра». Под его начальством служили как русские, так и немецкие повара. Впрочем, в историю он вошел не столько как искусный шеф-повар, сколько как персонаж анекдотов. Однако представить примерно, что ему приходилось готовить, большого труда не составит. Как уже говорилось, главным блю-

КОЛЛАЖ АНЖЕЛИ БУЧУЕВОЙ

дом на столе того времени было жаркое. Свидетели царских трапез подтверждают это, упомянутая жаренное на вертеле или в печи мясо или птицу в числе кушаний.

«Около 9 часов накрыли стол, его повар принес холодного зайца, запеченного или зажаренного в печи – это был его обычный ужин», – пишет англичанин Джон Белл. Льежский каноник Анжельбер де ля Нэ, с нескрываемым снобизмом описывая участие в курьезной трапезе в Спа

в 1717 году, отмечает: «Подали вторую перемену. Солдата, случайно проходившего мимо кухни, заставили взять блюдо, и, не успев снять шляпу, он, чтобы ее сбросить, стал трясти головой, но царь сделал ему знак явиться, как он был. Перемена состояла лишь из одного блюда: две телячьих вырезки и четыре цыпленка. Его величество, заметив цыпленка покрупнее, взял его рукой, провел им у себя под носом и, сделав мне знак, что цыпленок хороший, оказал мне

милость, бросив его мне на тарелку». Камер-юнкер Фридрих Берхгольц, оставивший несколько наблюдений о петровских обедах, отмечает в составе рациона «какие-нибудь овощи, нарезанные мелкими кусочками жареную говядину с солеными огурцами, жареные утиные ножки, которые он всегда окунал в кислый соус, приправленный луком, молодую редиску и т.п. Впрочем, его величеству очень нравились и некоторые кушанья, изготовленные нашими (то есть немецкими) поварами, в особенности же те, при которых много соуса и в которых нет сахара, потому что сахар в кушанье он никогда не терпит». По-видимому, Берхгольц имеет в виду те разновидности кисло-сладкого соуса на уксусе с медом, что был популярен как среди немцев, так и среди русских. Главной заменой соуса для государя могли служить соленые лимоны, о доставке которых особо отмечается в царских письмах. Этот забытый ныне деликатес русской кухни сохранился ныне в странах Магриба. Сделать его несложно и сейчас. Нужно надрезать лимон с двух сторон и всыпать в каждый разрез по чайной ложки соли. Уложив лимоны в банку как можно плотнее и накрыв крышкой, их следует оставить на пару недель в погребе.

Еще одна важная гастрономическая привязанность Петра I – ржаной хлеб. Кстати, небольшие пшеничные булочки сопровождали каждый обед за житочного европейца тех лет, и тем интереснее для них было то, как государь помимо привычного белого хлеба просит подать кусок ржаного: «Кухмистер еще до его приезда положил к его прибору также несколько маленьких черных хлебов, потом деревянную ложку, нож и вилку», – вспоминает Берхгольц. «Я заметил, что подле каждого прибора лежал кусок белого и кусок черного хлеба», – пишет Джон Белл. Этот обычай долгое время сохранялся при русском дворе.

«ЧАЮ И КОФЕ ЗДЕСЬ УПОТРЕБЛЯТЬ НЕ ЗДОРОВО»

Любовь к выпивке, ставшая обязательной для приближенных царя, по счастью, недолго пережила двор великого государя. В черновике одного из писем королю Польскому и курфюрсту Саксонскому Петр прямо упрекает своего коллегу за запрет, наложенный на выпивку для саксонского посланника Ланга. «Любезный брате! Как о покойном Иоганн Карловичче, так и сем Ланге писать изволите, чтоб его не неволить горячим питьем (то есть «крепким». – Прим. авт.), на что ответствую, что сами можете разсудить, что сей Ланге не есть Гиышпан, но Саксон и обретается здесь в студеных краех, а чаю и кофе здесь зело мала (зачеркнуто – «и употреблять не здорово». – Прим. авт.). Согласно логике царя, «горячее питие» подобает для южных народов – к примеру, испанцев, а вот в нашем суровом климате крепкая выпивка – жизненная необходимость. И хотя «горячие» напитки еще со времен Московской Руси известны при дворе, Петр, по всей видимости, отдает им дань как европейской моде. В структуре европейского обеда начала XVIII века «горячих» напитков еще нет. И даже десерт еще более столетия сопровождает не чай и кофе, а алкоголь.

Каким же напиткам отдает предпочтение государь? Каковы они были на вкус? Пиво и водки (иногда называются «вином». – Прим. авт.), из которых отмечены французская, гданьская и голландская, это те алкогольные напитки, что были привычны для жителя Северной и Восточной Европы, лишенных собственных виноградников. Поэтому у нас именно виноградные вина и отличают «высокую» трапезу. Технологии хранения вина только начинают совершенствоваться в этот период. Вино начинают разливать и хранить в бутылках, но их еще слишком мало, чтобы вытеснить бочки. В бочках вино вполне могло прокиснуть, не про-

жив и года, поэтому сухие вина еще слишком простые на вкус – кисловатые. Они мало ценятся. Этим часто объясняют широкое использование уксуса и вина в старинной кухне. Сладкие и крепленые вина из южных земель, не скисающие во время долгой дороги, господствуют на столах знати. Из крепленых вин самым почитаемым был испанский херес, а самым дорогим, поистине королевским вином считалось токайское, или «венгерское», изготовленное из пере-

зрелого, подсохшего сладкого винограда.

Остановившись в 1716 году в Гданьске, Петр I платит по 2 червонца (то есть золотых) за штоф токайского. Для сравнения: за бутылку французского «Эрмитажа» – любимого вина французских королей и аристократов – платят чуть менее 2 талеров, то есть серебряных монет. Самым демократичным из вин, подававшихся на петровских застольях, было рейнское – то самое, которое зачастую подавали и в трактирах.

КУХОННЫЙ ОЧАГ

Давайте представим теперь, что вместо обеда или попойки в узком кругу вы приглашены на торжественный обед по случаю викторий, церковных праздников или семейных торжеств. И без нас вам расскажут анекдоты о кубках Большого орла, пропахших табаком ассамблеях, вылезающих из пирогов «кралицах», но какие блюда мы сможем отведать на большом пиру – об этом историки обычно молчат. Да и сам кухмистер фон Фельтен вряд ли создавал привычное нам меню, выписывая первое, второе, третье, компот и прочие названия блюд. Этого совсем не принято было делать ни для царских банкетов, ни для *diner* французского короля. Повар мог лишь записать: «говядины – 6 пудов, баранины – 2,5 пуда, телятины – 3,5 пуда, барашков 5, сала 30 фунтов» и так далее. И нам остается лишь догадываться о блюдах, имея на руках такие списки и держа в уме представления о развитии кулинарного искусства в начале XVIII века.

Поэтому перед обедом следует заглянуть на кухню. Кухни обычно располагались вне основного здания дворца, в котором было оборудовано помещение для подогрева: именно такие миниатюрные кухни сейчас показывают в Меншиковском дворце и в малых дворцах Петергофа. «Плиты производят революцию на кухне в эпоху Петра», – часто говорят экскурсруды. Но, приглядевшись, мы увидим не плиты, а кирпичные столы под вытяжным колпаком. Поверх этих столов насыпали горячие угли. До полноценной плиты с металлической поверхностью, под которой пылают дрова, еще далеко. А на большой кухне богатого дома мы увидим, скорее всего, не плиты, а большой каминный очаг, перед которым крутится вертель с птицей, дичью и поросстами. Мясо не соприкасается с огнем, и мясной сок стекает на

специальный поднос под вертелем. Над пылающим огнем очага уже развесены многочисленные котелки – в них вариат супы и «соусы», то есть мясные рагу. Для выпечки хлебов и приготовления некоторых блюд русской кухни здесь же есть и русская печь.

Груды мяса, предназначенные для пира, необходимо превратить в десятки разных блюд, используя лишь огонь очага. Потому и рецепты той эпохи покажутся нам однотипными и довольно простыми. Так что разницу между кухнями России, Германии и Франции мы вряд ли бы ощутили.

Какие же европейские блюда на пирах соседствовали с кушаньями русскими? Помимо многочисленных соленостей и копченостей, приготовленного на вертеле шпигованного мяса, приправленного корицей и гвоздикой, обязательным на столе было тушеное мясо в подливе – такой тип блюд чуть позже русские повара будут называть «соус».

Необходимость приготовления большого количества блюд к столу заставляла поваров максимально стандартизировать процесс приготовления «соусов». Более всего преуспела в этом кухня французская. Стандартизацию по французскому образцу мы видим и в популярных немецких книгах тех лет, которые были известны и в России. «Флоринова экономия» – немецкая хозяйственная книга 1702 года, переведенная уже в царствование Анны Иоанновны, приводит не столько рецепты, сколько схемы приготовления, в том числе и «соуса» для тушения мяса: «возьми мясной ухи (бульон. – Прим. авт.), подотри оную мукою, прибавь уксусу, лимонного соку, потом разваривши разотри цыпленка и несколько ломтей ветчины, положи коровьего масла и пряных зелий с белым вином, корицы, имбирю, перцу и мушкату. Иные кладут шалфею, розмарину и других трав». Если этот рецепт

явно несет следы французского влияния, то следующий, с добавлением сладкого изюма, характерен для вкусов Восточной Европы: «растерев черного хлеба и налить ухи, в которой телятина варена, еще прибавить лимонного сока, ветчины, масла коровьего, туда же положи пряных зелий, коринки (коринфский изюм. – Прим. авт.) или изюмных ягод».

Если бы не изюм и ржаной хлеб, то разницу с блюдом на французский манер мы вряд ли заметили бы сразу. Большинство французских рецептов тех лет вторит общему принципу: мясо шпигуется и заливается бульоном (или бульоном с вином) и тушится в плотно закрытой посудине вместе с кусками сала, ветчины, телятины, а также с букетом ароматных трав и, возможно, грибами. Рецепты французских кулинарных книг будут отличаться лишь названием мяса или птицы, что идут в «соус». Если вы обладаете развитым вкусом, то, скорее всего, сможете отличить блюдо на французский манер от немецкого, польского или русского: в последнем вы ощутите большую пряность, аромат корицы, гвоздики, шафрана и имбиря, большую сладость за счет сахара, меда или изюма с сухофруктами, которые щедрый повар добавил в подливу.

В соседнем с главной кухней помещении выпекаются пироги или «паштеты», как их называют на немецкий манер. «Паштеты», из которых во время пира могут вылезти карлики во французских нарядах, на самом деле популярный в кухне тех лет высокий пирог. Тесто для него делается на сале или сливочном масле по типу песочного, стенки «паштета» выстраиваются высокой стеной. По сути, такой пирог представляет собой кастрюлю, в которую может идти любая начинка: ветчина, тушки птиц целиком, рубленое мясо и потроха, рыба, овощи, изюм и сухофрукты (конечно же, вместе с мясом), миндаль... Рецептов

КОЛАЖ АНЖЕЛИН БУТУСОВОЙ

«паштетов» такое множество почти в каждой кулинарной книге на любом языке, что очевидно лишь одно: «паштет» – это прежде всего блюдо для импровизации повара. Не менее важно было украсить такой пирог, придать ему прихотливую форму, поскольку «паштеты» составляют главный аттракцион барочного стола – вплоть до появления десерта.

Для сахарных блюд отведена еще одна комната, жара тут меньше, чем на большой кухне. Поэтому с овощами и свежими салатами предпочитают работать именно там, где работают с сахаром, хотя нашему современному это показалось бы странным.

Если мясо не было новшеством для русского стола, то распространение свежей зелени в петровское царствование было новинкой, хотя и отражало тенденции кухни еще допетровской поры. Салаты, шпинат, спаржа, а также свежие огурцы подавались на стол не только в постные дни, но и в качестве «сопровождения» жаркого. Зелень требовала простой заправки, попробовав ее, мы поймем, что она почти не изменилась за триста лет: в нее шли уксус, деревянное (оливковое) масло, соль, перец, изредка лимонный сок. Если нет свежей зелени, повар готовит «салат» к мясу даже из померанцевых и апельсиновых корок с сахаром и вином, засахаренных фруктов и чернослива.

Осмотр кухни мы вынуждены прервать, поскольку нам пора за пиршественный стол. Стол накрыт белой льняной скатертью. Перед вами – оловянная тарелка, нож, ложка, вилка и лишь один бокал. Кстати, в Европе вилка – вещь уже привычная, но все еще не обязательная. Поэтому в еде вы можете помогать себе руками, тем более что так поступают и Петр I, и Людовик XIV. А вот что нас действительно удивит, так это привычка залезать в чужую тарелку. Индивидуальный

куверт, то есть прибор, только входит в общее употребление: «Если, съев бульон, вы хотите еще, вы без церемоний залезаете в тарелку соседа, как поступил Его величество с миской своего канцлера», – замечает Анжельбер де ля Нэ.

По удару маршальского жезла стол заставляется блюдами. Даже посетив кухню, вы все равно удивились бы мясному изобилию. Современному человеку оно показалось бы излишним, тем более что привычные нам овощные гарниры зачастую отсутствуют. Во время пира мясо будет подаваться снова и снова – по ходу нескольких перемен блюд.

По свидетельствам современников, большую часть царствования Петра перемены блюд строились по русскому образцу. Сначала шли холодные кушанья: мясо (в пост – рыба) с соленьями и студни, затем – жаркое и блюда под соусами (во взварах – на старорусский манер), после – всевозможные ухи (общее название для супов). И наконец «хлебное» – все виды пирогов и изделий из теста. Датчанин Юст Юль, вспоминая свой обед с русскими в Нарве, отмечает этот порядок: «Стол, накрытый человеком на 12, был уставлен кругом блюдами; но блюда стояли возле самых тарелок, так что середина стола оставалась свободной; на этом свободном месте находились уксус, соль, перец и большой жбан (Römer) с крепким пивом. На блюдах находились лишь холодные яства, ветчина, копченый язык, солонина, колбаса, селедка, соленья; все это было оченьсолено и сильно приправлено перцем и чесноком. За сею переменою последовала другая – из различных жарких. Третья перемена состояла исключительно из супов. Таким образом порядок блюд за Русским обедом совершенно обратен принятому в Дании».

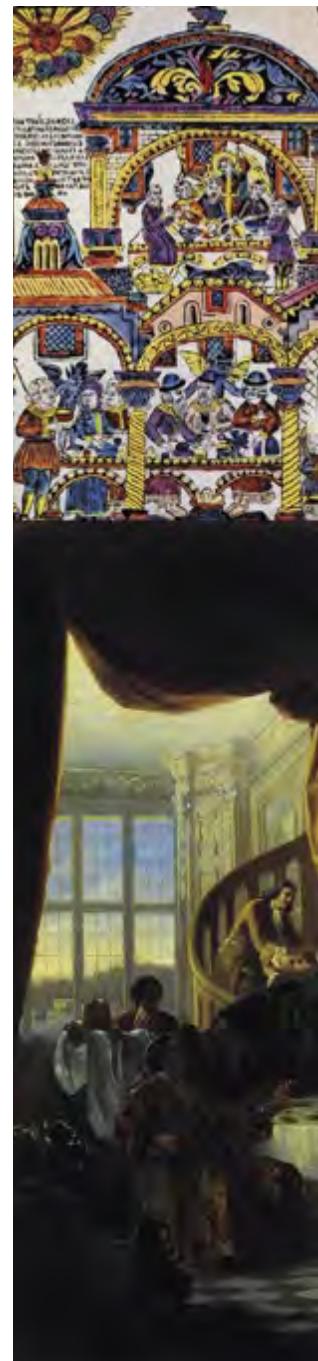
Судя по всему, после поездки Петра I во Францию в 1717 году и принятия императорского

титула перемены блюд стали соответствовать входящей в моду французской сервировке, которая строилась более привычным для нас образом. Начинался банкет с супов, со сопровождающими с холодными кушаньями. Затем шло мясо под соусом и горячие пироги. После них – жаркое с салатами. И, наконец, на стол ставились «антреме» – различные виды овощных рагу и холодных пирогов-«паштетов». О переходе на французскую сервировку свидетельствуют и несколько заказанных во Франции «сюрту де табль», которые сейчас хранятся в Эрмитаже. Серебряные «сюрту» – драгоценные новинки для застолов тех лет. Предмет этот, лишенный всяческих механизмов, французы иногда называли «машиной» за его многофункциональность: состоял он из центрального блюда или вазы, подсвечников, судков для масла, соли, уксуса и прочих специй. Конечно, такой роскошный ансамбль необходим был прежде всего для украшения и обозначения центра стола. «Сюрту» возвышался над всеми блюдами и приборами, именно от него симметрично выстраивались блюда во французской подаче.

Французская подача не предполагала только французских блюд, кухня той или иной страны вполне могла встроиться в церемониальные рамки этой системы. Русская кухня не была исключением.

БОЛЬШИЕ ПИРАМИДЫ СО СЛАСТИМИ

Слуги убирают приборы и скатерть, мы уже готовы выйти из-за стола, как вдруг объявляется десерт. Торжественный обед немыслим без десерта или, как тогда говорили, «фруктов». Десерт не был новинкой в петровское царствование. Десертом было отмечено рождение самого Петра: царь Алексей Михайлович велит приготовить сладкий стол, разукрашенный сахарными фигурами, коврижкой в форме двуглавого

КОЛЛАЖ АНЖЕЛИ БУЧУЕВОЙ

орла и даже сахарной моделью Кремля. Уже тогда московский двор был знаком с традицией итальянского Ренессанса: созданием сложных сахарных скульптур, предназначенных не для еды, а для удивления едоков. Еще одна впечатляющая традиция – воздвигение фруктовых и «конфектных» пирамид. Из записок Берхгольца мы знаем, что в 1722 году в день рождения герцога Голштинского на столе «стояла большая пирамида со сладостями, на которой красовал-

ся отлично сделанный из сахара вензель герцога, с короною наверху и двумя пальмовыми ветвями по бокам». Подобные пирамиды сооружались на сделанных из стекла яруса. Представить подобные десерты позволяют европейские книги по кондитерскому искусству рубежа XVII–XVIII веков. Иногда, когда гостей пиршества необходимо было поразить сразу, десертные пирамиды воздвигались вместе со всеми остальными, «несладкими» кушаньями,

которые заранее выставлялись в закрытой зале и являлись гостям в нужный момент торжества. Такая одновременная расстановка называлась *ambigu*. Овощи и фрукты с петровских огородов и оранжерей были гордостью царя, но, разумеется, не могли удовлетворить любопытства царя в отношении «экзотики». «Цукерпер бонкрутию баргамут» и «португальские апельсины» царь лично просит доставить ко двору. За смешным названием скрываются засахаренные бергамоты (груши). Варенья и фрукты в сахаре, разумеется, делали и у нас, правда предпочтитель заменять дорогой сахар медом или патокой. В плотном сладком сиропе с добавлением корицы, гвоздики и мускатного ореха фрукты несколько раз проваривали, прежде чем закатать в горшочки или подсушить в печи для получения «сухих конфект».

Десертный стол в барочной культуре считался «женским». Именно на женский стол подавали разные сладости к концу обеда, «чего за столом царя никогда не бывает», – вспоминает Берхгольц.

Десерт завершает торжественную трапезу. А вместе с ним подходит к концу и наше гастрономическое путешествие. Прогулявшись по Петербургу от хижин строителей до царского дворца, мы, возможно, зададимся вопросом: чем же для нас может быть так важна петербургская кухня первых десятилетий существования города? Важна она отнюдь не новациями: надо признать, что их было не так уж много. Однако кухня отражала дух города – большого плавильного котла, в который на службу государя стекались представители многих европейских наций. Отныне русская кухня – всегда существовавшая как часть большой европейской традиции – может черпать вдохновение и делать свежие открытия, так, чтобы к XIX столетию превратиться в гастрономический и культурный феномен. ■

АЛЕКСАНДР БУРЫЙ

МИССИЯ ВЫПОЛНИМА

АВТОР

ДМИТРИЙ КОПЕЛЕВ

ОТНОШЕНИЯ РОССИИ И ФРАНЦИИ СКЛАДЫВАЛИСЬ НЕПРОСТО. О НАЛАЖИВАНИИ ДРУЖЕСТВЕННЫХ СВЯЗЕЙ МЕЖДУ ДВУМЯ ДЕРЖАВАМИ ФАКТИЧЕСКИ МОЖНО ВЕСТИ РЕЧЬ ТОЛЬКО ПОСЛЕ ВИЗИТА ПЕТРА I В ПАРИЖ В 1717 ГОДУ.

Для взаимной холодности были и более веские причины. Франция стояла за спиной извечного соперника России – Стамбула. Поэтому когда в 1697–1698 годах молодой царь Петр Алексеевич в составе Великого посольства путешествовал по Западной Европе, о посещении Парижа речи не шло. Он побывал в Бранденбурге, Нидерландах, Англии, вел переговоры в Саксонии и Австрии, ибо именно они, как рассчитывал Петр, могли составить крепкий союз христианских государств, противостоящих Османской империи. Французские дипломаты тем временем настраивали Близостательную Порту против Москвы и ее союзницы Вены. Кроме того, парижские интриганы покупали голоса польских

ДОЛГИЕ ГОДЫ ПЕТР не забывал оскорблений, нанесенного в 1687-м русским послам в Париже – князьям Якову Долгорукому и Якову Мышецкому. Людовик XIV отказывал им в прощальной аудиенции. Когда же они ее все-таки добились, оказалось, что король в послании малолетним царям Ивану

и Петру пропустил обращение «великие государи». Русским посланникам объяснили, что даже самого себя «король-солнце» не величает этим титулом. Разгорелся скандал. Послы уехали, так и не приняв королевскую грамоту, а оскорбленные московские власти отказались пропустить через свою территорию французских иезуитов, следовавших в Китай.

шляхтичей в поддержку неприемлемого для России кандидата на польский престол – герцога де Конти. А Людовик XIV, гонитель любимых Петром голландских протестантов, укрывал претендента на английский престол Якова II, который доставлял столько хлопот новоиспеченному «приятелю» царя – английскому королю Вильгельму III. Дерзкие корсары из французского Дюнкерка вместе со шведскими каперами блокировали голландские порты и Северное море, закрыв торговлю с единственным тогда русским портом – Архангельском. Будущее, казалось, не сулило радужных перспектив для потепления климата между Францией и Россией.

Побывав в европейских столицах, Петр понял, что в дипломатической игре следует сдерживать эмоции. Внешняя политика – сложное переплетение тончайших нюансов, ее ведут расчетливо, продумывая каждый шаг и избегая прямых путей. Для достижения цели в ход идут тайные переговоры, закулисные интриги в стане противника, распространение ложной информации. Всегда приходится ожидать предательского удара в спину и никогда нельзя ставить точку в переговорах.

О давнем парижском оскорблении Петр не забывал, но теперь он был готов вести опасную игру. Тем более что подспудная мысль о возможном сближении с французами его не оставляла. Поговаривали, что еще в пору Великого посольства «король-солнце» пригласил царя приехать в Париж и будто бы даже выслал в Средиземное море эскадру, чтобы встретить Петра I в Ливорно или Пизе. Эскадру эту встретил в августе 1698 года под Неаполем стольник Петр Андреевич Толстой, рассудивший, «что тот французской караван ходит по морю не просто, и в Неаполь приход тех французских галер не для одного смотрения Неаполя: есть некоторые в том иные притчины

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Жан-Марк Натье.
Портрет
императора
Петра I.
1717 год

под прикрытием, потому что король французской – человек мудрой и вымышленник великой на расширение своего государства». В последнюю минуту все сорвалось из-за Стрелецкого восстания. Петр бросился в Москву, и встреча монархов не состоялась. Однако по европейским дворам поползли слухи о тайных переговорах русского посла Прокофия Возницына с чрезвычайным послом короля в Вене маркизом де Вилларом, на которых дипломаты говорили о взаимной дружбе и строили планы приезда царя в Париж...

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Граф Андрей
Артамонович
Матвеев.
Портрет работы
неизвестного
художника.
1710-е годы

НОВЫЕ СОЮЗНИКИ

Еще во время Северной войны Петр не раз убеждался в предательстве союзников и продумывал иные комбинации. Тайные посланники из Парижа неоднократно приезжали в Петербург и вели переговоры с представителями царя. Речь шла о помощи Петру в захвате порта на Балтике, о поддержке французского претендента на польский престол, о нападении казаков из Трансильвании на Австрию. В 1705 году барон д'Ибервиль, участвовавший в переговорах с русским дипломатом Андреем Артамоновичем Матвеевым, заметил, что московитский «дикарь» ведет дело ловко, умело, всячески подчеркивая, что его государь восхищается Людовиком XIV: «Царь вовсе не ненавидит короля и французскую нацию, как то полагают во Франции, он восхищается добродетелями, набожностью, величием духа его Вел[ичества], и считает правление последнего самым совершенным образцом справедливости, которому должны следовать все монархии». Французский посол в России де Балюз в 1704 году указывал королю путь к сердцу Петра: «Так как наибольшая страсть царя состоит в постройке военных судов, то он усмотрел бы как наибольшее доказательство дружеских чувств со стороны вашего величества, если бы ваше величество сочли полезным приказать прислать мне рисунки некоторых из (французских) судов, наиболее значительных, с указанием на их размеры, вместимость, число орудий, экипажей и солдат. Об этом мне повторяли несколько раз письменно и устно». Людовик XIV «рисунки» не прислал, но запретил французским каперам нападать на русские торговые суда.

Визит Петра начали готовить в 1716 году. К тому времени «король-солнце» скончался, Францией правил его правнук Людовик XV, регентом был герцог Филипп Орлеанский. В отличие от своего умершего дяди-

короля герцог был готов пересмотреть старые правила игры и рассмотреть возможности дружбы с северной державой. «Монсеньер герцог Орлеанский хотел бы послать к царю человека, осведомленного в вопросах торговли на Балтийском море и который был бы достаточно умен, чтобы выполнять получаемые приказы как в отношении торговли, так и в других видах. Следовало бы, чтобы был человек верный, на которого можно было бы вполне положиться и который знал бы голландский язык, чтобы он мог лично вести переговоры с царем, говорящим на этом языке», – писал президент Совета по иностранным делам маршал Никола дю Бле, маркиз д'Юксель в начале февраля 1716-го. Спустя год его усилия увенчались успехом.

На французскую землю Петр ступил 10 апреля 1717 года в Дюнкерке, где его приветствовали залпами торжественного салюта. Четыре дня русский царь осматривал старый порт, форты, шлюзы, бродил по лабиринтам улочек, заходил в таверны, видел попивающих вино усатых дюнкерских корсаров. Среди них могли быть и те, кто в 1714 году выходил на Балтику и охотился за его головой. Тем летом осведомитель из Гданьска предупредил царя, что дюнкерцы вместе со шведами намерены захватить его корабль – ведь «его царское пресвятое величество» так беспечен и неосторожен... Распрощавшись с Дюнкерком, Петр поехал в Кале. Увидев по пути ветряные мельницы, царь, кивнув в их сторону, бросил сидевшему рядом Павлу Ягужинскому: «То-то бы для Дон Кихотов было здесь работы! Ему тоже предстояла большая работа: взломать лед во взаимоотношениях между Францией и Россией. Без дипломатических маневров царь напрямую заявил встретившему его в Кале маршалу графу де Тессе: «Положение Европы изменилось, Франция потеряла своих союзников

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Король Франции
Людовик XIV

в Германии, Швеция почти уничтожена и не может оказать вам никакой помощи. Я предлагаю Франции не только свой союз, но и мое могущество». Французская сторона тщательно подготовилась к приему русского царя, победившего «короля-викинга» Карла XII. Власти городов, через которые инкогнито проезжал царский кортеж, предписывалось демонстрировать дружеское расположение к гостю или, как называли Петра французы, «инострannому

господину»: следовало обеспечить торжественные встречи, предоставить эскорты и экипажи и, разумеется, великолепный стол. Специально выделенный придворный, камер-юнкер Этьен-Франсуа де Либуа, сопровождал царя, дабы разведать о его привычках и вкусах. Зная о морских пристрастиях Петра I, французские власти попытались найти к нему свои подходы, приставив к царю в Кале особого спутника – капитана первого ранга Франсуа-Корниля Бара, старшего сына великого французского корсара Жана Бара. Еще подростком Франсуа-Корниль выходил в море со своим грозным батюшкой. Он помнил все свои морские приключения и наверняка, не удержавшись, поведал русскому царю историю, ставшую настоящей легендой. Както, готовясь к абордажу, неустрашимый Жан Бар заметил, что его 12-летний сын, приживавшись к палубе, взрагивает при каждом залпе пушек. «А ну, – рявкнул капитан, – привязать его к мачте. Тот, кто не умеет смотреть опасности в глаза, не заслуживает жизни!» Теперь этот когда-то «испуганный юнга» сопровождал царя во всех его перемещениях по Франции. Петр, влюбленный в море, расположился к Бару и даже звал его к себе на службу, однако получил отказ.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Вид порта
и крепости
Дюнкерк.
Гравюра
XVIII века

Старинный королевский дворец Капетингов на острове Сите, поглощенный в XIX веке Дворцом правосудия

«ПОТОМОК СКИФОВ И ВАНДАЛОВ»

При французском дворе таких странных государей еще не видывали. Царь Петр не походил на парижских щеголей, окрестивших его стиль «одежда царя или дикаря». В коричневом суконном камзоле без украшений он, скорее, напоминал каменщика или боцмана с голландского судна, носил простой парик без пудры, рубашку без кружев и манжет, на широком поясе на восточный манер висел тесак. Роскошным вельможам, привычным к куртуазным манерам Версала, был непонятен простой образ жизни и поведение этого странного «потомка скифов и вандалов». «Для солдата был бы сухарь да вода, так он тем и доволен», – приговаривал московит. Вставал он с первыми лучами солнца, обедал около 10 утра, ужинал в 7

вечера, а в 9 удалялся в покой. Обеденная трапеза включала водку, после полудня он пил сухое красное вино и холодное пиво, изысканным десертам предпочитал соусы с пряностями, черный хлеб, горошек, апельсины, груши и яблоки. Царь не любил, чтобы его разглядывали словно диковину, не позволял прислуживать себе за столом, вместо торжественных

Беседа Петра I в Голландии. Картина работы неизвестного голландского художника. 1690-е годы

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

обедов довольствовался непрятательной трапезой в придорожной харчевне и простой салфеткой вместо скатерти. Правда, прижимистые французы подметили, что царская свита ведет себя иначе: главный повар, например, «под предлогом 2 или 3 тарелок кушанья, которые он готовит ежедневно для его величества, берет говядины и даже вина столько, сколько потребовалось бы для восьми человек».

Петр проехал по северной Франции без всякой помпы. Московский государь избегал блестящих церемоний, иллюминаций, многолюдных приемов и досадовал на оказываемое ему внимание. На это обратили внимание и авторы британской «Уиклиджорнал», написавшие о недовольстве царя толпами народа: «В Московии есть, кажется, обычай пря-

АЛЕКСАНДР БУРЫЙ

таться в домах, а не выбегать из них, и опускать лица как можно ниже, чтобы не смотреть на царя, когда он проезжает по улицам. Так что в его стране английская пословица, что кошка может смотреть на короля, находится под запретом».

В справедливости слов британских журналистов убедился епископ де Бовилье из Бове, приложивший немало усилий, чтобы порадовать государя: в честь гостя музыканты подготовили концерт, а в отведенных для Петра комнатах даже повесили невесты где найденные портреты его деда и отца – царей Михаила Федоровича и Алексея Михайловича. Усилия были потрачены впустую: Петр проехал город не останавливаясь, пообедал в убогой деревушке, поменял лошадей и был таков. Сходная неудача постигла и епископа Амьена,

3 мая 1717 года
Петр посетил
в Лувре
Академию
живописи
и скульптуры,
а также осмотрел
в Большой
галерее макеты
крепостей
королевства

приготовившего для царя фейерверк и пышный обед: Петр вихрем пронесся по городу, нигде не останавливаясь и не желая показываться толпе. Отверг царь и изящную карету, запряженную шестеркой лошадей в белой золоченой сбруе. Он пожелал ехать в тяжеловойской дорожной двуколке, которую распорядился поставить на каретные дороги. Ошеломленные французы, краснея от неловкости, что-то пробормота-

ли об опасности передвигаться на столь странном сооружении. Петр, не слушая их, приказал запрягать лошадей. Царя интересовало совсем другое. Прибыв в очередной город, он первым делом отправлялся в крепость, осматривал укрепления с батареями, перелезал через рвы, расспрашивал рабочих, подзывал инженеров и со знанием дела интересовался новациями. Французы запомнили необычного царя: двухме-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Жак Риго.
Вид на Сену
с Нового моста.
Гравюра
XVIII века

тровый сутулившийся гигант, ловко управляясь с тростью из пальмового дерева, огромными шагами мерил крепостные переходы. Трость эту, большие походившую на дубинку, покрывали надписи на неведомом языке и блестящие шляпки вбитых в нее гвоздей. Петр прикладывал ее к амбразурам батарей и платформам для пушек, делая замеры, считал, прикидывал, вытаскивал из кармана блокнот, что-то записывал в нем огрызком карандаша. Он не пропускал ни одной торговой пристани, бродил по рынкам, заходил в мелкие лавочонки, приценивался к товарам, с видом знатока поглаживал ткани, перебирал оружие. Иногда его поджидали сюрпризы. В Кале, например, глянув на ярмарку, царь заметил «большого мужика» по имени Тома Буржуа, «жиганта» с огромной головой, руками и верхней частью туловища, совершенно несоразмерными прочим частям тела. Ростом великан был под 2 метра 30 сантиметров и зарабатывал на жизнь, выступая со своей «матерью», которая была весьма малого роста, и имела четыре грудных сосца». Петр Алексеевич, восторженно оглядев сие чудо природы, загорелся принять «карлу» к себе на службу. 600 рублей годовых решили дело, и новоиспеченный Николай Жигант отправился в Амстердам к царице Екатерине (царь не взял супругу в Париж, посчитав, что чопорных французов едва ли обрадует ее простое происхождение. – Прим. авт.), а затем и в далкий Петербург. Петр I, любознательный импровизатор-генетик, решил посмотреть, что выйдет, если поженить «карлу» и высоченную невзрачную чухонку из «финской тундры»: глядишь, удастся завести породу новых людей. Ничего путного из затеи, впрочем, не вышло: трое родившихся детей оказались совершенно нормального роста. Зато после смерти Жиганта в мае 1724 года обзавелась новыми экспонатами

Жан-Батист Сантерр. Портрет Филиппа II, герцога Орлеанского

музейная коллекция Кунсткамеры: в ее распоряжение попали скелет умершего, его выделенная кожа, сердце, желудок, почка, печень и череп. Правда, судя по музеинным преданиям, скелет Буржуа остался не вполне доволен тем, что лишился черепа, и по ночам тоскливо бродил по залам Кунсткамеры, рассчитывая в каком-нибудь из дальних шкафов отыскать утерянную часть своего тела.

Константин Горский.
Император Петр I несет на руках малолетнего Людовика XV

«ВСЮ ФРАНЦИЮ НЕСУ НА СЕБЕ!»

26 апреля русский царь торжественно въехал в Париж в королевской карете, которую ему предоставил герцог Филипп Орлеанский. Петр стойчески перенес церемониальный проезд по городу и проследовал в отведенные ему пышные апартаменты покойной королевы-матери в Лувре. Миновав вереницу слуг и придворных, он бегло осмотрел комнаты. Великолепная обивка стен, картины в богатых рамках, золоченные ангелы, канделябры и зеркала, роскошная мебель – все это привело его в смятение. Едва взглянув на стол, сервированный 800 большими и малыми блюдами, он отломил бисквита, пригубил несколько сортов вина, выпил пару стаканов пива, закусил репой и… потребовал более скромное жилье. Ему предложили перебраться в пустовавший особняк Ледигьер – дворец королевского воспитателя маршала де Вильруа на маленькой тупиковской улочке Серизе рядом с кварталом Марэ и с садом, примыкавшим к Бастилии. Но и это жилище царь счел излишне помпезным. Французам было невдомек, что чудаковатый русский великан предпочитал не прихотливые тесные «чуланцы».

Гиацинт Риго.
Портрет короля Людовика XV.
1721 год

В итоге Петр устроился в гардемаринской, приказав перенести туда его походную постель. Остается, правда, вопрос: одной лишь взбалмошностью «восточного дикаря» объяснялся отказ царя поселиться в Лувре? Здесь он считался бы гостем Людовика XV и регента, в особняке же Ледигьеर хозяйничал на свой лад и мог коротать время, ожидая обязательного визита августейших особ: этикет требовал, чтобы до официальных аудиенций царь в город не выходил. Вынужденное бездействие гнетуще действовало на царя, посетившего в письме Екатерине: «Я третьего дня ввечеру прибыл сюды благополучно, и два или три дня принужден в доме быть для визит и прочей церемонии, и для того ничего еще не видел здесь, а завтра или послезавтра начну все смотреть».

27 апреля к Петру с официальным визитом прибыл герцог Орлеанский. Состоялось свидание, которое современники уподобили встрече Ганибала со Сципионом. Петр обнял принца, пригласил войти и, вопреки всем правилам учтивости, повернулся к регенту Французского королевства спиной и проследовал в кабинет. В понедельник 29 апреля Петру нанес визит 7-летний Людовик XV. Королевский совет детально разработал церемониал, однако Петр и тут отступил от этикета. Он вышел встретить короля у выхода из кареты. Маленький Людовик, прелестный будто ангел, напомнил государю любимого сына Петрушу, его маленькою «шишечку». На глазах у оторопевших вельмож растроганный Петр по-отечески обнял неприкосновенного «христианиннейшего короля» и подхватил мальчика на руки. Царь нежно провел короля по лестнице в кабинет, уступив ему почетную правую сторону, а во время беседы оказывал ребенку столь высокие знаки внимания, что «едва можно было удержаться от слез». Екатерине незамедлительно последовал новый отчет: «В прошлый понедельник

Жан-Батист
Мартен.
Заседание
Парижской
королевской
академии
в Лувре

ПРЕДСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

визитовал меня здешний каралища, который пальца на два более Луки нашев (Лука – царский карлик. – Прим. авт.), дитя зело изрядная образом и станом, и по возрасту своему довольно разумен».

На следующий день Петр нанес ответный визит королю в Тюильри. Перед дворцом был выставлен почетный караул французских и швейцарских гвардейцев. Теперь уже Людовик XV встречал царя возле кареты, а Петр бережно взял двумя руками руку короля и с осторожностью поднялся с ним по лестнице. Сохранилось предание, что именно здесь Петр взял короля на руки со словами: «Всю Францию несу на себе!» В Париже русский царь гостил почти полтора месяца. Когда двадцать лет назад он впервые попал в Европу, то первым делом уделял внимание всевозможным диковинам. Ему хотелось все самому потрогать, опробовать, по-

работать на верфях, обучиться разным ремеслам. Теперь же главным интересом Петра было просвещение: наука, коллекции, разговоры с учеными, архитектура и градостроительство. Он изучал Францию «блестящего века», страну, превратившую короля в живого бога – повелителя, управляющего всеми и вся. Французы не без удивления отмечали, что «мнимый варвар» оказался весьма учитив, знает немецкий, латынь и голландский, видимо, что-то понимает и по-французски, ему не чужды величие, великолдушие, приветливость. «История знает государей, которые прославили себя войнами, завоеваниями, и куда меньше тех, кто прославил себя просвещением», – замечал маршал де Вильруа в письме мадам де Ментенон.

Столица Франции с населением 700 тысяч человек ослепила русского государя. Париж менялся на глазах: из тесной, застроенной узенькими улочками королевской крепости эпохи Средневековья он превратился при Людовике XIV в роскошный город-декорацию, величественную урбанистическую барочную фантазию. Во всем великолепии она предстала перед царем, когда, поднявшись на башню собора Нотр-Дам, он в подзорную трубу разглядывал простиравшийся перед ним город мечты. Проплывая по Сене на гондоле под Новым и Ко-

Этьен Аллегрен.
Прогулка
Людовика XIV
в садах Версаля

ПРЕДСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

АЛЕКСАНДР БУРЫЙ

Собор Нотр-Дам. «Великие здания, как и высокие горы, – создания веков». Виктор Гюго

левским каменными мостами, гуляя по элегантным Королевской площади (площадь Вогезов) и площади Людовика Великого (Вандомская площадь), любуясь Коллежем Мазарини, Домом инвалидов и аристократическими кварталами Пале-Рояля, Петр мысленно возвращался к своему детищу – Невскому Парадизу и, фиксируя в памяти все увиденное, мечтал, вернувшись на берега Невы, немедленно приступить к архитектурному преображению любимой своей балтийской столицы.

Но не только красоты французской столицы привлекали царя. Петр посетил гобеленовую и чулочную фабрики, смотрел, как в Арсенале «льют медные всякие статуи», ходил на Монетный двор и в аптекарские сады, разглядывал в Лувре галерные модели городов и крепостей, несколько раз по-

бывал в Парижской обсерватории. В одно из посещений он надолго задержался, разглядывая в телескоп звездное небо, и в задумчивости произнес: «Бесконечен звездный мир, что свидетельствует о бесконечности Бога и его непознаваемости людьми. Светские науки далеко еще отстают от познания Творца и Его творения». Знаменитому географу и картографу Гийому Делилю Петр показал привезенные с собой «две рукописные карты» южных морей России, они обсуждали поиск пролива между Азией и Америкой и возможность снаряжения туда экспедиции. Отправился царь и на заседание Парижской королевской академии наук в Лувр. Академики вскочили и вытянулись во фронт, но Петр потребовал, чтобы они в его присутствии сидели, и с увлечением принял разгля-

дывать модель водоподъемной машины, углубился в тонкости устройства нового реечного домкрата и с восхищением проследил за химическим опытом по получению сернокислого цинка. В тот же день он посетил и другие французские академии: Академию надписей, Французскую академию и Академию живописи и скульптуры. Особое внимание вызывала у него Французская академия, главной задачей которой является изучение французского языка и составление словаря французского языка. Царь пожелал обойти все помещения академии, долго разглядывал портреты ее основателей – величественного Людовика XIV кисти Гиацинта Риго, канцлера Пьера Сегье, запечатленного Шарлем Лебреном, и кардинала де Ришелье работы Филиппа де Шампена.

АЛЕКСАНДР БУРЫЙ

«ВЕРСАЛЬСКИЙ ОГОРОД»

Но, пожалуй, больше всего Петр стремился попасть в Версаль, о котором он был наслышан задолго до приезда во Францию. Русские впервые попали в эту резиденцию французских королей в 1668 году с посольством Петра Потемкина, и с тех пор разговоры о «потешных королевских дворех» не утихали. «Палат и всякого строения много, а в садах строенье великое и всяких доброделных древ множеством... в зверинцах львы, бобры, рыси и иных зверей много», – записал посол. Еще в 1706 году Петр пожелал устроить в Летнем саду лабиринт наподобие версальского, а в 1711-м он приобрел модель, изображавшую Версальский парк. Но лишь через шесть лет, 13 мая 1717 года, он наконец-то своими глазами увидел творение Луи Лево, Жюля Ардуэн-

Новый Петергоф.
Вид от Большого
дворца на Мор-
ской канал
и Воронихинские
колоннады

Мансара, Андре Ленотра и Шарля Лебрена – идеальный город «короля-солнца», земного воплощения бога Солнца Аполлона. Версаль, правда, подрастерял былой блеск. После кончины Людовика XIV королевская резиденция обезлюдела: не прошло и нескольких дней после смерти «короля-солнца», а 5-летнего Людовика XV уже перевезли в Париж. Забытый дворец

и сумрачный парк, превратившись в город-phantom, населенный тенями прошлого, грезившими воспоминаниями о временах Великого Кольбера, Лувра, мадам де Ментенон и герцога де Лозена, навевалиnostальгию по канувшему в Лету «Великому веку». Герцог Орлеанский, всесильный регент Франции, держался подальше от резиденции дядюшки-короля. Его стихией был старый, добрый Париж, мир финансовых афер, изысканных развлечений, опасных спекуляций и веселых праздников. Без всякого сожаления покидая чопорный Версаль, герцог с удовлетворением записал: «С тех пор как мы уехали из Версаля и он перестал быть нашим домом, город

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Константин Горский. Петр I посещает госпожу Ментенон в 1717 году. 1887 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

этот из дня в день становится все более пустынным местом». Но только не для царя Петра! Регент, видимо, немало удивился, узнав о странном желании «московита» отправиться в Версаль, но возражать не стал. Царь прибыл вечером 13 мая, для проживания ему выделили бывшие апартаменты принцессы Марии-Аделаиды Савойской, но по своему обыкновению государь удовлетворился крохотной комнатенкой. В ожидании утра он побродил по Зеркальной галерее, заглянул в часовню и прогулялся по анфиладе дворцовых покoев. Следующие два дня, с утра до вечера, он посвятил «Версальному огороду», любовался запущенными для

него фонтанами и «игровыми водами», гулял «в баржах по Версальскому пруду», ныне безлюдному, чертил планы особенно понравившихся сооружений и павильонов. Посетил он и вольеры Королевского зверинца с его брошенными животными. Особо впечатлил царя элегантный одноэтажный Трианон – личная резиденция Людовика XIV с небольшим садом и бассейнами: «Его величество много забавлялся в саду Трианона, где он доставил себе удовольствие тем, что облил всех вельмож, бывших с ним, попросивпуститьте фонтаны, которые бьют из кранов, находящихся на земле». Пребывая в отличном расположении духа, царь распорядился доста-

Общий
вид города
и Версальского
дворца из садов.
XVIII век

вить девиц, промышлявших в злачных заведениях на улицах Трусс-Пютен, Тир-Буден и Бриз-Муш. Им отвели покой, принадлежавшие когда-то господе де Ментенон, повергнув в ужас благопристойного камердинера усопшего короля господина Блуэна.

Дворец и парк поразили Петра – ничего подобного ему ранее видеть не доводилось. Он загорелся мыслью обзавестись под Петербургом «российским Версалем», который был бы еще великолепнее. Вернувшись на родину, Петр начал было воплощать версальские грэзы в Стрельне. «Если проживу три года, буду иметь сад лучший, чем французский король в Версале», – говорил он в 1720 году польскому посланнику. Резиденция виделась ему «водным садом», она должна была выходить на морской простор и символизировать морскую мощь державы, пробившей дорогу в океан. Три канала связывали парк с Финским заливом, у подножия тройной дворцовой террасы плескались волны. На пересечении главного и поперечного каналов предполагалось возвести Тампль, храм вод, круглое садовое сооружение, олицетворяющее Россию – повелительницу морей. Однакостройка в Стрельне оказалась слишком дорогостоящей, решено было перенести работы в Петергоф, с террас которого Петр мог видеть в морской дали Петербург и Кронштадт. Его любимым местом стал маленький дворец Монплезир, окруженный теплицами и оранжереями. Его стены Петр украсил морскими пейзажами, а свой кабинет обставил словно капитансскую каюту, водрузив там подзорную трубу и телескоп. Выпив «кофею», он сидел на террасе, любовался морем, простором и, провожая закат, засыпал под шум прибоя. Даже правила поведения в своем эдеме он оговорил особой статьей: «Не разувшись, с сапогами и башмаками не ложиться на постели».

Дворец
Монплезир
в Петергофе

Окончание следует.

«РОДИНА МОЯ – ПРОШЛОЕ И БУДУЩЕЕ»

АВТОР

МАРИНА ЯРДАЕВА

КАКОВА СЕГОДНЯ ПАМЯТЬ О МЕРЕЖКОВСКОМ? ПАРА СТИХОТВОРЕНИЙ В ШКОЛЬНОЙ ПРОГРАММЕ. НЕОБЯЗАТЕЛЬНЫЕ УПОМИНАНИЯ В УЧЕБНИКАХ ОБ ОСНОВАНИИ СИМВОЛИЗМА. ТРАДИЦИОННОЕ ПЕРЕЧИСЛЕНИЕ: ПИСАТЕЛЬ, ПОЭТ, КРИТИК, ИСТОРИК, ФИЛОСОФ... Но мало ли их: ПИСАТЕЛЕЙ, ПОЭТОВ, ФИЛОСОФОВ? И вот за перечислением общих слов еще следует: «МУЖ ЗИНАИДЫ ГИППИУС». КАКАЯ ГОРЬКАЯ СУДЬБА! ЧЕЛОВЕК РЕДКОГО УМА И ДАРОВАНИЯ, БЛЕСТЯЩЕ ОБРАЗОВАННЫЙ, ОСТАВИВШИЙ ПОСЛЕ СЕБЯ ОГРОМНОЕ НАСЛЕДИЕ, ТАК МНОГО УГАДАВШИЙ И ПРЕДСКАЗАВШИЙ – ПОЧТИ ЗАБЫТ. ПОЧЕМУ? ОТЧАСТИ ХУДОЖНИК СТАЛ ЖЕРТВОЙ СОБСТВЕННОЙ БИОГРАФИИ, КОТОРАЯ, КАК ЭТО НИ ПАРАДОКСАЛЬНО, ИМЕЕТ МАЛО ОТНОШЕНИЯ К ЕГО ТВОРЧЕСТВУ. ОТЧАСТИ ПИСАТЕЛЬ ОСТАЛСЯ ФЕНОМЕНОМ «САМ В СЕБЕ». ЕГО НЕ УЗНАЛИ ПО-НАСТОЯЩЕМУ. А НЕ УЗНАВ, НЕ ПОЛЮБИЛИ.

Удивительно, как мало объясняет биография в судьбе Дмитрия Сергеевича Мережковского и как многое ею пытаются объяснить. Родился писатель 2 (14) августа 1865 года в Петербурге в одном из дворцов на Елагином острове. Был шестым ребенком из девяти, младшим среди мальчишек. Отец, Сергей Иванович Мережковский, столоначальник в дворцовой конторе, был строг и склонен к ласкам. Мать, Варвара Васильевна, урожденная Чеснокова, души не чаяла в младшем сыне, Митеньку баловала, всегда за него заступалась. Уже из этой совокупности фактов выводят и любовь Мережковского к холодной, рукотворной, красоте природы, и стремление к чуть ли не математической гармонии, и странное сочетание самоуглубленности, отстраненности с горячностью и безудержностью. Мережковский-писатель – образец поистине неотмирного бесстрастия, Мережковский-публицист и общественный деятель – это радикал, в глазах обычных людей – сумасшедший.

Елагин дворец.
Начало XX века

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

вателя – настоящий безумец. А есть еще Мережковский-поэт, Мережковский-философ и в конце концов Мережковский-человек. Все это настолько разные ипостаси, противоречивые и в то же время неразрывно переплетенные, что одной биографией не охватить.

ПОЭТ ИЛИ УЧЕНЫЙ?

Он был обычным мальчишкой: не любил школу, читал Майн Рида, играл со сверстниками в индейцев, жарил в углях картошку, бродил по подвалам. И в то же время любил уединение: на сосне в Елагином парке обустроил себе из досок местечко, куда можно было сбежать от людей, чтобы читать и грезить. О чем? Об этом он проговаривается в книге о Данте: «Манит Данте слава не великого поэта, а великого ученого: не Гомера, новых песен творца, а Улисса, открывателя новых земель или никем никогда еще не испытанных истин». Но почему он так Данте увидел? Те строчки флорентийского гения, что в доказательство приводят гений русский, совершенно ничего не доказывают. Идею эту можно было вывести не из разума, а только из чувства – чувства родства, общности. Мережковский угадал в Данте то, что знал в себе. Основоположник русского символизма видел себя не столько поэтом, сколько ученым, исследователем. К сло-

ву, из пяти братьев писатель общался в основном только с Константином, ставшим биологом, причем общался, несмотря на то, что тот «разрушал все, во что верил» Мережковский. Начал, однако, Мережковский с поэзии. Первые стихи пробовал писать в 13 лет. Все это было, по собственному его признанию, жалкое подражание Пушкину. Известен случай встречи 15-летнего Мережковского с Достоевским. К классику юного лирика привел отец. Краснея и заикаясь, начинающий поэт прочитал несколько стихотворений. Федор Михайлович поморщился: «Слабо, плохо, никаку не годится». И, конечно, выдал рецепт: «Чтоб хорошо писать – страдать надо, страдать!» «Пусть уж лучше не пишет, только не страдает», – ответил за поэта отец. И, между прочим, был прав.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

В парке
Елагинского
дворца.
Начало XX века

Есть такие души, которые не созданы для страдания. Испытания их не закаляют, а только кале-чат. Да и не в одном ведь страдании выковывается истина, она может проходить через сердце человека сама по себе. Человек при этом может даже не осознавать, какие токи он улавливает, что он транслирует и зачем. Таких людей называют пророками. Так было с Лермонтовым, который уже в 16 лет «увидел» «России черный год, когда царей корона упадет». Так случилось и с Дмитрием Мережковским. Он мог ошибаться политически, но всегда чувствовал и понимал текущий момент, противоречил сам себе в публицистике, но в прозе и поэзии он всегда будто бы выходил за пределы самого себя. Яркий пример тому – стихотворение «Сакья-Муни». Это, по сути, история всей русской освободительной борьбы и предсказание грядущей трагедии. Стихотворение это написано в 1885 году.

По горам, среди ущелий темных,
Где ревел осенний ураган,
Шла в лесу толпа бродяг бездомных
К водам Ганга из далеких стран.
Это не разбойнички ли шайки
Разина и Пугачева проносятся
по Руси в урагане истории?
Говорят один из нищих: «Братья,
Ночь темна, никто не видит нас,
Много хлеба, серебра и платья
Нам дадут за дорогой алмаз».
Вот он – парадокс борьбы за
вольность. Казалось бы, мятеж-

Данте Алигьери

ники в своем праве: одни голодны и угнетены, другие оскорблены беззаконием, но доходит до дела – и оно совершается через обман, низость и преступление. Так Пугачев выдает себя за царя, отождествляясь с той властью, с которой он воюет. Так и декабристы, самые образованные, благородные и смелые люди эпохи, к несчастью и стыду, идут на нелепый обман, убеждая солдат, что Конституция – жена Константина. Вот трагедия русской истории – соблазн на пути к истине пре-небречь правдой. «Ночь темна, никто не видит нас».

Но когда дотронуться к святыне
Трепетной рукой они хотят –
Вихрь, огонь и громовой раскат,
Повторенный откликом в пустыне,
Далеко откинул их назад.

Это русская реакция, конечно. Такая же бессмысленная и беспощадная, как русский бунт.

И от страха все окаменело.

Лишь один – спокойно-величав –
Из толпы вперед выходит смело,
Говорит он Богу: «Ты не прав!»

Это выход русского революционера, готового идти до конца. Миг, когда терять уже нечего, маски сорваны. Пафос народовольцев, эсеров. Русский террор. Все тот же путь к свободе и истине через преступление, но с оформленной и объявленной идеей – не вошь, а право имеем. Изваянье Будды преклонилось

Головой венчанной до земли.

Это прекраснодущие русской интеллигентии. Русское «понять и простить», «исцелить любовью». Жертвы, отмаливающие грехи палачей. И это слабость русской власти – такой грозной, такой страшной, а все же слабой.

А финал каков? Состоится ли великое примирение, возложет ли агнец со львом, наступит ли счастье всех на земле и на небе, свершится ли мировая гармония?

Пред толпою нищих царь вселенной,
Бог, великий Бог, – лежал в пыли!

Так заканчивает 20-летний Мережковский свое пророческое стихотворение. Все разрушится: история, культура, философия, красота. И Бог будет повер-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Д. С. Мережковский. 1890-е годы

жен. А без Бога, как без высшей истины, куда, как? Как началось с «никто не видит нас», так и закончилось торжеством не идеи, а брюха. Борьба за правду выродилась в разбой голодных. А если у голодных в качестве аргументов есть только их голод и больше ничего и если у жертв беззакония есть только одна обида и больше ничего, то впереди ничего нет – Бог лежит в пыли.

Само собой, Мережковский мог бы не согласиться с таким прочтением и, скорее бы всего, не согласился, особенно в свои 20 лет. Более того, успех этого стихотворения – кстати, запрещенного – вызывал у него лишь улыбку недоумения. Но любой

текст всегда раскрывает не только то, что в него вкладывает автор, но и то, что видит и чувствует в нем читатель.

А для молодого Мережковского «Сакья-Муни» был, пожалуй, только этап увлечения Востоком. Когда по окончании Санкт-Петербургского университета поэт в 1889 году уехал на Кавказ, в Грузию, его там описывали как иностранца-буддиста, разгуливающего по улицам в халате и ни с кем не разговаривающего. Так Мережковского якобы живописали Зинаиде Гиппиус. Она, конечно, была женщиной, склонной к мифотворчеству и эффектам, могла преувеличить странность русского поэта, но ведь даже мифы имеют свою основу.

История знакомства и быстрой женитьбы Мережковского и Гиппиус тоже выглядит более чем странной: познакомились, не понравились друг другу, но встречались каждый день, спорили, а потом «без предложения и объяснения» обвенчались. Но история эта все же вполне органична душе Мережковского. Безусловно, он не мог не видеть, насколько они с Гиппиус разные, но эта-то разность и была важна: они прекрасно друг друга дополняли. Мережковский был весь в себе, а Гиппиус – вся из себя. Он был застенчив, сдержан, несмотря на внешний блеск и уже окружавшую его славу, она – порывиста и груба; он носил в себе ворох смутных идей, догадок, озарений, она – находила этому богатству форму, не всегда подходящую, нозывающе-эффектную.

Этим браком Мережковский как будто закрыл в своей жизни какой-то важный вопрос. Как минимум стало легче материально. Гиппиус совершенно спокойно зарабатывала беллетристикой, писала романы, которые потом, по собственному признанию, даже не могла вспомнить. А Мережковский, до того метавшийся от Спенсера и Дарвина к метафизике и экзотическим религиям, занялся наконец делом – самообразова-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Константин
Сергеевич
Мережковский
(1855–1921),
русский биолог,
философ,
писатель. Брат
Д. С. Мережковского

Портрет
Зинаиды
Гиппиус
работы
Л. Бакста.
1906 год

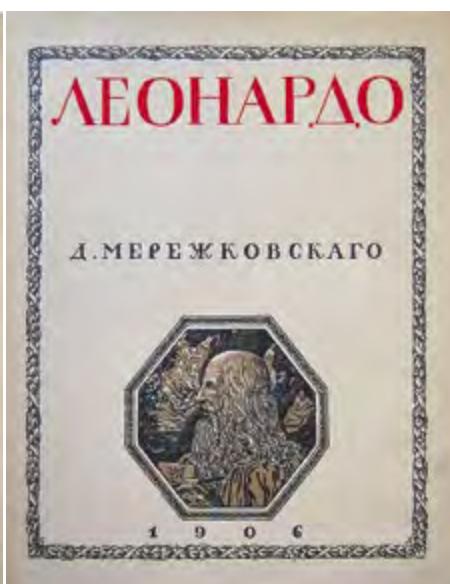
ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

нием. О знаниях, полученных в университете, Дмитрий Сергеевич отзывался критически – ему было их слишком мало, они были для него слишком поверхностными.

Все хотелось ему постичь, во все углубиться. И вот он начинает заново – с основ, с древнегреческой драматургии: переводит Эсхила, Софокла и Еврипида. В 1891 году молодые супруги от-

правляются в Европу: через Варшаву и Вену едут в Венецию и Флоренцию – в благословенные для Мережковского места, где он изучает историю Возрождения. В Италии вызревает замысел невероятной по масштабу и пафосу трилогии «Христос и Антихрист». К весне 1892 года Мережковский уже заканчивает первый роман трилогии – «Смерть богов. Юлиан Отступник».

Д. С. Мережковский. Трилогия «Христос и Антихрист» [С.-Пб., изд. М. В. Пирожкова, 1906]. Обложки

ХРИСТОС И АНТИХРИСТ

Исторические романы писали и раньше – историософских еще не было. Но удивителен не жанр, не концепция (настолько идеально продуманная, что художнику ставили это в вину), удивителен даже не объем материала, который был исследован, и даже не эрудиция автора (хотя они, безусловно, впечатляют). Поразительно то, как Мережковский в прозе перерастает сам себя. Как уже в первом романе трилогии, написанном Дмитрием Сергеевичем в 27 лет, он превосходит 40-летнего себя-публициста. Превосходит, конечно, не по художественному таланту, а по дару пророчества. Да, наверное, свою роль сыграла отдаленность эпохи: когда осмысливаешь настоящее, эпоху, проносящуюся прямо перед глазами, трудно не ошибаться – все мелькает слишком быстро, все путается, «лицом к лицу лица не увидать». Когда глядишь вглубь веков, кажется, история представлена во всем своем замысловатом рисунке и все повороты и переплетения закономерны. Но ведь это лишь кажется. Не потому ли споры об истории бывают самыми ожесточенными? А Мережковский проделывает такую тонкую работу, так все выстраивает и подсвечивает, что спорить не с чем: все так, как оно есть.

Без ответа остается только один вопрос: кто Христос, а кто

Антихрист? Но ответ и невозможен. Антихрист ли Юлиан? Он – трагическая фигура. Он ведь не столько язычество хочет вернуть, сколько сохранить античную культуру. Для Юлиана и выбора-то нет. У него на одной чаше весов – великолепные греческие и римские храмы, прекрасная скульптура, библиотеки, красота разума, красота жизни как праздника, на другой – мрачные катакомбы христиан, культ смирения и аскезы, юдоль печали и плача. А Христос – он кто? Этот далекий галилеянин в романе – лишь призрак, воспоминание.

Конфликт борьбы и единства противоположностей достигает пика в следующем романе трилогии – «Воскресшие боги. Леонардо да Винчи». Там вообще все переплетается в неразрывный узел. Антихристом зовут Леонардо. За его спиной шепчутся, что он никогда не закончит свою геометрически выверенную «Тайную вечерю», не сможет написать лик Христа, ибо Бога нет в душе живописца. В нем сомневаются даже его собственные ученики. А что обыватель? А для него художник не только безбожник, но и возмутитель спокойствия, революционер – ведь он бросает вызов самому небу, грезит о крыльях.

История – это цепь революций и реакций. Ренессанс – конечно, революция. Но Возрождение – это не только грядущий новый Эдем, не только взлет науки и искусства, это и разрушение, и тьма, и жертвы: какой мощный и чудовищный образ самой истории – смерть мальчика, покрашенного золотой краской, олицетворяющего на празднике герцога Сфорца Золотой век! Ортодоксальная церковь и сейчас смотрит на Возрождение крайне скептически. А тогда и Мережковский понимал, какова его оборотная сторона. Это ведь он написал свой роман так, что Рафаэль в нем богатеет и превращается в пошляка, Микеланджело не только вырастает в гения, но и превращается в какого-то злобного завистли-

Дом Мурузи
в Санкт-Петербурге
на Литейном проспекте.
Начало XX века

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Ре-Ми
(Н.В. Ремизов).
Русское бого-
искательство.
Шарж на
З. Гиппиус,
Д. Мережков-
ского и Д. Фило-
софова.
Петербург.
1910 год

вого карлика, любимый ученик Леонардо вешается, не понимая, как жить. А сам Леонардо, самый пламенный революционер, мечтающий подарить человечеству крылья, свободу, – самый же и чужой этой стихии: он бесконечно одинок, никем не понят, никем не оценен. «Любить – значит знать», – говорит Леонардо. Его не узнали. В последней части трилогии, в романе «Антихрист. Петр и

Алексей», исторические и философские противоречия раскрываются уже на родном нам материале. Читать роман порой тягостно, не читать, уж если начал, – невозможно. Опять непонятно, кто Христос, кто Антихрист, они все время меняются местами, потом почти «кощунственно» сливаются воедино, и идея выходит уже на новый, почти недосягаемый уровень. Разбирая трагедию царя и царевича, Мережковский ведет читателя к идее Троицы (очень важной для писателя и философа идеи), и перед нами уже не просто трагедия отца и сына, а трагедия Бога Отца и Бога Сына. А Дух где? А Дух дышит где хочет. Его завет в грядущем лишь. Какой уж тут Антихрист – всех жалко...

МЕЖДУ ДВУХ БЕЗДН

А как Мережковский переживает исторические разломы его собственного времени? Видит ли он все как есть или ослеплен моментом? Захваченный в водоворот истории, он, конечно, ошибается так же, как ошибаются все. Все время, когда чета Мережковских живет в Петербурге, открыт их литературный салон в доме Мурузи. Здесь собираются все самые видные литераторы и мыслители Серебряного века,

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ведутся споры о политике и религии. Мережковский бурлит идеями, которые, увы, ему трудно оформить и подать так, чтобы заинтересовать гостей. «Две бездны», «Верх и низ», «Преодоление пола», «Третий завет», «Три – это одно» – все это стройно в законченных произведениях писателя, а в разговорах кажется невнятным и странным, – хотя Мережковскому и представляется, по воспоминаниям Гиппиус, что его понимают и что ему сочувствуют. Василий Розанов откровенно иронизирует, спрашивая, чем же будут заниматься одухотворенные люди будущего, когда разрешат наконец проблему пола. Николай Бердяев отмечает, что Мережковский никого не слышит и не замечает. И даже Андрей Белый – вот уж кто готов упасть на грудь каждому встречному и говорить, говорить, говорить – сторонится хозяина дома.

Салон популярен благодаря Гиппиус. Зинаида Николаевна тоже, понятно, не привносит ясности в идеи, зато всегда эпатирует публику. И, удивительное дело, ее скандальность переходит и на образ Мережковского, да так, что на Гиппиус все летят

словно бабочки на огонь, ее выпады воспринимают как забавное чудачество, а супруг ее выглядит отталкивающе, чуть ли не демонически. В этом смысле показательны воспоминания Бердяева: Мережковскому он приписывал какую-то «нездоровую магию, которая, вероятно, бывает в сектантской среде», а Гиппиус называл хоть и мучительным, но все же замечательным человеком. Между тем атмосферу сектантства в салоне старательно поддерживала именно Зинаида Николаевна,

Зинаида Гиппиус,
Дмитрий Философов,
Дмитрий Мережковский.
Начало 1900-х годов

придумывая то исповеди за занавеской, то какие-то переодевания в балахоны.

Все это было характерно и для религиозно-философских собраний, проходивших в зале Русского географического общества. Шокировала священнослужителей Гиппиус, а тень падала на Мережковского. Она же подбивала супруга перейти от бесконечных разговоров к делу – основать «Церковь Третьего Завета», окружить себя соратниками и единоверцами, она же приобщала к новой церкви то Дмитрия Философова, с которым у нее был платонический роман, то руководителя боевой организации эсеров Бориса Савинкова. Кажется, если бы не влияние супруги, если бы не ее упорное втягивание Мережковского в повестку, он бы так и остался в своих мирах, в прошлом и будущем и ему бы точно хватило разговоров. Ибо его слово есть его дело.

Но слово слову – рознь. Насколько отстранен, рационален и объективен Мережковский в своих романах как существо почти неземное, избавленное от бремени страстей, настолько пристрастен, тенденциозен и предубежден он в своей публицистике. Статьи, вошедшие позже в сборники «Больная Россия» и «Грядущий хам», великолепный документ эпохи. Они отличаются острыми наблюдениями, меткими замечаниями, в них много верного, но иногда мысль автора закручивается так лихо и приправлена такой злой интонацией, что испытываешь довольно странные чувства.

Например, в эссе «Свинья мачтушка» Мережковский вдруг нападает на Александра Никитенко. Бывшего крепостного, университетского профессора, цензора Дмитрий Сергеевич не щадит, уничтожает в пыль. Как зло он смеется над «слякотью рабьей свободы», над заклинанием «Господи, спаси Россию от революции! А как несправедлив он к авторам «Вех!» «Пусть правда все, что говорят «Вехи» о русской интеллигенции; иду-

Ре-Ми
(Н.В. Ремизов).
Пророк. Шарж на Дмитрия Мережковского

щему по узенькой дощечке над пропастью сказать: «убьешься — тоже правда, но правда не любви» — вот как он отвечает. Но неужели и мать, не пускающая ребенка шалить над пропастью, не любит его?

Мережковский любуется революцией, сравнивая ее... с апокалипсисом: «Стоит раскрыть «Апокалипсис», чтобы пахнуло на нас «чувством конца», как жары лавы из кратера. Что означают, в самом деле, эти молнии, громы, пожары, землетрясения; эти чаши гнева Господня, битвы, восстания и поражения народов; кровь, текущая до узд конских; эти трупы царей, похищаемые хищными птицами; это падение Великого Вавилона, подобное падению жернова, брошенного с неба в море, — что означает все это, если не величайшую из революций».

Все же прав был Бердяев, когда говорил, что отношение к революции у Мережковского слишком романтическое, что революция для него блоковская незнакомка. А кто эта незнакомка, если без поэзии, в прозе грубой жизни? То-то и оно. Если бы романтизм Мережковского был бы в своем роде социальный, гуманистический, противоречия бы не возникло. И прав бы он был, громя «трусливого» Никитенко. Даже после того, чем все закончилось. А так выходит, низкая истина умеренного, осторожного оппонента исторически как будто и восторжествовала. И это ужасно.

Прозрение, конечно, наступило у Мережковского быстро. Еще до появления в Петрограде Ленина. Невозможно было наблюдать, во что выродилась Февральская революция, какая неразбериха происходила в правительстве Керенского. Гиппиус вспоминала, как Керенский в самые роковые минуты лишь распевал итальянские арии и как кричал, услышав об этом, Мережковский: «Это же бред, бред, бред! Или и мы в бреду, Зина?»

Еще до 1917 года Мережковский закончил трилогию «Царство

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Сотрудники журнала «Числа». Во втором ряду сидят: Ирина Одоевцева, Дмитрий Мережковский, Георгий Адамович, Зинаида Гиппиус и Георгий Иванов. Париж. 1934 год

зверя». И если драма «Павел I», которой она открывалась в 1908 году, написана еще с интонацией сочувствия к бунтовщикам и заговорщикам, то в романе «14 декабря» конфликт усложняется невероятно. По сути, все эти бесконечно ведущиеся декабристами разговоры о разговорах, их робкие попытки оправдать право не столько на кровь, сколько настыдный подлог, их вздохи по Конституции, ко-

торой не понимают солдаты и народ и которым приходится врать, что не за вольность идет борьба, а за Константина, — это все продолжение пророческого стихотворения «Сакья-Муни».

Вот как описывает Мережковский в романе «14 декабря» поход Муравьева-Апостола, главы возмущения в Черниговском полку: «Четверо суток крутились мы все на одном и том же месте, как будто заколдованные, между Васильковым и Белою Церковью... Никто не помог, — все обманули, предали... И дух в войске упал. Когда солдаты просили у меня позволения «маленько пограбить», а я запретил, — начались ропоты: «Не за царя Константина, а за какую-то вольность идет Муравьев!»... По пустынным домам были шалости. А во время похода, у каждой корчмы, впереди по дороге ставились часовье, но они же напивались первыми. Никогда я не забуду, как пьянейший солдатик, из шинка вываливаясь, кричал с матерной бранью: «Никого не боюсь! Гуляй душа! Теперь вольность!» И сам же Муравьев сравнивает себя в конце концов с Пугачевым. Он видит сон: «Вся Россия — разбойничья шайка, пьяная сволочь — идет за мной и кричит: — Ура, Пугачев — Муравьев! Ура, Иисус Христос!» И это тот же Мережковский, что убеждал: «Все мы, русские интеллигенты, «декабристы» вечные — вечные стражи революционного сознания, революционной свободы».

Вот что выходит, когда идешь к истине, отступая от правды. И ведь Мережковский сам все предсказал в 20 лет, сам все подробно описал в 30 лет в первой трилогии. И только в 50 лет осознает это как публицист и общественный деятель, который до того все только и выкрикал бурю. В 1918 году он произнесет: «Интеллигенция, как Иван Карамазов, сказала: «Все позволено, убей отца». А народ, как Смердяков, сделал — убил. Произошло небывалое, всемирно-историческое преступление».

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Дмитрий Мережковский. Шарж. А.М. Ремизова

Дмитрий
Сергеевич
Мережковский.
1930-е годы

ЭМИГРАЦИЯ

В декабре 1919 года Мережковскому предложили прочесть речь по случаю годовщины восстания декабристов на празднике, устроенном в Белом зале Зимнего дворца. Писатель вспоминал: «Я должен был прославлять мучеников русской свободы перед лицом свободоубийц. Если бы те пять повешенных воскресли, их повесили бы снова, при Ленине». В день ожидавшегося от него выступления Мережковский покинул Петроград. Он бежал с Гиппиус уже после запрета выехать за границу «по болезни». Бежал через Бобруйск, Минск, Варшаву, потом в Париж, где семья купила квартиру еще в 1911 году.

Сколько горьких страниц напишет судьба в биографии Мережковского-эмигранта! После отъезда почти вся общественная деятельность писателя сосредоточена на борьбе с большевика-

ми – с Антихристом. Мережковский готов был на вторжение Польши в Россию, он выражал протест папе Пию за общение представителей Ватикана с «гонителями христиан», он Муссолини призывал пойти войной на СССР и в конце концов договорился до того, что Россию избавит от «красной заразы» Гитлер. Такая активность отвернула от писателя почти все общество русских эмигрантов. И это несмотря на популярные поначалу литературные воскрепления в «Зеленой лампе», несмотря на то, что Мережковский вместе с Буниным добился утверждения во Франции денежного пособия русским писателям-эмигрантам. Как заметил Евгений Евтушенко, за границей Мережковский стал «трагически маргинален». В речи о Гитлере Мережковский позже сильно раскаивался. Да и о Муссолини писатель мне-

ние поменял довольно быстро. И слава богу, все, что осталось от короткого сотрудничества с итальянским диктатором, – это книга Мережковского «Данте», одна из лучших биографий флорентийского поэта.

К счастью, Мережковский и его биография – это не одно, совсем не одно и то же. К счастью, Мережковский – это не его громкие заявления, не его оценка настоящего, а его творчество. Он говорил о себе: «Настоящее кажется мне иногда чужиною. Родина моя – прошлое и будущее». Вот ответ. В настоящем так легко заблудиться, когда оно не твое. В исследованиях же прошлого Мережковский был очень зорок и точен, заглядывая в будущее, он выступал настоящим пророком. Не таким пророком, каким представляла его общественности Гиппиус, предлагая перед ним преклоняться, как преклоняются перед полубезумными мистиками. Мережковский был, скорее, ученым – он выявлял закономерности.

И к счастью, в эмиграции Мережковский не весь ушел в идеиную борьбу с большевиками, он оставался творчески активным. За рубежом написаны трилогия «Тайна Трех: Египет и Вавилон», «Атлантида – Европа» и «Иисус Неизвестный», историческая дилогия «Рождение Богов» («Тутанкамон на Крите» и «Мессия»), художественная биография Наполеона, исследования «Павел и Августин», «Франциск Ассизский» и «Жанна д'Арк». Уже в начале 1940-х Мережковский завершил последнюю трилогию, «Испанские мистики», посмертно была издана на французском трилогия «Реформаторы», в которую вошли книги о Лютере, Кальвине и Паскале.

Умер Мережковский 7 декабря 1941 года, скоропостижно, так и не успев закончить свой последний роман, «Маленькая Тереза», так и не увидев победы России над фашизмом и, наверное, так окончательно и не примирившись и не породнившись с настоящим.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

АВТОР
АРИНА АБРОСИМОВА

В НЕЕ ВЛЮБЛЯЛИСЬ ДАЖЕ ПО ФОТОГРАФИЯМ,
ЕЕ БОГОТВОРИЛИ И ВОСПЕВАЛИ. ОНА БЫЛА ОДНОЙ
ИЗ НАИБОЛЕЕ ЗАМЕТНЫХ ФИГУР СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА,
И НЕ ТОЛЬКО ПОТОМУ, ЧТО ЕЙ ПОСВЯЩАЛИ СТИХИ ПОЭТЫ.
ТАМАРА КАРСАВИНА СТАЛА ОЛИЦЕТВОРЕНИЕМ ЭТОГО
ВРЕМЕНИ И В РОССИИ, И ЗА РУБЕЖОМ, ГДЕ УСПЕХ ТРУППЫ
СЕРГЕЯ ДЯГИЛЕВА ПОДНЯЛ ИСКУССТВО БАЛЕТА НА НОВУЮ
ВЫСОТУ И ОТКРЫЛ МОДУ НА ВСЕ РУССКОЕ.

В

1920-Х ЭМИГРАНТ-
ская газета в Берлине
опубликовала неболь-
шую статью Ю. Офро-
симова «Карсавина в «Винтергар-
тене» о выступлении бывшей
примы-балерины Мариинки в
программе кабаре, составлен-
ной из номеров фокусников,
акробатов и танцовщиц варье-
те: «Что нам особенно дорого
в творчестве Карсавиной? –
должно быть, то, что в создава-
емых ею образах ярко сквозит
и ласкает этот облик настоящей
русской женщины. <...> Аромат
Карсавиной – аромат России,
пускай ныне утерянной, но раз-
ве может угаснуть навеки дух?
Творчество Карсавиной в нашу
эпоху – это «свет и во тьме све-
тит». <...> И не от нашего гудя-
щего века этот образ, заставляю-
щий забыть окружающее».

НАСЛЕДНИЦА ПАЛЕОЛОГОВ

Тамара Карсавина родилась в Петербурге 25 февраля (9 марта) 1885 года. Ее отец, Платон Карсавин, окончивший в 1875 году Петербургское театральное училище, занял положение первого танцовщика и исполнителя мимических ролей Мариинского театра. Женился он на Анне Иосифовне Хомяковой – внучатой племяннице известного философа-славянофила Алексея Хомякова. Мать ее, Мария Семеновна, урожденная Палеолог, приезжала к Карсавиным на Рождество, рассказывала внукам Леве и Тате о балах-маскарадах в Благородном собрании, где за ней ухаживал император Николай Павлович. Муж Марии Семеновны умер рано, промотав состояние и оставил без гроша молодую вдову с тремя детьми. Мария Семеновна пришлось определить сына в Морской корпус, а дочерей – в сиротский Институт благородных девиц. Анна Иосифовна воспитывала своих детей дома, с нянями, но без гувернанток. «Мама часто говорила, что испытывает к детям «разумную» любовь. Я помню ее порой суровой, но шутливой или нежной – никогда, она умела подавлять мои порывы, и это

делало меня вдвойне застенчивой, а порой толкало на детский бунт против нее. Однако со временем я поняла, что ради нас она готова пойти на любую жертву, и в глубине души восхищалась и гордилась ею», — писала Тамара Карсавина в своих мемуарах «Театральная улица». Семья долгие годы жила в квартире дома №170 на набережной Екатерининского канала — напротив каланчи пожарной станции. Платон Карсавин, ученик и любимец всесильного Мариуса Петипа, частенько высмеивал мэтра как танцора: «дрожащие колени, блуждающий взгляд, зубовный скрежет и топот ног». Его детей такое представление веселило, а жена увещевала: «Лучше бы ты, Платон, держал язык за зубами; твои добрые друзья и веселые собутыльники с радостью донесут о твоих насмешках». И действительно, Платона Константиновича отправили на пенсию в самом расцвете сил, устроив в 1891 году прощальный бенефис. Тогда Тата впервые увидела его на сцене: «Отец показался мне совершенно не похожим на себя, я не узнала его и постоянно теряла из виду, <...> После вариации отцу устроили овацию, мы тоже хлопали. <...> Доход от бенефиса был зна-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

чительным — кроме серебряных подношений от публики, отец получил изумрудное кольцо-печатку и украшенные бронзовым орнаментом часы от царя, а также тысячу рублей из «собственной шкатулки его императорского величества». Кольцо вскоре

Платон
Константинович
Карсавин,
отец балерины

исчезло, оставив после себя на память о своем кратком пребывании квитанцию из ломбарда в добавок к большой кипе подобных напоминаний. Но часы оставались с нами много лет». На пенсию и жалованье преподавателя училища отец не мог полноценно обеспечивать семью, а между тем детям пришло время получать образование. Карсавины переехали в более дешевую квартиру в том же доме.

Тата с детства отличалась любознательностью и богатым воображением, что позволяло ей жить своей внутренней жизнью, часто непонятной ее матери. Та удивлялась, что дочь рано перестала играть в куклы. Самым близким человеком для Таты был старший брат, Лева — будущий известный историк и философ. Когда 7-летнего Леву мама стала учить читать, сидевшая рядом 5-летняя Тата все легко усваивала. Первая книга, которую девочка, картавя, попросила у родителей самостоятельно почтить, — криминальный роман «Жертва страсти». Отец хотел до слез, а мама онемела от изумления... Дети полюбили чтение, копили копеечки, которые им иногда давал отец, чтобы покупать тоненькие дешевые издания классиков. «Настолько божественно проста поэзия Пушкина и так кристально прозрачна его проза, что даже мне, шестилетнему ребенку, она была понятна. И хотя я еще не была способна в полной мере оценить красоту его произведений, но ощущала ее инстинктивно, и с тех самых пор их магическая власть надо мной никогда не ослабевала. Я знала поэмы Пушкина наизусть и любила их декламировать. <...> Кто-то подарил нам подборку журналов «Вокруг света» за несколько лет. Там печатались приключенческие рассказы, переводы произведений Жюля Верна, Фенимора Купера и других авторов подобного жанра. Я также прочитала целиком «Серапионовых братьев» Гофмана. Смысл его произведений был мне не вполне ясен, но меня чрезвычайно

Учащиеся Школы императорского балета. Балет Мариуса Петипа «Сказка». Слева на коленях держит птичью клетку молодая Анна Павлова. 1891 год

привлекало соединение фантастики с повседневной реальностью. Это придало моей жизни совсем иную окраску. Все перестало быть будничным, только казалось таковым; отныне я жила в мире, полном тайн, и постоянно ожидала чуда. Будучи довольно скрытной и сдержанной по природе, я никогда не выставляла напоказ своих эмоций и тайных желаний».

Мемуары «Театральная улица» Карсавина начала писать в 1928 году в эмиграции, уже после ухода из жизни обоих родителей — мать умерла в 1918 году, отец — в 1922-м. Книга вышла в свет в 1930 году в Англии, предисловие написал автор знаменитого «Питера Пэна» Джеймс Барри. У нас в стране перевод был опубликован лишь в 1971-м, с купюрами о революции и мытарствах отъезда из России...

ИСТЬЯЗАЮЩИЙ СЕБЯ ФАКИР

Идея отдать дочку в балет пришла матери — казенное обеспечение, профессия, постоянный доход в будущем. Отец возражал: «Я не хочу, чтобы мой ребенок жил среди закулисных интриг. Тем более что она, как и я, будет слишком мягкой и не сумеет постоять за себя». С зимы 1893 года Тамара бесплатно занималась у бывшей партнерши отца Жуковой, причем втайне от него. Она быстро все схватывала и результатами этих уроков Платона Константиновича убедила: «Что ж, пусть будет по-вашему. Тогда она станет третьим поколением в нашей семье, которое взойдет на подмостки».

Отец сам готовил дочку к экзаменам в училище: «Под музыку его скрипки я старалась изо всех сил, но он никогда не был доволен мною, если лицо мое не покрывалось потом. <...> Аккомпанируя моим экзерсисам, он наигрывал множество мелодий — фрагменты из разных балетов и из опер «Фауст» и «Лючия ди Ламмермур», порой напевая слова. <...> я же чаще всего просила его сыграть «Марсельезу». <...> «Руки держиши

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Тамара
Карсавина
в балете
«Пахита»

словно канделябры; у тебя колени согнуты, как у старой клячи». Я негодовала, когда он изредка прерывал меня ударом смычки. Отец принадлежал к старой педагогической школе, основанной на жесткой дисциплине. Он научил меня вкладывать максимум усилий в выполнение поставленных задач».

В Императорское театральное училище приняли всего 10 девочек, в том числе и Тату. Поначалу успехов не было, но она фанатично работала даже по вечерам, и одноклассницы, обычно отдыхающие после занятий, прозвали ее «истязающий себя факир». Ближе к выпуску ее педагогом стал выдающийся мастер Павел Гердт. У Карсавиной появились артистизм, уверен-

Театральная
улица в Санкт-
Петербурге,
где находилось
Императорское
театральное
училище

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ность, она танцевала главные роли в ученических спектаклях. И вот она дебютирует на императорской балетной сцене: это было исключением, говорящим публике об особых способностях исполнителя. Ведь обычно выпускники училища пополняли ряды кордебалета, годами ожидая миниатюрной вариации, чтобы хоть как-то выделиться. За несколько лет до Карсавиной этой чести был удостоен и Михаил Фокин — теперь первый танцовщик театра. В завершающем сезон спектакле они танцевали pas de deux «Рыбак и жемчужина» — так познакомились будущие звезды Русских сезонов. Публика приняла застенчивую девочку с восторгом: «Настоящая овация, дитя мое», — кивнув мне, бросила Анна Павлова, направляясь в свою артистическую уборную».

В 1902 году Карсавина вошла в труппу Мариинского театра, насчитывающую тогда 180 танцовщиков. Большинство из них — женщины, так что устроить успешную карьеру было непросто. Но Тамара была сразу принята на должность корифейки (танцовщица кордебалета, занимающая первые места в группе танцующих. — Прим. ред.) и получила повышенное жалование — 720 рублей в год: «Эта сумма для первого года казалась мне огромной, по сравнению с 600 рублями, получаемыми обычно дебютантками. И дома мои 60 рублей в месяц восприняли как хорошую прибавку к семейному бюджету. Я, разумеется, отдавала все деньги маме, а она каждое утро выдавала мне сумму, необходимую на проезд. И это были единственные мои карманные деньги, поэтому я не могла ничего себе купить, хотя и любила рассматривать витрины магазинов. <...> Я жила в то время совершенно не думая о деньгах и была счастлива в своей бедности. Окружающий мир приносил мне много радости, и я ощущала себя его центром». Вскоре Тамару заметила фаворитка Романовых, всесильная Матильда Кшесинская: «Если

Ж. Кокто. Тамара Карсавина в балете К. Вебера «Видение розы». Фрагмент афиши Русских сезонов в Париже. 1911 год

кто обидит, скажи!» Она же подарила Карсавиной восхитительный костюм. Наивная Тата уверилась в доброте звезды, но старшая коллега, Надежда Бакерина, открыла ей глаза: «Посмотри на себя в темно-лиловом! Этот цвет годится лишь для обивки гроба, а не для костюма молодой барышни!» К тому же на сцене она была «смертельно бледна, несмотря на румяна на щеках. И в этом не было ничего необычного – после напряженных занятий в классе, когда девочки становились красными как свекла, я только бледнела еще больше. Бледность у меня была и признаком волнения». Сольным дебютом Карсавина нажила себе кровожадного врача – прима Анна Павлова всячески препятствовала назначению ее на роли, которые сама исполняла. И однажды с криками набросилась на юную соперницу: «Довольно бесстыдства! Где ты находишься, что позволяешь себе танцевать совсем голой?..» Тата просто не заметила, как во время танца у нее обнажилось плечо из-за соскользнувшей бретельки корсажа: «Я стояла на самой середине сцены онемевшая, растерянная под потоком браны, срывавшейся с жестоких губ. Подошел режиссер и увел пуританку, а меня

окружила толпа сочувствующих коллег». Павлова очень переживала из-за своих «недостатков» – худоба считалась врагом красоты. Еще полвека назад, в эпоху Марии Тальони, на балетной сцене царил романтизм с его бесплотными видениями и точеными силуэтами. Теперь же мода изменилась: на первый план вышла «итальян-

Тамара
Карсавина
и Михаил Фокин
в балете
«Жар-птица».
Художник
костюмов
Л. Бакст.
1910 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЬЕВЫМ

щица» с акцентом на трюковую технику, отчего дамы на сцене стали более «земными» – с крепкими фигурами и жгучим темпераментом, как виртуозная Кшесинская. Чуть позже изящная легкость, томная хрупкость и грациозная серьезность Анны Павловой, Ольги Преображенской, Тамары Карсавиной, Ольги Спесивцевой, Иды Рубинштейн вернут на русскую сцену очарование неоромантизма с его неразрешимыми драмами... Несмотря на интриги, Карсавина много работает, оттачивает технику на дополнительных занятиях и вскоре получает главные роли в балетах «Жизель», «Лебединое озеро», «Раймонда», «Дон Кихот». Поддерживал ее и сменивший Петипа балетмейстер труппы Николай Легат. Постепенно Карсавина стала любимицей и дирекции, и труппы, и публики. В ней наконец наметилась индивидуальность, крывающаяся в нюансах движений и поз, в мягких пластических переходах. Но, скорее всего, Карсавина так и осталась бы одной из многих балерин, чья слава меркла вместе с уходом со сцены, если бы антреприза Сергея Дягилева с новаторскими постановками Фокина на сенсационных гастролях в Париже и Лондоне не возвела бы ее в статус звезды.

В ТАИНСТВЕННОЙ КУЗНИЦЕ

Хореографические идеи Фокина в Мариинке понимали и принимали далеко не все, хотя модернистский «Умирающий лебедь» с Павловой на музыку Камиля Сен-Санса всех очаровал. Карсавина же была в числе активных сторонниц Фокина, а тот, в свою очередь, видел в Тамаре идеальную исполнительницу: она чутко воспринимала его творческие фантазии, обогащая роль артистизмом и грацией, никогда не капризничала, ничего не требовала. Сотрудничество принесло обоим настоящую славу.

Содружество Бенуа, Дягилева, Бакста, Фокина, вынашивавших идею Русских сезонов, представлялось Карсавиной «тайной кузницей», гдековалось новое искусство. В 1909 году по приглашению Дягилева балерина, оставаясь первой солисткой Мариинского театра, в период летнего отпуска гастролировала в составе труппы «Русские балеты», согласившись на вторые роли. «Таточка стала действительно одной из нас, — писал Александр Бенуа. — Она была самой надежной из наших ведущих артистов, и все ее существование отвечало нашей работе». Уже на втором году сезонов прима Павлова покинула эту антрепризу, чтобы организовать свою, и Карсавина заняла ее место в паре с Вацлавом Нижинским.

Одноактный балет «Жар-птица» с Карсавиной в главной роли произвел в Париже фурор: по словам Бенуа, Тамара походила на «огненного феникса». Успех превзошел все ожидания, газеты писали фамилию русской балерины с артиклем — La Karsavina, что означало особое уважение. Жизнеутверждающая «Жар-птица» Карсавиной, как и декадентский «Умирающий лебедь» Павловой, стала одним из символов времени. Француженки бросились покупать яркие наряды под стать Деве-птице — в русском стиле.

С. Судейкин.
Эскиз костюма
для Тамары
Карсавиной
к балету
«Саломея».
1913 год

рецензент писал, что на сцене «Карсавина похожа на танцующее пламя, в свете и тенях которого обитает томная нега... ее танцы — это нежнейшие тона и рисунок воздушной пастели». Тема роковой и губительной красоты довлела в образах Карсавиной: обольстительница Армида в «Павильоне Армиды», принцесса Флорина в «Пире», озорная Коломбина из «Карнавала», уснувшая после бала мечтательница в «Призраке розы», нимфа Эхо в постановке «Нарцисс», царица Ореада в «Мидасе» и Мельничиха в «Трехуголке», Шамаханская царица в «Золотом петушке» и Пимпинелла в «Пульчинелле», Хлоя и Саломея... Фокин считал ее непревзойденной исполнительницей Куклы-балерины в русском балагане «Петрушка».

С русской труппой сотрудничали многие талантливые иностранцы — Дебюсси, Равель, Кокто, Пикассо, Шанель, Гофмансталь, Хиндемит, Руо, Сати, Респиги. Однако «самый великий кудесник искусства» Дягилев на протяжении двадцати лет существования Русских сезонов все-таки предпочитал объединять вокруг себя соотечественников. Он привлек к созданию балетов Стравинского, Прокофьева, Романова, Мясина, Баланчивадзе, Лифаря, Гончарову и Ларионова.

Карсавина была настоящим украшением труппы. Она ла-

ПРЕДСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЬЕВЫМ

ПРЕДСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЬЕВЫМ

Сергей Павлович
Дягилев

Михаил Михайлович Фокин

дила и со вспыльчивым, влюбленным в нее и отвергнутым Фокиным, и с непредсказуемым Нижинским, а имя Дягилева всегда произносила с восторгом. Ее любили и уважали. В балетном театре 1920-х «царицу Коломбин» признали родоначальницей принципиально новых течений исполнительства. Ей поступали предложения из Англии, Италии, Америки, Австралии. А балерина давала этим внешним восторгам вполне трезвые оценки: «Я часто задавала себе вопрос, изучается ли за границей наша история так, как у нас изучается история всех народов. <...> Вполне возможно, что о русском искусстве – этом самом ярком проявлении нашей сложной и пылкой души – едва ли подозревала Европа».

Карсавина позировала Баксту, Добужинскому, Серову, Судейкину, Серебряковой. Хорошо известны две работы Савелия Сорина: ее арабеск в «Сильфидах» (1910) и портрет вполоборота. Французский режиссер и драматург Николай Евреинов вспоминал: «Сорин – верный паладин искусства Карсавиной <...> с максимальным наслаждением писал одно время ее и только ее. Карсавина!.. ка-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

кая чудесная, какая волшебная форма для Соринского содержания!» По уверениям некоторых современников, в знаменитом петроградском кабаре «Бродящая собака» разгоряченная Тамара иной раз танцевала на стуле, а аплодировать ей могли все

Тамара
Карсавина.
1916–1918 годы

Тамара
Карсавина
в балете
«Шехеразада»

засвегдатаи – от Северянина, Мандельштама и Гумилева до Маяковского и Мейерхольда. С 1915 года Карсавина не танцевала в труппе Дягилева. Но это не было связано с творческими спорами. Просто она развелась с первым мужем и второй раз вышла замуж, родила сына, пережила революции и уехала в эмиграцию. Сотрудничество возобновилось в Лондоне в 1919-м: она станцевала в постановке Леонида Мясина «Треуголка».

На следующий год она, к восхищению парижской публики, танцевала в «Пульчинелле», «Женских причудах» и «Песни соловья». В 1926-м в Риме и Лондоне дягилевская труппа выступала с сюрреалистическим балетом Брониславы Нижинской по мотивам трагедии Шекспира в декорациях Эрнста и Миро: в finale одетый в форму летчика Лиляр-Ромео увозит на самолете Карсавину-Джульетту. Аплодисменты, цветы, крики «браво»...

В канун католического Рождества 1928 года в рамках 22-х Русских сезонов прошел «Вечер Стравинского», включавший «Жар-птицу», «Аполлона Мусагета» и «Петрушку» с несравненной Карсавиной. И снова оглушительный успех.

1929 год был юбилейным, двадцатым для Русских сезонов. В день открытия, 1 июля, «Ковент-Гарден» был полон. В программе «Весна священная», триумфальное появление Тамары Карсавиной в «Петрушке» и Ольги Спесивцевой в «Лебедином озере». В планах новые постановки, переговоры с композиторами, предложения от меценатов. Но...

Третью часть своей «Театральной улицы» Карсавина предваряет эпиграфом: «Я закончила писать эту книгу 20 августа 1929 года, в тот самый день, когда услышала о смерти Дягилева. Посвящаю эту последнюю часть его незабвенной памяти, как дань моего бесконечного восхищения и любви к нему»...

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ДРУЗЬЯ И СОВРЕМЕННИКИ

В эмиграции Карсавина продолжала блистать на сцене, в 39 лет выступила в театре «Ла Скала», два года танцевала в британской труппе «Балле Рамбер», занялась преподаванием, разработала новый метод записи танцев, возобновляла балеты Фокина, служила вице-президентом Британской Королевской академии танца, в числе ее учениц – Марго Фонтейн. Она смогла полюбить Англию, хотя не без иронии заметила о британцах, что в глубине души они всегда являются несколько удивлены, когда обнаруживают, что иноплеменники пользуются ножами и вилками, как и они сами. Она часто диктовала статьи, которые охотно публиковались в прессе, но на радио ее поначалу не приглашали – из-за акцента. Но, лишь однажды выступив в цикле «Друзья и современники», Карсавина завоевала аудиторию, и с тех пор многие журналисты мечтали заполучить ее в собеседницы. Ей было что вспомнить и о ком рассказать.

Когда-то ее расположения добивались многие незаурядные мужчины. Будущий президент Финляндии Карл Маннергейм готов был ради нее навсегда закрыть свой донжуанский список. Михаил Фокин, первый ее партнер и хореограф, не простили отказа, долгие годы не разговаривал с Тамарой ни о чем, кроме работы. «Для всей балетной труппы не было секретом, что М.М. был много лет безумно влюблена в совсем юную и очаровательную Карсавину, однако на три его предложения руки Тамара Платоновна ответила отказом, после чего он женился на Вераше (балерина Вера Антонова. – Прим. ред.), затаив долго не остававшую обиду на свою прежнюю страсть, и вымешал свою обиду <...> во всяких придиরках», – вспоминал Александр Бенуа.

Ее первым избранником стал не-богатый дворянин и страстный балетоман Василий Мухин, пленивший ее добротой и глубокими познаниями в музыке. Но их союз был недолгим. В 1913 году

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Тамара Карсавина в балете
«Сильфиды»

Тамара
Карсавина
с сыном Никитой
незадолго до
своего отъезда
из России
в 1918 году

балерина пришла на прием в британское посольство в Петербурге и познакомилась с начальником канцелярии. Генри Джеймс Брюс, сын баронета и выпускник Итона, с первого взгляда влюбился в столичную красавицу и увел Тамару из семьи. В 1916-м Карсавина родила ему сына Никиту, а в 1918 году стала женой британского дипломата. После революции семья выбиралась из России с приключениями: они держали путь в Мурманск, с замиранием сердца проезжая попадавшиеся на пути деревни: кто там – белые или красные? Для первых был припасен дипломатический паспорт мужа, для вторых – подорожная,

подписанная наркомом Чичериным. До пристани в Мурманске они добрались за несколько минут до отхода последнего британского парохода, «Вивисбрук». После Второй мировой войны, уже на пенсии, Брюс начал писать мемуары. В «Тридцати дюжинах лун» он признался, что досрочно прервал свою дипломатическую карьеру ради триумфов любимой жены. Супруги прожили в лондонском Хэмпстеде более тридцати лет. В сентябре 1951 года полиция сообщила Карсавиной, что ее муж найден на улице мертвым. Тамара Платоновна замкнулась в своем доме, уставленном русской антикварной мебелью и эскизами Сомова,

Последняя
встреча труппы
Дягилева
с Нижинским
в «Гранд-опере».
Слева направо:
Н.В. Кремнев,
А.Н. Бенуа,
С.Л. Григорьев,
Т.П. Карсавина,
С.П. Дягилев,
В.Ф. Нижинский,
С.М. Лифарь

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Жак-Эмиль Бланш. Портрет Тамары Карсавиной

Челищева, Бенуа на стенах. Свое добровольное заточение она прервала лишь в 1954 году, когда приняла участие в устройстве первой Дягилевской выставки. К концу жизни Карсавина впала в нужду и с горечью расставалась со своими любимыми вещами, продавая их скупщикам. Карсавина всегда бывала на гастрольных спектаклях русских театров: в 1956-м радовалась триумфу Галины Улановой, часто вспоминала балерин родной Мариинки (Кировского театра) Аллу Осипенко и Наталию Макарову, смотрела спектакли Большого театра «Конек-Горбунок» и «Лебединое озеро» с Майей Плисецкой. В гостях у нее бывал Марис Лиепа. Осенью 1961 года сбежавший из СССР Рудольф Нуриев дебютировал в Лондоне, и, разумеется, Карсавина не могла пропустить спектакль! По дороге в театр она

вспоминала, как отец играл на скрипке pas de deux из «Жизель», когда она репетировала его с Вацлавом Нижинским в октябре 1907 года. Теперь она репетировала с Марго Фонтейн, которая на Новый год будет танцевать в «Ковент-Гардене» с Нуриевым «Жизель» и «Лебединое озеро». 9 марта 1965 года Королевская академия танца устроила тор-

ПРЕДСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Тамара
Карсавина
и Марго
Фонтейн

жественный банкет по случаю юбилея Тамары Платоновны – бесконечные корзины и букеты заполонили дом, но самым эффектным был куст белой сирени, преподнесенный Нуриевым. Балетмейстер Фредерик Аштон зажег свечи на огромном торте и произнес: «За 80 лет красоты и верности!»

Однажды ее пригласили на премьеру «Свадебки» Игоря Стравинского, где собирались старые дягилевцы – Бронислава Нижинская, Борис Григорьев, Лидия Чернышева. Все говорили по-русски. Аштон вывел Тамару Платоновну на сцену: «Это госпожа Карсавина, самая великая из всех!» – зал разразился овациями...

26 мая 1978 года в газете Times было объявлено о кончине Карсавиной: «Брюс: в возрасте 93-х лет, Тамара, вдова Генри Джеймса Брюса, горячо любимая мама и бабушка». Именно так, по завещанию Тамары Платоновны, без упоминания девичьей фамилии. Она покоятся рядом с мужем, на Хэмпстедском кладбище. На ее плите выбито: Whosoever Believeth in Me shall Never Die – «Всякий верующий в Меня, никогда не умрет»...

Коллекция сирени Ботанического сада Биологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова – одна из лучших в России

АЛЕКСАНДР ВУРАЙ

ВЕТКА РУССКОЙ СИРЕНИ

АВТОР

ЕКАТЕРИНА ЖИРИЦКАЯ

ИЗЫСКАННЫЕ ЦВЕТКИ РАЗНООБРАЗНЕЙШИХ ОТТЕНКОВ И НЕЖНЫЙ АРОМАТ – ВОТ СЕКРЕТ ПОПУЛЯРНОСТИ СИРЕНИ. СТАРАНИЯМИ СЕЛЕКЦИОНЕРОВ ЕЕ МНОГОЧИСЛЕННЫЕ СОРТА ПРЕВРАТИЛИСЬ В УКРАШЕНИЕ САДОВ И ПАРКОВ. ЕСТЬ В ЭТОМ БУЙСТВЕ КРАСОК И ФОРМ И ОТЧЕТЛИВЫЙ РУССКИЙ СЛЕД – ЯРКИЙ И ТРАГИЧНЫЙ ОДНОВРЕМЕННО.

ВРОССИЮ ПЕРВУЮ сирень привез из Голландии Петр I. С тех пор кустарник прижился в садах императорского дома. Горячей поклонницей сирени была жена Николая II императрица Александра Федоровна, чей знаменитый Сиреневый кабинет в Александровском дворце Царского Села позаимствовал свои цвета у этого цветка. Даже зимой дворцовые залы

всегда были украшены цветущей сиренью.

Хотя сирень считалась «дворянским» растением, в усадьбах изначально рос дичок. За слуга превращения сирени в прекрасный декоративный кустарник принадлежит фирме «Виктор Лемуан и сын». С конца 1840-х Виктор Лемуан начал эксперименты в селекции садовых цветов и растений. Выведением новых сортов сирени он за-

нялся в 1870-е, и именно эта работа принесла ему известность. Новые, высокодекоративные сорта сирени получили широкую известность под названием «французские гибриды». Это определение стало своеобразным знаком качества, и долгие годы любая красивая сирень называлась «французской».

После Первой мировой войны интерес к сирени в Европе стал угасать, а центр мирового сиреневодства переместился в Северную Америку. В США и Канаде рост популярности этой культуры привел к появлению не только многочисленных новых сортов сирени, но и ежегодных фестивалей сирени, ставших традиционными для многих городов. А в Советском Союзе над выведением новых сортов трудился Леонид Алексеевич Колесников, чье имя долгие годы было неизвестно его зарубежным коллегам.

АЛЕКСАНДР БУРЫЙ

«Мечта», созданная Колесниковым в 1941 году, – идеальная сирень. Крупные простые голубовато-лиловые цветки, большие соцветия, ежегодное обильное цветение и гармоничная форма куста – все эти достоинства выделяют «Мечту» среди самых известных и популярных отечественных сортов

ВЛЮБЛЕННЫЙ В СИРЕНЬ

Судьбу Леонида Алексеевича восстановила московский селекционер и знаток истории сирени Татьяна Полякова. В 2002 году внучка Колесникова, Елена Симоненко, передала ей архив деда.

Леонид Колесников происходил из зажиточной купеческой семьи. В 1890 году его отец, Алексей Семенович, купил участок в 30 соток в подмосковном селе Всехсвятское (сейчас – район Песчаной улицы недалеко от метро «Сокол»). Для украшения новой дачи он посадил куст

махровой французской сирени Лемуана «Мишель Бюхнер». «Цвел куст пышно, под ним вся семья собиралась на вечерние чаепития. Может быть, именно эти воспоминания и привели к увлечению, которому была отдана целая жизнь», – рассказывает Татьяна Полякова.

Леонид окончил Московское реальное училище и поступил в Коммерческий институт, где учился до 1916 года. Затем его направили в военное училище. Однако вместо него Леонид попал во Вторую одесскую автошколу, затем – на фронт и

АЛЕКСАНДР БУРЫЙ

Л.А. Колесников с одним из своих новых перспективных гибридов. 1940 год

всю Перовую мировую провел за «баракой». Вернувшись домой, Колесников восстановился в институте, но октябрь 1917 года резко изменил его судьбу. Вся собственность Колесниковых – производство, дом на Кузнецком Мосту, земельные участки – отходит государству, а у Леонида от семейного наследства остается только подмосковная дача. Участок урезан на 5 соток, зато сохранился дом и куст старой сирени. С марта 1918-го по декабрь 1922 года Колесников служит в Первой советской автороте Москвы, а позже становится помощником командира автоколонны. По служебным делам Леонид бывает в разоренных усадьбах и покинутых дворянских поместьях, где растет сирень. Именно во время этих поездок Колесников решает сорвать в своем саду коллекцию сортовой сирени.

В 1919 году Леонид Алексеевич сажает на Соколе свою первую сирень и продолжает поиск сортов, созданных фирмой «Лемуан и сын». Он изучает старые, дореволюционные каталоги, посещает ботанические сады и питомники, осматривает заброшенные сады. Из поездок Колесников привозит все новые и новые черенки, отводки и кустики сирени. Так начинается коллекция, которая вскоре становится лучшей в стране: в 1923 году в ней уже более ста зарубежных сортов. Но Колесников мечтает создать что-то свое, не менее прекрасное.

Уже первые эксперименты оказываются удачными, появляются новые красивые гибриды. Энтузиаст-сиреневод все свободное время посвящает селекции. И завоевывает своим упорством и трудом заслуженное признание. Весной 1941 года на Всесоюзной выставке достижений народного хозяйства Колесников представил 36 сортов сирени, шесть из которых были выведены им. Специальная экспертная комиссия по декоративному садоводству оценивает на отлично выставленную коллекцию сирени и признает ее лучшей «по ка-

честву и количеству сортов во всей северной европейской части СССР».

Работу остановила война. Леонид Алексеевич уходит на фронт, а во время налета гитлеровской авиации в 1941 году несколько снарядов попадает в его сад. «Эти страшные мгновения навсегда врезались в память жены Колесникова – Олимпиады Николаевны... Ее душевному здоровью был нанесен непоправимый удар, от которого она так и не оправилась до конца своей жизни», – говорит Татьяна Полякова. Сам Леонид Алексеевич в 1942 году получает тяжелое ранение и, демобилизовавшись, возвращается в Москву и продолжает заниматься своим садом. К 1943 году сад Колесникова становится известным в Москве местом, куда многие стремились попасть во время цветения сирени. «На приусадебном участке в Большом Песчаном переулке бушевала сирень – всех цветов и оттенков. Свои впечатления, эмоции и слова благодарности посетители выплескивали на страницах обычной толстой тетради, своеобразной «книги отзывов», появившейся в саду по просьбе гостей. Среди записей – отзывы известных ученых, художников, архитекторов, актеров», – отмечает Татьяна Полякова.

Ей посчастливилось застать в живых Марину Игоревну Демчинскую, учившуюся в Сельскохозяйственной академии им. К.А. Тимирязева и посвятившую свою дипломную работу колесниковской сирени. Именно благодаря воспоминаниям Марине Игоревны можно сегодня представить, как выглядел сад Колесникова в период его расцвета. По ее словам, в саду было свыше 5 тысяч кустов сортовой сирени, коллекция роз из более чем 100 сортов, ирисы, нарциссы, тюльпаны, лилии, пионы... В 1952 году Колесников получает Сталинскую премию «за выведение большого числа новых сортов сирени». О его работе снимают документальные фильмы, репортажи из сада показывают

АЛЕКСАНДР БУРЫЙ

в новостях, появляются статьи в «Правде», в журналах «Советский Союз» и «Огонек». Сирень Колесникова высаживают в Кремле. На это время приходится расцвет популярности сирени в СССР. Вдохновленные примером Леонида Алексеевича, специалисты многих ботанических садов начинают свою селекционную работу. В Уфе селекционер Александра Сергеевна Сахарова получает прекрасные сорта сирени «Айгуль», «Нафиза», «Красавица Башкирии». Множество интересных сортов выведено в Алма-Ате. Серия сортов, отличающихся хорошими декоративными качествами, создана в Минске.

У Леонида Алексеевича появляются помощники и последователи. И среди них немало выдающихся деятелей советской науки и культуры. Нейрофизиолог академик Анохин ассистировал Колесникову при скрещиваниях во время цветения. Лауреат Нобелевской премии директор Института химической физики АН СССР академик Семенов тоже увлекся сиренью и посадил подаренные Колесниковым кусты у здания института. Доктор технических наук Глушков, чей учебник по сопромату известен многим поколениям студентов, помогал собирать семена.

КАЛОШИНСКАЯ ДРАМА

После получения Сталинской премии Колесников дарит все созданное им народу, мечтая о том дне, когда вся страна будет украшена сиренью. Под новый опытно-селекционный питомник Колесникова должны были выделить землю. И ее дали. Только не ту, которую ожидал получить Леонид Алексеевич. Сиреневым посадкам отвели 11 гектаров захламленного пустыря. В 1954 году селекционер получает предложение взяться за организацию работы питомника в Калошине и становится его техническим руководителем. Несмотря на трудности, ему удается создать питомник с двумя подразделениями: производственным, в котором размножались для городского озеленения лучшие сорта сирени, и селекционным, где он мог продолжать работу по выведению новых сортов. Из сада на Соколе в Калошино было перевезено более 2 тысяч кустов сирени. Много сил и времени ушло на окультуривание почвы, строительство теплиц, выхаживание пересаженных кустов. «Восемь лет отделяют заброшенный пустырь от цветущего хозяйства. Восемь очень непростых лет жизни Леонида Алексеевича отданы питомнику, с созданием которого он связывал

Татьяна Полякова, вице-президент Международного общества сирени (International Lilac Society) по России и странам Азии, сопредседатель Международного комитета по сохранению редких сортов сирени

«Память о Колесникове» – выдающаяся по своим декоративным качествам сирень, которая была отобрана среди сеянцев Колесникова на территории бывшего калошинского питомника в 1974 году. Ее ветки-розочки сохраняют свою форму до конца цветения

ТАТЬЯНА ПОЛЯКОВА

столько планов и надежд. Москва растет, Москва хорошеет, ей нужна сирень», – рассказывает Татьяна Полякова. Но вокруг питомника начинают строить новые дома, и часть его территории намерены отдать под новостройки. Леонид Алексеевич сопротивляется изо всех сил. В конце 1962 года селекционера отправляют на пенсию. По воспоминаниям сотрудников, покидая Калошино, Колесников плакал, не скрывая слез. Все, что осталось у него, – это ветхий отцовский дом и прекрасный сад в кольце новостроек. Но, несмотря ни на что, Колесников продолжает селекционную работу: каждый год на выставках представляет новые сорта сирени.

Трагедия продолжалась: теперь стройка вплотную подошла к дому Колесникова на Соколе. «Груды строительного мусора готовы обрушиться на старый забор. Охраны по-прежнему нет. Налеты хулиганов на сад продолжаются, нанесенные ими потери невосполнимы. Так, была варварски уничтожена уникальная желтая сирень, погибшая накануне приезда Государственной комиссии по сортопитомнику. Бесследно исчезла и ярко-красная, не успевшая обрасти имени», – говорит Татьяна Полякова.

В 1965–1966 годах дом, в котором Леонид Алексеевич прожил всю свою жизнь, было решенопустить под снос. Но все еще теплилась надежда, что сад, в котором была рождена сирень редкой красоты, можно спасти. «Вновь начались бесконечные походы по кабинетам начальников. Пожилой человек, фронтовик, страдающий головными болями после контузии, ежедневно ходил по улицам родного города в поисках правды и справедливости», – описывает Татьяна Полякова подробности трагедии. Если бы не опубликованная в «Комсомольской правде» статья «Спасите ветку сирени!», вполне возможно, что вся сирень в саду на Соколе пошла бы под бульдозер. Но после публикации исполнком Моссовета принял решение о пересадке кустов, руководить которой назначили самого Колесникова.

СИТУАЦИИ СИРЕНЬ

В августе 1966 года 3 тысячи кустов селекционной сирени должны были отправиться в ка-лошинский питомник. Часть из них в итоге была высажена на Сиреневом бульваре, часть – в парке «Сокольники», часть – в разных районах Москвы. «Однако если мы сегодня пройдемся по всем этим адресам, то насчитаем в общей сложности не более тысячи кустов, – объясняет Татьяна Полякова. – 2 тысячи кустов растворились во времени и пространстве. Немалое их количество было вывезено из питомника на дачи тех, кто тогда руководил страной и занимал высокие посты, чему есть свиде-тельства очевидцев, в том числе сотрудников питомника, лично загружавших грузовики по указу «сверху».

Не повезло колесниковской си-рени и при закрытии питомни-ка и переводе его территории в статус «городского парка» в 1975 году. Когда были убраны все забо-ры и ограждения, молодые кусты сортовой сирени из производ-ственного подразделения и се-янцы из селекционного массово растиаскивались не только дачни-ками, но и торгашами с садовых рынков. Остановить эту вакханалию не могли ни жители окрест-ных домов, ни бывшие сотрудни-ки питомника, плакавшие при виде перекопанных гряд. «Но Ле-онид Алексеевич всего это уже не увидел. Он умер от инфаркта в 1968 году. Он устал бороться с равнодушием чиновников, тя-жело переживал потерю каждо-го сорта. Незадолго до смерти он написал: «В своих письмах к то-варищам я много раз упоминал и упоминаю о тоске, из которой нет у меня выхода. Все эти годы, начиная с декабря 1962 года, я пе-реживал период трагедии своей жизни, вызванный пассивным отношеием к уже созданным мною трудам. Чувство угнетен-ности, бессмыслиности и безна-дежности жизненной борьбы не покидает меня. Тяжелые серые тучи нависли надо мною, уны-ние и тоска давят на мое истер-занное сердце», – рассказывает Татьяна Владимировна.

АЛЕКСАНДР БУРЫЙ

Работа над созданием коллекции сирени в ботаническом саду МГУ была начата в 1974 году. Спустя десять лет более 100 сортов отечественной и зарубежной селекции было представлено посетителям

ТАТЬЯНА ПОЛЯКОВА

ЖИВОЙ МУЗЕЙ

С перестройкой начался закат отечественного сиреневодства. Прекратилось финансирование ботанических садов, их коллекции пришли в упадок, многие сорта были потеряны. Этот период стал тяжелейшим для селекции сирени на всей территории бывшего СССР. Например, в Ташкенте селекционером Любовью Кравченко были созданы прекрасные сорта – «Юрий Гагарин», «Валентина Терешкова», «Аметистовая», «Радостная». Но в 1990-е годы сирень была признана «неперспективной» для хозяйственной деятельности Узбекистана и коллекцию... уничтожили. Татьяна Полякова и ее коллеги считали, что узбекской сирени больше не существует. И только случайно в ботаническом саду Алматы был обнаружен единственный экземпляр сорта «Юрий Гагарин», который удалось размножить и тем самым сохранить. Но до сих пор не найдены «Красавица Башкирии» и ряд сортов, выведенных в Казахстане.

Только в 2000-е вновь появляется интерес к сирени. Произошло это во многом благодаря энтузиастам из клуба «Цветоводы Мо-

сквы» Общества восстановления и охраны природы, при котором в 1999 году была создана секция «Сирень». Свою работу московские сиреневоды начали с изучения, поисков и идентификации сортов Колесникова, которые были не только частично утеряны, но и перепутаны: под одним и тем же названием в коллекциях росли абсолютно разные сорта. Сиреневый сад на Щелковском шоссе, расположенный на месте бывшего калошинского питомника, мог помочь ответить на многие вопросы, так как удалось отыскать в архивах схему посадок сортов и сеянцев, сделанную Колесниковым. Но в 1980 году при подготовке к Московской

Эти старые танцующие кусты с изогнутыми временем стволами помнят своего создателя – Л.А. Колесникова. Сегодня им не менее 80 лет, и именно их он пересадил из своего сада на Соколе в Калошино в 1960-е годы

Питомник в Калошине.
Л.А. Колесников в маточном саду

АЛЕКСАНДР БУРЫЙ

Олимпиаде в саду стали прокладывать пешеходные дорожки. Кусты из маточного (то есть предназначенного для выведения новых сортов) сада выкалывали без записи сорта и пересаживали в группы, создавая неразделимую смесь «французских гибридов» и колесниковских сортов.

Превращение бывшего калошинского питомника в городской парк стало катастрофой с точки зрения науки. Это место, признанное в итоге объектом культурного наследия, все эти годы нуждалось в грамотном уходе. А его не было. Постепенно сад на Щелковской превратился в приют бомжей. Ежегодно кусты нещадно обламывались на букеты, которые продавались у ближайшего метро. Уникальная сирень гибла. К спасению сада подключились москвичи. Но когда московским защитникам наследия Колесникова стало казаться, что они чего-то достигли, начали расширять Щелковское шоссе, и часть сада вновь должна была быть уничтожена.

И все же москвичам удалось невозможное: они смогли привлечь к проблемам сада внимание мэрии. Было принято решение превратить сад в живой музей сирени и посвятить его памяти Колесникова. Сад открылся в 2016 году после полной реконструкции. Сейчас это ухоженное, прекрасное место с великолепными кустами. Там есть охрана, сделан павильон для цветоводов, проводятся выставки и занятия с детьми, а ежегодно 18 мая, в день рождения Колесникова, в саду проходит праздник, посвященный выдающемуся русскому селекционеру.

В саду продолжается работа с наследием Колесникова. В 1970-е годы комиссия специалистов Главного ботанического сада им. Н.В. Цицина РАН выбрала из сеянцев Колесникова необычный эффектный гибрид, зарегистрировав его под названием «Память о Колесникове». Существующие в саду посадки были дополнены не только сортами Колесникова, но и новинками отечественной и зарубежной селекции.

САДОВЫЙ ДЕТЕКТИВ

Из 300 сортов и гибридных сеянцев, выведенных Колесниковым, сохранилось около 60. Но даже их разыскать было непросто.

В 2021 году на международной конференции Татьяна Полякова и ее коллеги, кажется, нашли считавшийся утерянным сорт «Марина Раскова». У сиреневодов есть надежда, что «Марина Раскова» сохранилась в дендрарии НИИ садоводства Сибири имени М.А. Лисавенко в Барнауле – он числится в списке посаженных растений. Также считавшиеся утраченными сорта Колесникова недавно обнаружили на территории Смольного. Согласно архивным записям, в саду до сих пор растут сорта «Лиза Чайкина», «Сердце Данко», «Байкал», «Надежда Крупская» и «Память о Трипольской трагедии». Так, по крупицам, удается возвращать наследие Колесникова.

В этих поисках особая трудность заключается в определении эталонного экземпляра, соответствующего авторскому сорту по всем признакам. С годами начались разнотечения, которые внесли дополнительную путаницу. К примеру, чтобы установить настоящего «Маршала Жукова», пришлось обратиться за помощью к коллегам из Канады. Русские сорта отправлялись в Королевский ботанический сад в Гамильтоне в 70-е годы XX века. Получив черенки с того самого отправленного экземпляра, удалось понять, какой из растущих в России «Маршалов Жуковых» настоящий.

Очень помог московским энтузиастам уже упомянутый диплом Марины Демчинской. Тетя Марины Игоревны была профессиональным художником, так что в приложении к диплому есть подробное описание сортов с рисунками. И хотя многие сорта в 1952 году, когда писался диплом, еще не получили названия, а были обозначены но-

АЛЕКСАНДР БУРЫЙ

мерами, эти описания очень пригодились в поисках. Благодаря им нашли, например, два интересных сорта: «Весну 1942 года» в парке «Сокольники» и очень красивую белую махровую «Ветку мира». По селекционному номеру, указанному на колесниковской схеме, московские энтузиасты из секции «Сирень» определили место посадки сорта в Сиреневом саду, а потом сверили растущий там куст с его описанием в дипломе Демчинской. Такая же сирень росла в Сокольниках, но там она носила название «Белая ветка». Оказалось, что сначала сорт так и назывался, лишь затем Колесников переименовал его в «Ветку мира». Черенки сорта были переданы в лабораторию биотехнологий Главного ботанического сада РАН, где сорт был введен в культуру и помещен на хранение в банк *in vitro*. Он также был размножен методом клonalного микроразмножения в лаборатории ТСХА. Сегодня за его судьбу можно не беспокоиться.

Возникли разнотечения и с сортом «Галина Уланова», суще-

ствующим в трех вариантах. Правильный отыскался в ботаническом саду Симферополя. К сожалению, до сих пор не удалось установить, какой из нескольких представленных сегодня в отечественных и зарубежных коллекциях сорт «П.П. Кончаловский» является эталонным. Некоторые редкие сорта удалось найти на Лесостепной опытно-селекционной станции в Липецке. Профессор Николай Кузьмич Вехов, руководивший станцией в 50-е годы XX века, дружил с Леонидом Алексеевичем и получал новые сорта из его рук. В архивных документах семьи лежали расписки сотрудников станции с перечнем полученных от Колесникова сортов. Благодаря этим распискам сирень и удалось разыскать. Где еще можно было найти сорт Колесникова? В 1984 году в память о Колесникове у павильона «Цветоводство» на ВДНХ по инициативе Леонида Леонова был посажен сиреневый сад. Черенки редких сортов Колесникова привозили из многих ботанических садов бывшего СССР. Но возник-

Сирингарий ботанического сада МГУ. Экспозиция сортов, созданных на территории бывшего СССР

ла нездача. Самым хорошим подвоем, то есть растением, на который прививают другой сорт, традиционно считался французский сорт «Кондорсе». И все сорта Колесникова были привиты на «Кондорсе». В результате постоянных набегов любителей букетов было обломано очень много сортового привоя, зато «Кондорсе» продолжал расти, все больше заполоняя памятный сад. По его периметру часть сортов была высажена в корне-собственном виде либо была привита в корневую шейку. Они-то и сохранились в первозданном виде. Казалось бы – вот она, удача! Однако и здесь возникла проблема: были потеряны схемы посадки кустов. Никто не сохранил схемы пересадок. А ведь на ВДНХ помимо памятного сада был еще и испытательно-показательный участок, где Колесников демонстрировал свои новые сорта и перспективные гибриды. А теперь все это разбросано по территории выставки вперемежку с иностранными сортами и новыми посадками.

Зато со Смольным повезло. Там есть схема посадок, сохранились названия, и одно другому не противоречит. Но Татьяна Полякова не видела сорт «Лиза Чайкина». Она позвонила внучке Колесникова, Елене Степановне: «Вы не помните «Лизу Чайкину»? Как она выглядела?» «Помню. Такой красивый белый сорт с широкими отворачивающимися лепестками», – ответила та ей. Татьяна Владимировна проверила: куст сирени перед ней подходил под это описание. Стали проверять дальше: сорт «Сердце Данко» – пурпурный махровый с соцветиями, похожими формой на сердце. Тот, что растет в саду Смольного, подходит под это описание. «Надежда Крупская» – белый махровый сорт. Да, растет как обозначен на схеме. Так потихоньку, сорт за сортом, восстанавливается наследие Колесникова.

СПАСИТЕЛЬНЫЙ ЦВЕТОК

Сегодня в России интерес к сирени растет. Живо и дело всей жизни Колесникова. В свое время, в изоляции от целого мира, Колесниковым была создана уникальная ветвь русской селекции, выведены непревзойденные сорта. Созданная в 2000 году селекционная творческая группа «Русская сирень» поставила перед собой задачу не только продолжить традиции русской селекционной школы, основанной Колесниковым, и получить новое поколение красивой и устойчивой сирени, но и неукоснительно следовать его принципам, важнейшие из которых – любовь к Родине и верность своей мечте. Именно поэтому многие из сортов, созданных группой, названы в честь людей, принесших мировую славу русской культуре.

Первым называть сорта сирени в честь выдающихся людей Франции начал Виктор Лемуан. Колесников продолжил эту традицию. В числе первых таких сортов – «Иван Мичурин» и «Полина Осипенко». Вернувшись в свой сад в 1942 году, Колесников продолжил опыты по селекции. Так появился сорт «Зоя Космодемьянская» – очень нежный, голубоватый, с глазком. А когда Леонид Алексеевич создавал сорта в честь прославленных летчиков – «Алексей Маресьев», «Валентина Гризодубова», «Капитан Гастелло», – он выбирал среди сеянцев такие, цветки которых закручиваются пропеллером.

У современных селекционеров есть серия сортов, посвященных героям и событиям Великой Отечественной войны. Первый созданный ими сорт назывался «День Победы». Есть еще «Курская дуга» и «Прохоровка». Сорт «Прохоровка» они высадили на месте знаменного танкового сражения; там сейчас создают парк-музей военной сирени.

Есть у московских селекционеров и «маршальская» серия. Создавая ее, Татьяна Полякова и ее коллеги советовались

АЛЕКСАНДР БУРЫЙ

с родственниками полководцев. Например, сорт «Маршал Конев» они обсуждали с дочерью маршала – Наталией Ивановной, президентом Фонда памяти полководцев Победы. Группе «Русская сирень» до сих пор приходят письма от ветеранов, написанные на листочках от руки, с приложенными фотографиями: «Очень прошу

назвать сорт в честь моего погибшего фронтового друга, чтобы сохранить память о нем». В память о советских солдатах селекционеры создали сорт «Василий Теркин». Увлечение сиренью спасало Колесникова от тяжелых воспоминаний о войне, убеждена Татьяна Полякова. Он когда-то сам писал об этом. До конца

Белоснежная «Советская Арктика» – один из лучших сортов, созданных Колесниковым. Увидеть его можно в Сиреневом саду на Щелковском шоссе и в ботанических садах Москвы – Главном БС и БС МГУ

АЛЕКСАНДР БУРЫЙ

Последняя весна в Калошине. Скоро питомник будет закрыт, а судьба этих красивых гибридов так и останется неизвестной

жизни его мучили последствия контузии. У него ухудшилось зрение, он страдал головными болями, но сирень помогала ему выживать. Стало хорошей традицией – когда москвичи уходили на фронт, они часто заглядывали в сад Колесникова, чтобы посмотреть на цветение. И когда возвращались, тоже приходили туда. В книге отзывов есть, например, такие записи: «Ваш сад врачует самые тяжелые раны».

Как-то раз в прямой эфир радио в Санкт-Петербурге, где шла беседа о новых сортах группы «Русская сирень», посвященных Великой Отечественной войне, позвонила женщина и заявила: «Сирень – такое прекрасное растение, я считаю, не нужно давать ему военные названия». «А мы считаем по-другому, – говорит Татьяна Владимировна. – У Сергея Аладина, руководителя нашей группы, отец прошел всю войну военврачом, много рассказывал о ней. Мой дед погиб в 1943-м. Считалось, что он пропал без вести. И только благодаря фонду «Мемориал» пару лет назад узнали, что он погиб в Белоруссии в рукопашном бою. Было ему всего 30 лет. У нас есть и другие сорта с нейтральными, красивыми названиями – «Тишина», «Снегурочка», «Афродита», «Тихая обитель». Такие безмятежные и спокойные. Но есть долг памяти и верность традициям, которым мы будем следовать независимо от чьего-либо мнения». По мнению же Татьяны Поляковой, самая светлая история той войны связана с сиренью. Когда закончилась война, в Европе цвела сирень. Это был уникальный год: по воспоминаниям местных жителей, сирень никогда так буйно не цвела, как в начале мая 1945-го. Наших солдат повсюду встречала сирень. Поэтому и памятник маршалу Коневу, который стоял в Праге, был с букетиком сирени. А в России сирень цветет позже. Солдаты возвращались домой, и волна сирени шла за ними следом...

ПОЧИНИТЬ ИЛИ СОЧИНИТЬ

АВТОР

АЛЕКСЕЙ МАКЕЕВ

ФОТО

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

ЗАВЕСТИ ПАТЕФОН И РОЛИКОВЫЙ ОРГАН, РАЗГАДАТЬ СЕКРЕТ «ПЕРСИДСКОЙ» ШКАТУЛКИ, ОТПРАВИТЬ ДЕПЕШУ ТЕЛЕГРАФОМ XIX ВЕКА И УВИДЕТЬ «ЖИВЫЕ» СТЕРЕОФОТОГРАФИИ ТОГО ВРЕМЕНИ – ВСЕ ЭТО МОЖНО СДЕЛАТЬ В ТЕХНИЧЕСКОМ МУЗЕЕ НИЖНЕГО НОВГОРОДА. ЗДЕСЬ В БУКВАЛЬНОМ СМЫСЛЕ МОЖНО ПРИКОСНУТЬСЯ К РАЗНЫМ ОБРАЗЦАМ ТЕХНИКИ ПРОШЛОГО – ОТ ДЕРЕВЯННЫХ ВЕЛОСИПЕДОВ ДО МИКРОМЕТРА, ИЗМЕРЯЮЩЕГО С ТОЧНОСТЬЮ ДО 0,01 МИЛЛИМЕТРА.

В ОТЛИЧИЕ ОТ ВСЕГО здания, напоминающее советский провинциальный ЦУМ, вход в Технический музей будто из другой эпохи. 200-летние кованые врата из Городца и чугунный пол, украшенный надписью «1819-го года» и коловоротами на стыках чугунных плит. Здесь нас ждут тысячи старинных экспонатов разных времен. Вячеслав Викторович Хуртинг собирал коллекцию музея 25 лет.

Поначалу все хорили в гараже. Когда количество экспонатов перевалило за пять сотен, начал проводить выставки. На одной из выставок побывали сотрудники Московского политехнического музея и заявили, что подобной коллекции нет нигде в России. Тогда-то Хуртинг и решил, что нужно открывать музей. Сейчас в экспозиции выставлено более 2 тысяч экспонатов на любой вкус – каждый может найти себе предмет по душе и взять его в руки.

МЕЖДУ ЧЕЛОВЕКОМ И ТЕХНИКОЙ

«Изначально была идея познакомить современников с техническим гением мастеров прошлых веков, – рассказывает Вячеслав Викторович. – Многие из них опережали свою эпоху. Создавали инструменты и станки, не уступающие в точности современным образцам. История инструмента – это яркая иллюстрация того, как развивалась инженерная мысль. Сейчас между человеком и техникой стоит цифровая электроника, мы все меньше думаем

Вячеслав Хуртинг – увлеченный изобретатель нашего времени

Миниатюрный циркуль – изящная работа мастера начала XIX века

точностью до 0,01 миллиметра. Разводные губки микрометра сделаны из латуни, а, чтобы края губок при многократном измерении не сминались и не давали погрешности, на кончиках вставлен сапфировый камень. Такая же филигранная работа вот этот маленький циркуль. Ему 200 лет, а все соединения сделаны настолько тонко и точно, что и современного ювелира озадачат».

ОТ «ЦИКИ» ДО СТЕРЕОСКОПА

При входе в музей невозможно миновать небольшой красный ящик с надписью: «Нижний Новгородъ». В стереоскопе – так называется ноу-хау позапрошлого века – собраны фотографии Нижнего конца XIX века, как бы сейчас сказали, в 3D-формате. Интересно, как реагировали современники стереоскопа на такую картинку, если и сейчас хочется крикнуть: они живые! Люди на высоком берегу Волги, кремль, дома, храмы. Впрочем, что видели в стереоскопе сто лет назад, напрямую зависело от мастера. Вячеслав Хуртинг, чтобы добиться такой реальности объема, оптику настраивал сам. Можно даже сказать, создал сам. Разобрал три старинных бинокля, выбирал нужные линзы, негодные в стереоскопе заменил, правил оси фотографий – для объемного эффекта каждый снимок делался двумя камерами с некоторым смещением. Хуртинг в некотором смысле сам является героем музея – своего рода современный Кулибин, которому под силу разобраться, починить и даже сочинить сложнейшие механизмы. Таков девиз

головой, удаляемся от технического мастерства.
Первый предмет коллекции – штангенциркуль, который я купил на блошином рынке Нижнего. Старинный инструмент все больше увлекал меня, каждые выходные я посещал этот рынок, приобретал понравившиеся предметы, ездил на Измайловский рынок в Москву, собирая каталоги старинной техники, изучал, что существовало в разные века. Как оказалось, почти все нынешние механические инструменты существуют в превосходном исполнении уже не один век. Создавали их гениальные мастера, в нашей стране это Иван Кулибин и Терентий Волосков, например. Большинство мастеров остались неизвестными – об их таланте мы можем судить лишь по оставшимся от них инструментам и изделиям. Иногда по описаниям в текстах. Например, в книге «Странствия по мастерским Германа Вагнера и его молодых друзей» рассказывается о лейтенанте Лео Проннере из Нюриберга, который на досуге мастерил невероятные вещи. Сделал, к примеру, перочинный ножик в рукоятке которого помещалось 13 ящиков из слоновой кости. На внутренней

крышечке рукоятки он нарисовал календарь на 1606 год и исписал ее молитвами на 21 языке! В своих микроскопических работах он использовал даже детский волос, пробуравливая его в нужных местах. Проннер умер в 1630 году, в 80-летнем возрасте, сохранив работоспособность и остроту зрения...
А теперь посмотрим на экспонаты музея. Вот, вроде бы вещь незаметная – небольшой круглый прибор. Это микрометр середины XIX века – образец сверточных измерений прошлого. Данный инструмент работает с

Чтобы посмотреть стереофотографии, нужно опустить монету в 10 рублей и крутить ручку смены фотографий

ИЗЛЮЧИЧНОГО АРХИВА ВЯЧЕСЛАВА ХУРТИНА

Виктор Гурьевич Хуртин испытывает «Цику». 1981 год

музея: все починить и продемонстрировать в работе, а если невозможно починить – сочинить механизм самому.

Вячеслав Викторович – Кулибин во втором поколении. Его отец, Виктор Гурьевич Хуртин, был исключительно талантливым механиком. Он почти полвека отработал на различных заводах, был отмечен орденом Ленина и орденом Трудового Красного Знамени. «Отец оставался механиком до мозга костей всю жизнь, – вспоминает Вячеслав Хуртин. – Уже перед смертью, когда он лежал разбитый инсультом, я вложил ему в руку штангенциркуль. И его глаза вспыхнули – как они горели у него во время работы, в моменты изобретательских озарений.

Свою страсть к технике отец передал и мне. Когда я учился в пятом классе, он отдал мне металлический гараж со всем инструментом. Сам он купил машину и перебрался в большой каменный гараж. И пока я учился в школе, все свободное время проводил в этом гараже. Зимой мастерили под домом в подвале, где тоже было много разного инструмента. Мы с друзьями занимались конструированием, пилили, сверлили, старались что-то изобрести. Детали для механизмов выписывали на свалке чермета. Мы сделали дельтаплан, акваланг, поставили на колеса два мотоцикла, у нас были две лодки и шесть моторов, водные лыжи. Перед окончанием школы мастерили автомобиль, который назвали «Цика». Базой

Настольный роликовый орган, произведенный в США в 1889 году

для него послужил трехколесный автомобиль для инвалидов. Эта машина показала себя крайне неустойчивой на дороге, переворачивалась, и ее быстро сняли с производства. У «инвалидки» был мотоциклетный руль и одна фара – отсюда и «цика», ласкательно-женское от «циклога». Неудачную «инвалидку» мы превратили в надежного четырехколесного коня. Впоследствии мы все связали свою жизнь с техникой, хотя и разъехались по разным городам и странам».

Керженский ботник достался Хуртину от наследников запасливого рыбака, хранившего резервную лодку на чердаке

КЕРЖЕНСКИЙ БОТНИК И «ПЕРСИДСКАЯ» ШКАТУЛКА

Кажется, эти названия географически и культурно бесконечно далеки друг от друга. В Техническом музее – они соседи. Керженский ботник – изящная деревянная лодка, найденная в одной из деревень Керженского района Нижегородской области. Такие легкие и маневренные ботники были широко распространены по всему нижегородскому Заволжью. Этот экземпляр примечателен тем, что за свои сто лет ни разу не был на воде. Хозяин ботника в свое время заказал мастеру четыре такие лодки. Три лодки изъездил, а эта осталась на чердаке в идеальной сохранности. Мастер был хороший, лодку сделал превосходно – она везде имеет одинаковую толщину и до сих пор нигде не рассохлась и не треснула. Сделать такой ботник – целая наука. Нужно срубить огромную осину зимой во время минимального сокодвижения, выдолбить лодку, весной замочить ее и выгнуть нужным образом. Таких умельцев сейчас почти не осталось.

«Здесь – новая экспозиция, «Забытые кустарные промыслы Нижегородской губернии», –

рассказывает Вячеслав Викторович. – Местная неплодородная почва издавна вынуждала нижегородцев заниматься промыслами. Так родились хохломская и городецкая роспись. Павлово славилось на всю Россию замками, Лысково – замками и сейфами. Вот, например, так называемая «персидская» шкатулка 1886 года. Буквы «ИСЛИГ» на ней означают «Из села Лысково Ивана Гурьянова». Шкатулки делали несколько мастеров, и у каждого были свои секреты. Первый навесной замок я сниму, попробуйте дальше открыть крышку шкатулки...».

Мы с фотографом Александром Бурым тщетно пытались открыть, казалось бы, открытый тяжелый кованый сундучок – именно такое ему больше подходит название, а не шкатулка. Напоминало представление басню Крылова «Ларчик»:

Потел, потел; но, наконец, устал,
От Ларчика отстал
И, как открыть его,
никак не догадался.

Впрочем, одну потайную кнопочку на «ларце» мы нашли, но

она оказалась отвлекающей пустышкой, и напрасно мы на нее налегали.

Вячеслав Викторович нажал на другую кнопочку, замаскированную под болтик, и поднял петлю навесного замка. А там – замок внутренний. Если просто так, даже имея подходящий ключ, поворачивать его в замке, сработает «сигнализация» – звонки высокого тона, которые было слышно по всему дому. При этом ключ просто проворачивается, замок не открывается. Еще одна потайная кнопка – «ларчик» открыт. А затем еще один секрет –

Токарный станок
по дереву
с ножным
приводом.
Начало XX века

«Персидская»
шкатулка
1886 года.
Интересно,
сохранились ли
такие шкатулки
в Иране?

и открывается двойное дно, предназначенное для хранения особых ценностей.

«Персидскими» эти шкатулки прозвали из-за большой популярности в Персии – туда они отправлялись прямиком с Нижегородской ярмарки. Отделявали их на разные кошельки и вкусы. «Подобные шкатулки имеются в некоторых музеях России», – рассказывает Вячеслав Хуртин, – но нигде я не видел исправной. Мой экземпляр также был сломан: не разгадав секретов, предыдущий хозяин вскрыл шкатулку ломом. На восстановление ушло много сил и времени, но оно того стоит. Посетителей просто завораживает возможность испытать старинные секреты. Вообще, попробовать экспонат в действии – это характерная особенность нашего музея. Особенно это важно для людей с ограниченными возможностями. Сейчас мы налаживаем работы с незрячими. Они ходят по залу часами, трогают предметы – для них это особый опыт познания мира».

КАК ГРИБЫ ПОСЛЕ ДОЖДЯ

«Я не могу всего знать о всех технических приспособлениях прошлого, – продолжает Вячеслав Викторович, – с непонятными предметами обращаюсь к экспертам. А иногда посетители помогают разобраться с экспонатами. Вот, например, зерновая пурка. Я знал, что она служила мерой зерна – но как разобраться с ее металлическими колбами, ножами, совочком, непонятной металлической «шайбой»? Повезло, что зашел в музей бывший мастер по ремонту весов на мельнице. Объяснил, показал: как мерный стакан заполнить, выдавить воздух «шайбой», ножом отсечь меру зерна. Качество зерна определяли прежде всего по весу – для того столько приспособлений, чтобы взять точный объем. Без такой пурки зерно на базаре не покупали».

Всевозможные старинные деревянные станки – особая тема музея, такого собрания точно больше нигде не увидишь. От монструозной шерстобитки для

Шерстобитка, как и мельница, была одна на несколько деревень. Крестьяне привозили к шерстобитке разбивать и расчесывать шерсть для пряжи

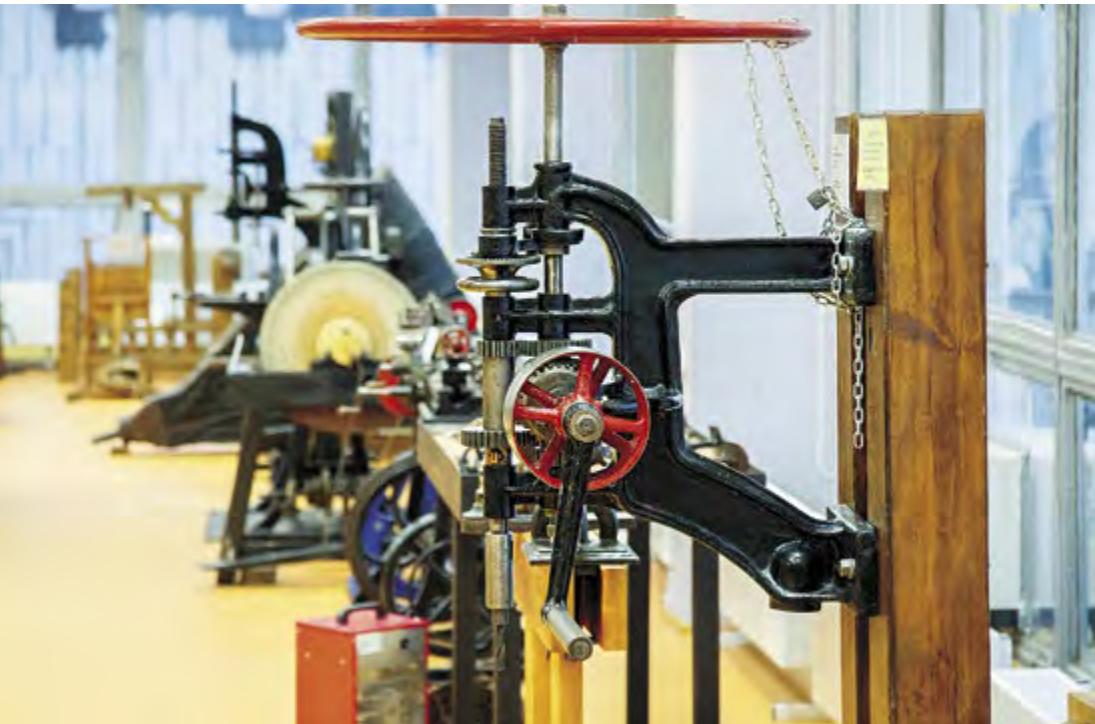
прочесывания шерсти до элегантного лобзика Cricket с ножным приводом. Есть столярный верстак, у которого все приспособления с деревянной резьбой. Видимо, у хозяина не было средств заказать кованые изделия, и он сам вырезал под себя инструмент. Дубовая циркулярка-фрезеровка 1885 года похожа на ремесленный орган – рабо-

тать на ней нужно одновременно и руками, и ногами.

«Станки я собирал по самым разным местам, – вспоминает Хуртин, – искал по закромам заводов, иногда у горожан находил – станок хранили как память о мастеровом прадеде. Бывало, копаешься в куче барахла в гараже и вдруг из-под мусора как гриб после дождя – станок.

Отечественный токарный станок по дереву. Конец XIX века

Сейчас такие вещи приличных денег стоят и почти все пристройены. А двадцать лет назад я охотился за экспонатами по деревням. Садился в машину и ехал, стараясь что-то найти. И что ни станок – целая история. Вот за этим сверлильным станком мы ехали в январе в тридцатиградусный мороз. В полях заплутали. Потом по лесной дороге пробирались по колеям лесовозов. Въезжаем в деревню – там в снегу лежит старик. Он был в крови, руки обмерзшие. Мы его в машине отогревли, дедушка рассказал, где живет. Привезли его домой, там хозяйка в слезах причитает: куда делься дед? Получается, не поехали бы мы за станком, человек бы погиб».

В башенных часах 1829 года можно разглядеть все «внутренности» – множество идеально выкованных шестеренок, подогнанных с ювелирной точностью. Хозяину музея часы достались в виде груды металломолома – разбирался что к чему и добавлял недостающие детали он самостоятельно. Работают часы исправно – отбивают каждые 15 минут и каждый час.

«Эти башенные часы сделаны немцами, – объясняет Вячеслав Хуртин. – У нас с часами не

очень дружили. Вплоть до конца XIX века почти все часы делали из импортных комплектующих. А в XVIII веке даже ремонтировать часы могли единицы. Поэтому Кулибин и прославился в том числе как часовых дел мастер. У меня была мечта найти механизм, к которому приложил руку Иван Кулибин. И я считаю, что нашел. Вот эти часы с одной только часовой стрелкой служили в Нижнем Новгороде во времена Кулибина. Быть может, ими занимался наш великий «часовщик».

В музее можно прикоснуться ко всем основным станкам, используемым в мастерских XVIII–XIX веков. Так выглядит сверлильный станок

Нижегородские часы второй половины XVIII века имеют только часовую стрелку. Возможно, к ним прикасалась рука Ивана Петровича Кулибина

ВЕЛОСИПЕДЫ И МАШИНКА С «ТУРЕЦКИМ АКЦЕНТОМ»

Есть в коллекции Технического музея разнообразные кареты, экипажи, пролетки и приспособления для них: например, каретные лыжи, которые ставили на зиму вместо колес. Некоторые экземпляры местные. Нижегородские каретные мастера сделали и первый местный велосипед. В конце XIX века заводские велосипеды стоили дорого, и нижегородцы смекнули, как сделать более доступный вариант. С некоего эталонного образца они все воспроизвели сами: только надувные покрышки и цепь использовали заводские. Поражает, конечно, как мастера сделали деревянные ободья – в один стык, и он почти не восьмерит. Велосипед уникальный, Хуртин нашел его у одного московского коллекционера. «Переманивал» экспонат к себе два года.

Среди других велосипедов выделяются детский деревянный, велосипед на металлических шинах, велосипед-«паук» «пенни-фартинг» 1879 года. «Паук» стал первым велосипедом, появившимся в Нижнем Новгороде. Его владельцем был банкир Смирнов. Сохранилась фотография банкира в котелке и сапогах на таком велосипеде. Ездить, правда, на нем было неудобно и опасно: огромное переднее колесо и маленькое заднее создавали неустойчивость и велосипедист рисковал опрокинуться на всякой ямке или бугорке.

«А вот с этим экспонатом пришлось повозиться больше всего. – Вячеслав Викторович показывает печатную машинку 1910 года. – Она была совершенно ржавая, тысячи мелких деталей – все в ржавчине. Восемь месяцев потратил, чтобы ее восстановить и заставить печатать. Одолел ее волей, но решил, что больше никогда с машинками не свяжуся».

Печатные машинки, пожалуй, единственная техника, в сторону которой Хуртин больше не смотрит. Но данный экземпляр

У Ильфа и Петрова действительно была такая машинка «Адлер», купленная на рынке в 1931 году

стоил трудов. Это редчайшая машинка «Адлер» с кириллицей, подобная фигурирует в романе «Золотой теленок». В книге машинка была куплена на базаре для нужд фирмы «Рога и копыта». При этом у нее отсутствовала буква «е» – вместо нее приходилось использовать «э». Остап Бендер говорил, что у машинки «турецкий акцент».

«Особенно интересно, когда посетители узнают в экспонатах «старых знакомых», – продолжает Вячеслав Хуртин. – Вот это – зубосверлильная машина конца XIX века. Как выяснилось, подобные машины у нас использовались до 1940-х годов – это посетители рассказывают. Стоматологический кабинет, конечно, вызывает не самые приятные воспоминания. А один дедушка, увидев эту машину, затрясся от ужаса. Вспоминал, как в школе врач, примотав его к стулу, очень сильно сверлил зубы подобной установкой. Хотя боры в те времена делали очень хорошие, сложность была в том, чтобы раскрутить машину до 10 тысяч оборотов в минуту. Врач работал в одиночку: и зубы сверлил, и жал на педаль, чтобы разогнать машину. Если врач уставал, скорость падала, сверление становилось особенно болезненным».

Первый нижегородский велосипед – детище каретных мастеров

Зубосверлильная машина требовала от врача особых навыков: сверлить и одновременно раскручивать механизм ногой

ТЕЛЕГРАФ, ТЕЛЕФОН, ПАТЕФОН

Напоследок Вячеслав Викторович удивлял нас старинной музыкой. В самом деле переносишься на сто лет назад, когда вживую звучит патефон, граммофон или фонограф. Ролико-

вой орган переносит, скорее, в деревню – звук похож на русскую гармонь! На фонографе, кстати, можно и голос записать, как это делал Лев Толстой. Резак работает, нужны только виниловые валики – в Великобритании их до сих пор выпускают небольшими партиями.

Музыкальная шкатулка 1770 года пока восстановлению не поддается. Тысячи иголочек должны быть расположены на валу с ювелирной точностью. Каждая иголка обязана точно попасть на колосок, получившийся голос подстроен с помощью свинцовой пластины. При этом в иголочках заложена не одна, а 12 мелодий, меняющихся при небольшом смещении вала. Да и как закрепить на валу сломанные иголочки диаметром 0,3 миллиметра?

Два телеграфа 1885 года подключены друг к другу и готовы к работе. Можно передать настоящую телеграмму позапрошлого века! Для желающих попробовать тут же находится и азбука Морзе.

Скоро здесь будет и другой способ связи – по телефону. Две старинные телефонные будки в разных концах музея уже наготове. Установить коммутатор,

настроить локальную сеть – и можно будет звонить из будки в будку. Современные дети, как убедился Хуртин, уже не понимают, как пользоваться дисковым телефоном – жмут в отверстия диска как на кнопки. В одной из будок стоит таксофон, произведенный в Калуге в 1931 году. Исключительная вещь, неизвестно, сохранился ли хоть еще один такой аппарат. Вячеславу Викторовичу достал-

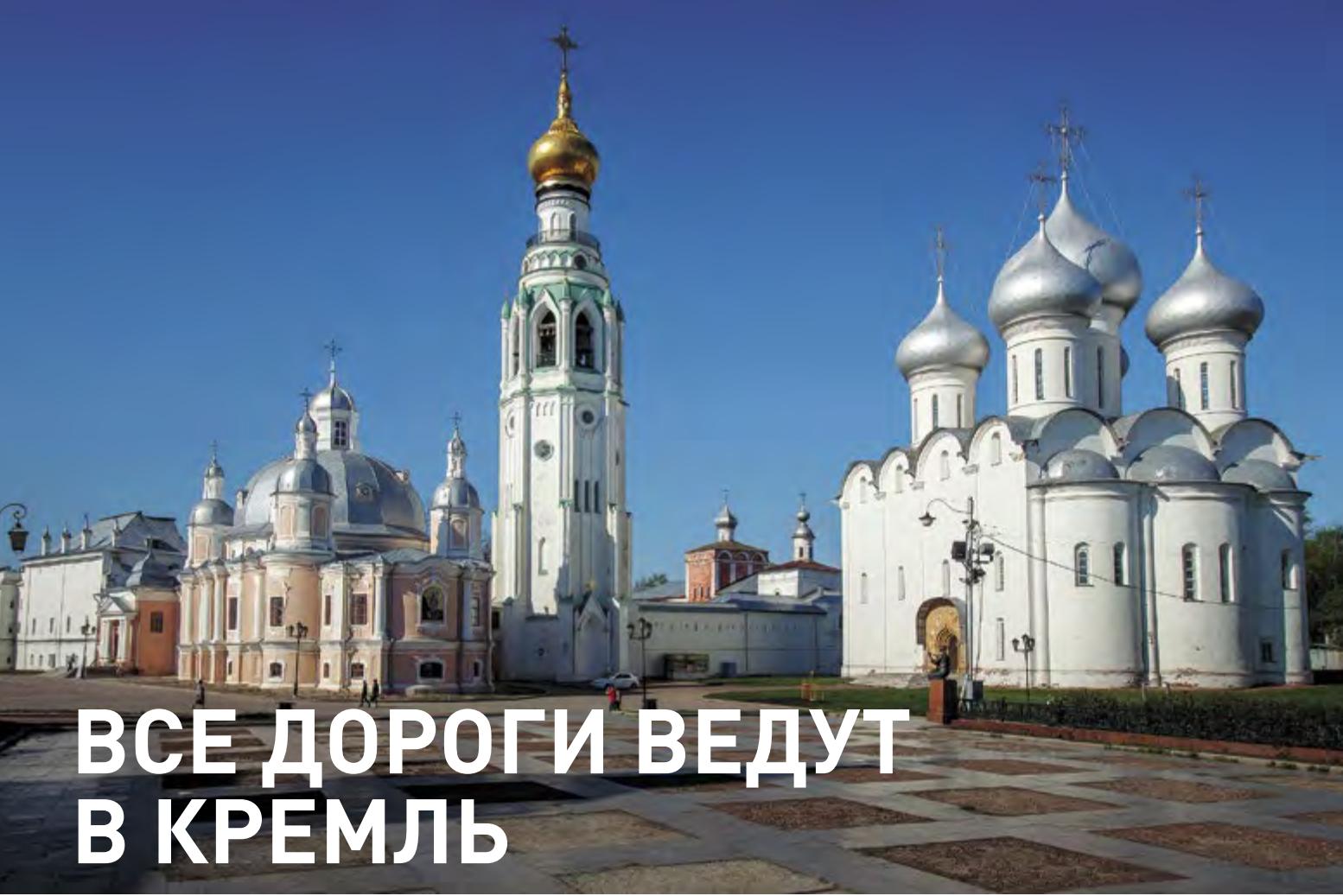
ся только пустой корпус. Все внутренние механизмы он придумал сам и сам сделал – посмотреть устройство другого такого же таксона не было возможности. Только через несколько лет конструктор нашел схему калужского таксона в книге. В оригинале весь механизм перевернут с ног на голову в сравнении с тем, что сделал Хуртин. Расположение не так уж важно – таксофон работает исправно...

Скафандры в музее тоже разнообразные – от старинного водолазного до советского космического

Вячеслав Викторович не любит называть свой музей частным. Ничего частного – все принадлежит техническому гению человечества. Хотя до 2016 года Хуртин содержал музей только на свои средства, платил немалую арендную плату за помещение. «Я обращался к чиновникам с просьбой о льготах, – вспоминает создатель музея, – освобождении от арендной платы. Мне ответили: даже не мечтай. Но вот мечта сбылась. Сначала музей перешел под опеку государства, став филиалом Нижегородского музея-заповедника. А сейчас нам передают все помещения третьего этажа. Для меня музей больше чем хобби – дело жизни, которое хотелось бы оставить родному городу». Заполнить экспонатами весь этаж возможность есть – в запасниках хранится еще несколько тысяч предметов. Кажется, развиваться музей может бесконечно. Ведь Вячеслав Хуртин продолжает заниматься техникой и изобретениями в музее и в жизни. Между этим человеком и техникой ничего не стоит. ●

Один мальчик из Москвы впервые в музее узнал, что такое сверло. И так увлекся техникой, что стал приходить с отцом в музей каждый день. Вячеслав Хуртин надеется, что его детище поможет кому-то сделать выбор в пользу техники

ВСЕ ДОРОГИ ВЕДУТ В КРЕМЛЬ

АВТОР

СЕРГЕЙ ВИНОГРАДОВ

ФОТО

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

ВОЛОГОДСКИЙ КРЕМЛЬ, СТРОГО ГОВОРЯ, НИКАКОЙ НЕ КРЕМЛЬ. ЭТО МНОГОФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС, ЗАЛОЖЕННЫЙ ПО ПРИКАЗУ ИВАНА ГРОЗНОГО В 1567 ГОДУ КАК КРЕПОСТЬ. АРХИЕПИСКОПЫ РАЗНЫХ ВЕКОВ СТРОИЛИ И ПЕРЕСТРАИВАЛИ ЕГО ПОД СОБСТВЕННЫЕ ЖЕЛАНИЯ И НУЖДЫ МЕСТНОГО НАСЕЛЕНИЯ. В СТЕНАХ КРЕМЛЯ РАСПОЛАГАЛИСЬ ПАЛАТЫ, АРХИВЫ, КАЗНА, БУХГАЛТЕРИЯ, СЕМИНАРИЯ, ПРИСУТСТВЕННЫЕ МЕСТА. САМОЕ СТАРОЕ КАМЕННОЕ ЗДАНИЕ ВОЛОГДЫ – В КРЕМЛЕ, И САМОЕ ВЫСОКОЕ В ИСТОРИЧЕСКОМ ЦЕНТРЕ – ТАМ ЖЕ.

ЭТА ИСТОРИЧЕСКАЯ И современная мешаница сохранилась в кремле по сей день. Переделанные из монастырских келий музейные залы средневековой иконы соседствуют с этнографическими прялками и нарядами, библиотека работает в бывших конюшнях, а черепа доисторических животных соседствуют с чучелами лисиц и волков. Гардеробщица расскажет посетителю, где найти крест, которым благословили Ивана Грозного перед походом на Казань, где трапезничал Петр I и к какому столбу на входе привязать сан-

ки, если вы пришли сюда после того, как прокатились по снежной горке от стен кремля на замерзшую реку Вологду. Вся эта замечательная пестрота может удивить поклонников классических монастырских построек. Но в Вологде она оправдывается тем, что кремль много столетий остается центром города. На одном пятаке существуют верующие, туристы, молодежь и пожилые, совершающие променад по главной набережной, где теснятся торговые лавки, гостиницы, аттракционы. Все дороги в Вологде ведут в кремль.

ВИД ИЗ ПРЯНИЧНОГО ДОМИКА

Посреди кремлевской территории стоит резная избушка небесного цвета – этакий пряничный домик. Именно к нему первым делом бегут дети и свадебные фотографы. Под окнами и на резном крылечке фотографируются туристы, а в жаркий день, когда форточки открыты, внутри сотрудники слышат признания в любви и предложения руки и сердца. Пряничный домик занимают генеральный директор Вологодского музея-заповедника Юлия Евсеева и члены ее команды. Тут тесновато, но мило.

«Это единственное деревянное строение на территории Вологодского кремля, – объясняет нам Юлия Евсеева. – Домик был

Директор музея-заповедника Юлия Евсеева приходила в кремль еще в детстве

Кремль – центральный объект Вологодского музея-заповедника, здесь располагаются основные коллекции

построен в 1909 году, неоднократно изменялся и поновлялся, в разное время здесь находились разные службы музея. После ремонта сюда была переведена администрация».

Небольшой уютный домик был построен здесь одним из вологодских архиереев. По легенде, строение играло роль архиерейской летней резиденции. «И это прекрасно можно понять, – говорит директор. – Толщина стен сохранившихся на территории каменных строений составляет около полутора метров и более. И до централизованного отопления помещения приходилось подтапливать, потому что здания быстро выступали. Поэтому этот домик построили для комфорта на месте бывшего пруда, где разводили карасей для архиерейского стола».

Во время нашей прогулки по музею об этом говорили и другие сотрудники, размещенные в кельях без окон без дверей: через толстые стены не только солнце, но даже Интернет не пробивается, зато тепло уходит слишком быстро.

Ансамбль современного Вологодского кремля это здания бывшего архиерейского подворья, переданные в ведение

музея в 1923 году. «Со стороны может показаться, что это – единый комплекс, но все объекты – а их около двадцати – разделены, включая Софийский собор и колокольню, которые тоже относятся к этому ансамблю, – говорит Юлия Евсеева. – Ранее те строения, которые мы видим в камне, были деревянными и находились внутри большой воло-

У старинных стен кремля проходят спектакли театрального фестиваля «Голоса истории»

годской крепости, заложенной по велению Ивана Грозного. Но время сделало свое дело: последние остатки крепости разобрали в 1820-х годах». Готика, барокко, узорочье – в Вологодском кремле есть все.

Не все объекты кремля открыты для посетителей, некоторые законсервированы и недоступны даже для сотрудников. Это касается старейших построек подворья середины XVII века – Экономического и Безымянного корпусов. «Их начали реставрировать, но, к сожалению, в 2008 году финансирование было свернуто, и дальнейшая реставрация не проводилась, – говорит директор. – Ранее там располагались коллекции музея. Мы ведем переговоры с Министерством культуры о программе реставрации кремлей России. И Вологодский кремль, который не сразу получил это гордое название, может войти в эту программу. Документы в министерство мы направили».

Планы заполнения отреставрированных корпусов уже есть: сотрудники музея хотят разместить там открытые фонды редкой рукописной книги, скульптуры и керамики. Иными словами, помещения готовят для самых ценных экспонатов коллекции кремля. А она, без сомнения, впечатляет. Некоторые из раритетов сегодня не выставляются в ожидании подходящего помещения большого объема и соответствующего качества.

Территория кремля невелика, и прогулка по его уличной части много времени не займет. Летом это пространство оживает благодаря перформансам и массовым мероприятиям. Международный театральный фестиваль «Голоса истории» за два десятка лет существования привел в Вологду ведущие театры России и Европы. На фоне старинных стен и арок – в кремле сохраняются для представлений два дворика – без декораций, а зачастую и микрофонов, произносили свои монологи, кажется, все русские монархи, попавшие в драматургию.

КИРПИЧ ГРОЗНОГО И ДРЕЛЬ В СОБОРЕ

Часть Вологодского кремля и сейчас в лесах. Но шум дрели и других строительных работ не особо мешает экскурсоводам и туристам: по сути, активная реставрация и ремонт ведутся в подклети Воскресенского собора. В советское время в соборе многие десятилетия располагалась главная областная художественная галерея. Но в 2016 году собор был передан Русской православной церкви, после чего здесь и началась масштабная реставрация.

Воскресенский собор был построен в стиле барокко в 1772–1776 годах по приказу вологодского архиепископа Иосифа Золотого на месте разобранной юго-восточной башни подворья. На его возведение пошел камень разрушенной башни. В церковных источниках за собором закрепилась слава долгостроя, его не раз переделывали. Воскресенский собор строился как зимний, «теплый» храм близ «холодного» кафедрального Софийского собора. Местный архитектор Златицкий, строивший Воскресенский храм, явно не стремился состязаться в величии и масштабах со стоящим рядом Софийским собором.

К моменту освящения Воскресенского храма Софийский собор украшал Вологду уже около двухсот лет. Он и по сей день остается одним из главных символов города. История постройки вологодской Софии подробно описана историками. Однако туристам больше по душе предания, связанные с собором.

Легенда о том, что Иван Грозный планировал перенести в Вологду столицу государства, но кирпич, упавший на государя на стройке Софийского собора, якобы переменил планы владыки, живучая настолько, что в Вологде ее расскажут гостю и набор открыток в привокзальном киоске, и музейный экскурсовод. С одной лишь разницей: гид объяснит, что это – легенда, и присовокупит, что кирпич мог упасть рядом с царем или, согласно летописи, на большой палец ноги. Набо-

Софийский собор – символ Вологды, он поражает изнутри и снаружи. История храма связана с Иваном Грозным

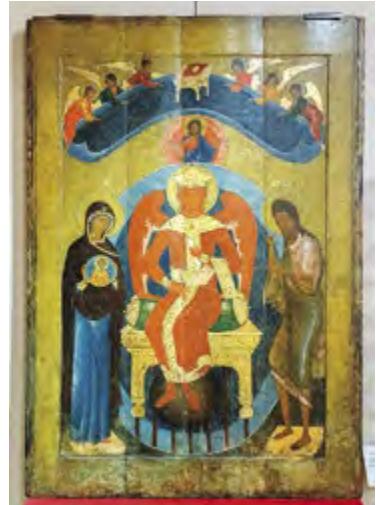
ры открыток и недорогие книги в мягких переплетах настаивают на том, что кирпич упал Грозному на голову.

Куда там упал кирпич и падал ли он вообще – точно неизвестно. Зато многие историки уверены в том, что царь приказал собор разобрать, но вологодские протоиереи то ли из своеолия, то ли в силу принципа «до Москвы далеко, до царя высоко» приказ не исполнили. «Можете себе представить, какое величие внушал вологжанам собор на фоне деревянных строений той эпохи, – говорит Юлия Евсеева. – Возможно, поэтому они и не решились выполнить царский приказ. Но был ли он?»

За свою историю Софийский собор пережил немало ремонтов, в основном по причине серьезных пожаров. Он и внутри «полыхает»: всю западную стену традиционно покрывает фреска «Страшный суд», которая, кстати, считается крупнейшей на этот сюжет в России. Северная и южная стены расписаны евангельскими темами, столпы увенчаны изображениями мучеников и благоверных князей. Расписывали собор ярославские мастера под руководством Дмитрия Плеханова. Работа началась в июле 1686 года и продолжалась два года. Из-за постоянных ремонтов и реставраций в Вологде выросли

Фреска «Страшный суд», написанная ярославскими мастерами в конце XVII века, считается крупнейшей на этот сюжет в России

В музее можно увидеть иконы с XIV века

МАСТЕРА И ГЕРОИ

О коллекции музея-заповедника, выставленной в витринах музеиных залов, следует сказать особо. Она насчитывает более 400 единиц хранения, которые собирались с момента открытия первого городского музея в 1885 году. Самые старинные экспонаты, иконы и рукописные книги, относятся к XIV веку. По ним можно проследить, как средневековая Вологда, испытывающая административное и культурное влияние Новгорода, Ростова, Твери и Москвы (до 1492 года вологодские приходы находились под совместным управлением новгородского архиепископа и московского митрополита. – Прим. авт.), постепенно обретает собственное лицо, своих святых, мастеров и школу.

Древнейший памятник вологодского собрания – икона «Богоматерь Умиление», датируемая первой половиной XIV века. Обычно эту икону называют «Богоматерь Умиление Подкубенская», поскольку она происходит из Воскресенской церкви, стоявшей не подалеку от села Кубенское. Невозможно не заметить и икону «Святая Троица», датируемую концом XIV века. По преданию, она была написана святителем Стефаном Пермским для Троицкой церкви села Вожема Вологодской губернии. Икона известна как «Зырянская», поскольку

поколения жителей, не бывавших в Софийском соборе. Лишь после визита в Вологду Патриарха Московского и всея Руси Алексия II в 2007 году собор хоть и с перерывами, но открывался. Сопровождающая нас руководитель сектора развития Вологодского музея-заповедника Нина Смелкова, несколько лет назад выигравшая конкурс «Лучший гид России», торжественно распахивает массивную дверь. «Стулья представляете посреди Софийского собора? – улыбается она. – Именно сегодня мы решили провести здесь концерт камерной музыки, и помещение стало залом. Должно быть, это впервые за много-много десятилетий».

Пока вместо посетителей концерта на стульях отдыхают туристы – и отечественные, и иностранные. Отдыхают и несколько сотрудников музея: только что они проводили японскую группу, которая заказала большую экскурсию по Софийскому собору сразу с двумя переводчиками.

«Туристы Вологодского кремля серьезно поменялись за те тридцать с лишним лет, которые я здесь работаю, – рассказывает заведующая экскурсионно-про-

светительской деятельностью Вологодского музея-заповедника Лариса Гульнева. – Раньше в основном ехали большими группами, сейчас много «одиночек» и самостоятельных туристов. Едут семьями, с друзьями. Люди знают, куда едут, ищут интересное, много читают. Востребованы интерактив, квесты, аудио и видео, исторические костюмы. Само слово «экскурсия» уходит в прошлое, ему на смену пришли программы. Современный гость хочет непременно все потрогать руками, мы даже создали фонд предметов, которые можно давать в руки. И знаете, когда дашь экспонат, ребенок поневоле телефон в карман спрячет. А то беда с этими телефонами».

Этнографическая коллекция, выставленная в кремле, гордость музея-заповедника

По словам
Ларисы
Гульневой,
за тридцать лет
посетители
кремля сильно
изменились

Киликийский крест, по преданию, принес в вологодские земли Димитрий Прилуцкий

содержит текст на зырянском (permском) языке – важная деталь для понимания ранней духовной жизни Русского Севера. Многие посетители буквально залипают возле большой житийной иконы преподобного Павла Обнорского, своеобразного воплощения вологодского Ильи Муромца. Москвич по рождению, он постригся в Троицком монастыре под наставничеством преподобного Сергия Радонежского и по его примеру пятнадцать лет вел безмолвную отшельническую жизнь. Павел прожил три года в вологодских Комельских лесах, спасаясь от суровых северных зим в дупле старой липы. По преданию, он обладал невероятной физической силой, носил на плечах бревна, выстроил храм, скончался в 112 лет и был причислен к лику святых в 1547 году.

Имеются в вологодском собрании и иконы, написанные известным мастером Дионисием, расписавшим знаменитый собор в селе Ферапонтово, что в сотне километров от Вологды. Здесь же икона, ставшая символом Вологодской епархии: «София Премудрость Слова Божия». Огнеликую Софию, украшавшую вологодский Софийский собор, написа-

Лестницу на колокольню Софийского собора в последние годы отремонтировали и сделали более удобной

ли в 1618 году мастера Ждан Дементьев и Василий Новгородец. Одним из центральных экспонатов коллекции считается большой запрестольный крест, получивший название «Киликийский» («Киликийский»). По преданию, этот крест попал на Русь из Киликии (Малая Азия), а в XIV веке был принесен в вологодские земли преподобным Димитрием Прилуцким. Впрочем, позднее ученые датировали его первой половиной XVI века. Предполагают, что деревянный крест, обложенный медной золоченой басмой, был передан в дар Спасо-Прилуцкому монастырю Василием III или его сыном Иваном IV. Согласно летописи, этот крест игумен Арсений носил в Москву в 1552 году для моления перед Казанским походом Грозного.

Колокольню запирают на станичный замок, такой ключ в кармане не спрячешь

КОЛОКОЛЬНЯ КОРМИТ

Побывать в Вологодском кремле и не взобраться на колокольню – не простительная ошибка. Это самое высокое культовое строение Вологодской епархии. Колокольня, на которой сегодня можно насчитать 22 колокола, неоднократно перестраивалась, пока наконец в XIX веке не приобрела свой нынешний вид и высоту: псевдоготическая «стрела» достигает 78,5 метра. Наверх ведут около 300 ступеней, в музее не скрывают, что экскурсии на колокольню не водят, берегут ноги сотрудников. Но вот-вот будет готов аудиогид, который расскажет о том, что гость видит сверху. «Это наш самый посещаемый объект, колокольня нас кормит», – говорит Нина Смелкова. А видит турист сверху исторический центр, включая сеть нешироких, но живописных речушек и набережных, церквей и зданий старой постройки. И вологодская крепость, ныне не существующая, вырисовывается вполне, если знать, куда смотреть (см.: «Русский мир.ru» №12 за 2018 год, статья «Восставшая из пепла». – Прим. ред.). В паре сотен метров от кремля различим археологический раскоп, где несколько лет назад нашли первую вологодскую берестяную грамоту.

В этом году колокольня – юбиляр. Точнее, не она сама, а ее куранты, которым исполняется 150 лет. Часы изготовили на частные пожертвования в Москве на фабрике братьев Бутеноп, которые реставрировали куранты Московского Кремля и Петропавловского собора в Санкт-Петербурге. Не так давно сооружение претерпело капитальную реставрацию, в результате которой лестницы стали удобнее и шире, с площадками для отдыха. И главное: теперь можно видеть старый механизм. Технический «спектакль» разворачивается во время боя часов, то есть каждые четверть часа.

Большая удача застать у механизма мастера Валентина Королькова, который обслуживает часы более полувека. Между прочим, он – представитель династии: Корольковы работают часовыми мастерами еще с дореволюционных времен. Валентин поднимается сюда не реже двух раз в месяц, чтобы смазать и проверить механизм. А раз в десять лет часы встают на несколько дней. Горожане знают: Корольков поставил часы на промывку и полировку.

СВОЙ ПОВОРОТ

С воздуха снова ныряем под стариные своды кремля, соединенные переходами разной ширины и высоты. Здесь нужно быть вни-

Колокольня – самое высокое здание в историческом центре, с нее Старый город как на ладони

В этом году голос вологодской Софии – куранты – отмечает 150-летие. К юбилею механизм открыли для посетителей

мательным, иначе, зазевавшись, можно проверить крепость стен собственной головой.

Шагаем мимо выставок доисторических животных и древних людей, масштабной интерактивной экспозиции к 75-летию Победы в Великой Отечественной войне, керамики и народных костюмов.

Встреченные экскурсоводы рассказывают, что чаще всего посетители задают вопросы об утраченной библиотеке Ивана Грозного: мол, может, Либерея хранится в Вологде?

Помимо библиотеки Грозного на экскурсиях нередко заходит речь о том, кто из гостей откуда родом. Ведь под сводами кремля на протяжении столетий хранились документы обо всех, кто рождался и жил под сенью Вологодской епархии. Часть документов перенесена в городской архив, но крупный фонд письменных источников сохранился в музее-заповеднике. В городе до сих пор кремль воспринимают как место, откуда вышли все вологжане. А в Вологде, как рассказали нам в музее, сегодня царит настоящий бум составления родословных. Иногда случаются чудесные открытия. «Во время пандемии помогала знакомой найти предков, – рассказывает Нина Смелкова. – И в результате поисков узнала, что мой собственный предок-священник служил в 1760-х годах в церкви, руины которой видны из моей квартиры». Под конец пребывания в музее сталкиваемся с группой первокурсниц вологодского колледжа, которые обучаются по специальности «туризм». «Изучаем историю города, но стараемся искать такие повороты, чтобы было интересно показать гостям наш город и наш край», – говорит одна из девушек.

Свой «поворот» и свое место в русской истории Вологда ищет уже не одно столетие. И музей в Вологодском кремле в своем роде отражает эти поиски, привлекая горожан и туристов новыми программами и гостеприимством. Двери для гостей здесь всегда открыты. ●

СЕДАЯ СТЕПЬ

АВТОР

ЕВГЕНИЙ РЕЗЕПОВ

ФОТО

АНДРЕЯ СЕМАШКО

80 МИЛЛИОНОВ СЕМЯН КОВЫЛЯ ВЫСАДИЛИ СОТРУДНИКИ ГОСУДАРСТВЕННОГО МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА «КУЛИКОВО ПОЛЕ», МНОГО ЛЕТ ЗАНИМАЮЩИЕСЯ ВОССТАНОВЛЕНИЕМ СТЕПИ. СЕГОДНЯ ЭТО КРАСИВОЕ, НО НЕПРИГОДНОЕ В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ РАСТЕНИЕ СТАЛО РЕДКОСТЬЮ И ЗАНЕСЕНО В КРАСНУЮ КНИГУ РОССИИ.

«0

ПЯТЬ В ПОЛЕ
лошади! Нельзя
им в ковыль!» –
кричит Надежда

Николаевна Кружалова девушкам из конюшни музея, которые вывели лошадей на прогулку. Девушки не слышат. Ветер, гуляющий по степи и треплющий ковыль, уносит слова, они тонут в зелено-серых волнах. Так что зря старается Кружалова. Даже работающие в бригаде подруги ее не слышат, хотя догадываются, о чем кричит Надежда Николаевна: «Ковыль белый

уже, цветет! В нем колючки! Разве мало травы вокруг? Съест лошадь ковыль с колючими семенами, и все – не будет вечером животного!»

Бригада – слишком громко сказано: всего три женщины и один школьник. Сейчас они занимаются прополкой грядок коллекционного участка, где выращивают полевые растения, которые позже будут пересажены в ковыль. А после того, как ковыль отцветет, бригада будет собирать его семена. «Ковыль колючий, исколешься легко, – объясняет

Надежда Николаевна школьнику Олегу. – Даже перчатки не спасают. Попадет лошади в желудок – она погибнет. Ну, не мое дело», – ворчит Надежда Николаевна и, поправив цветастый платок на голове, возвращается к работе. Попрощавшись с бригадой, идем на конюшню. За нами увялались кобыла Венера, не поклевавшая скакать за бричкой, на которой увезли с поля очередных посетителей музея. «Хитрая Венера поняла, что можно пристроиться к случайным пешеходам и не спеша вернуться на

конюшню», – объясняет нам работающая здесь Надежда Кутузова. Венера – ее личная лошадь. Надежда привезла ее на новое место работы из Ярославля. Мы пересказываем Кутузовой опасения Кружаловой. «Семена еще не сформировались, – возражает Кутузова. – В них нет еще колючек. Даже если лошади съедят немного ковыля, ничего с ними не случится. К тому же лошади хорошо знают, какая трава съедобная, а какая – нет. У нас ни одна лошадь от ковыля не погибла. И овцы не погибали. И козы. А местные собаки вообще обожают «купаться» в ковыле».

В ПОИСКАХ КУЛИКОВА ПОЛЯ

В кафе музея букеты из ковыля красуются на подоконниках. Да и в кабинетах сотрудников они не редкость. Ковыль – своеобразный символ музея, здесь даже проводят творческий конкурс «Цветет ковыль». На цветение ковыля съезжаются немало гостей, часто привозят фотомоделей, чтобы провести фотосессию в степи. А посетители музея увозят ковыль с собой – на память. Это удивляет Надежду Николаевну Кружалову: в ее родном селе Монастырщино ковыль в домах не держат: говорят, плохая примета.

Хорошо верхом на лошади прогуляться по степи!

Жизни Ольги Буровой (слева) и Надежды Кружаловой объединил ковыль

Надежда Кутузова в примету не верит, букетики ковыля она даже своим родителям в Ярославль отвезла. «Каждый раз, когда выезжаем на лошадях в ковыль, я думаю: какой я счастливый человек! Такая красота! – делится Кутузова. В самом деле, какой ковыль без коней? Тем более на Куликовом поле? Помните, как у Александра Блока: «И вечный бой! Покой нам только снится // Сквозь кровь и пыль... // Летит, летит степная кобылица // И мнет ковыль...» Если вы процитируете в музее эти бессмертные строки из стихотворения «На поле Куликовом», то сотрудники обязательно сообщат вам, что дед поэта, ботаник Андрей Бекетов, подготовил статью о ковыле для «Энциклопедического словаря» Брокгауза и Ефрана. На Куликовом поле сегодня растут четыре вида ковыля: перистый, красивейший, волосовидный и узколистный. Без книги Андрея Наумова и Ольги Буровой «Тайны и загадки поля битвы. Современные историки и археологи о Куликовом поле» с ковылем здесь не разобраться. Из этой работы можно узнать, что при подготовке к юбилею Куликовской битвы в 1980 году историки пришли к выводу, что письменные источники не дают точного ответа на вопрос, где именно произошло само сражение. Тогда Государственный исторический музей разработал программу исследования формирования и развития ландшафта Куликова поля. Для проведения исследований пригласили сотрудников Института географии Академии наук СССР. Прибывших в Тульскую область ученых встретила равнина, усеянная распаханными полями. Первые комплексные исследования в устье Непрядвы (накануне битвы русское войско переправилось через Дон, неподалеку от слияния рек Дон и Непрядва, и расположилось лагерем на месте сегодняшнего села Монастырщино. – Прим. авт.) показали, что современный ландшафт Куликова поля далек от того, каким его видели русские воины, пришедшие на битву с Мамаем. Требовалось создать максималь-

РЕПОРТАЖ
КОВЫЛЬ В МУЗЕЕ «КУЛИКОВО ПОЛЕ»

но достоверную реконструкцию природного облика местности. Какой она была? Ответ на этот вопрос могла дать палеогеография. Под руководством ведущего научного сотрудника Института географии, геоморфолога Майи Павловны Гласко, в разных точках Куликового поля заложили более 10 опорных разрезов. С этого началось создание карты распространения лесов в XII–XIV веках севернее слияния Дона и Непрядвы. Особое внимание ученых привлекло место предполагаемого места Мамаева побоища – между селом Монастырщино и Красным холмом, где, возможно, располагалась ставка Мамая. Реконструкция ландшафта места Куликовской битвы позволила представить, как выглядела тогда эта местность за Доном и Непрядвой.

ХОДИТЬ ПО КОВЫЛЮ

«Студенты копали шурфы, – вспоминает Ольга Бурова. – А мы отбирали и описывали образцы. Почвы долго хранят следы утраченных ландшафтов. Но вокруг уже давно были сельскохозяйственные угодья, так что определить, где были степные, а где лесные почвы, было очень сложно... В итоге место, где произошла Куликовская битва, обозначили палеогеографы. Когда была сделана карта реконструкции ландшафта, то стало понятно, как могли размещаться войска. Тогда археологи начали свои поиски, и появились находки времен битвы».

Мы идем по полю, любуясь ковылем. Кажется, будто до горизонта протянулось зеленое море, по которому бегут седые гребни волн. Ольга рассказывает, как преподавала в Тульском педагогическом университете, когда туда приехала Майя Павловна Гласко, чтобы набрать студентов и преподавателей, желающих принять участие в исследований на Куликовом поле. Ольга прибыла сюда на полевую практику вместе со студентами, познакомилась с заместителем директора музея-заповедника Андреем Николаевичем Наумовым. При-

Найти новых работников на ковыль сегодня невозможно

езжала работать каждый сезон в течение десяти лет. Занималась палеогеографическими реконструкциями и почвенной съемкой. А потом ее пригласили возглавить отдел природы музея-заповедника. Она оставила университет и вот уже 22-й год занимается в том числе восстановлением и сохранением степных участков ковыля. Работы по восстановлению ковыля на Куликовом поле были начаты под руководством геоботаника Владимира Ивановича Данилова, возродившего в свое время липецкий заповедник «Галичья гора».

Мы спрашиваем: а можно ли вообще ходить по занесенному в Красную книгу ковылю? «Не просто можно, а даже нужно, – отвечает Ольга Бурова. – Ковылю это полезно. Особенно хорошо, когда по ковылю скачут кони. Семена ковыля устроены наподобие гарпуна с зазубринами. Поэтому легко цепляются на шерсть животного. И благодаря этому разносятся по территории».

Ольга останавливается, осматривается вокруг. «Самые первые ковыли были высокие – с меня ростом, – объясняет она. – Но и нынешние – тоже порядочные!» Потом присаживается, раздвигает ковыль и показывает, что у этой травы нет центрального корня, у нее – дерновина: множество побегов.

«Понятно, что главный экспонат музея само Куликово поле, – продолжает Ольга. – В 1990-е годы это были заросшие бурьяном поля сельскохозяйственных угодий. Была задача восстановить их в том виде, в каком они находились в XIV веке. По восстановлению лесов есть отработанные программы в нашем государстве. А вот восстановлением степи никто не занимался. Мы оказались первыми».

Памятный крест от благодарных потомков

КОЛЮЧКИ ОТ НЕЧИСТОЙ СИЛЫ

Первые опыты были просты: сажали семена ковыля прямо на бывших сельскохозяйственных угодьях. Но ничего не получалось, ковыль забивали другие сорные растения. «Ковыль на первой стадии это маленькая тонкая иголочка, – объясняет Ольга. – Только на второй год он становится хорошей такой дерновинкой, которая уже плодоносит и выкидывает перья. Так вот на первой стадии ковыль забивался другими сорняками. И не рос».

Тогда Владимир Иванович Данилов придумал свой метод, который теперь называют широкорядным посевом ковыля. «Вот, посмотрите на горизонт! – говорит Ольга. – Видите, ковыль стоит ровно, рядочками? Это Данилов придумал грядки с ковылем. Мы готовим черную пашню и осенью сеем ковыль вручную. Один сеет, а другой идет следом и ногой подавливает землю. Весной всходит ковыль, дает первые иголочки. И чтобы он укрепился, мы берем тяпки и пропальываем ковыль три-четыре раза за сезон. А на следующую осень между

По преданию, на месте села Монастырщино русские воины хоронили погибших в битве товарищей. Не одну деревянную церковьозвели в честь престольного праздника Рождества Пресвятой Богородицы, прежде чем вырос каменный храм

грядками проходит трактор распашником и делает в междурядье борозды, в которые сеем семена степных трав». Для этих трав Владимир Иванович создал специальный коллекционный участок, на котором выращивается более 70 видов растений. Многие из них занесены в Красную книгу.

Вот в ковыле видны желтые брызги адониса. А это синеет дельфиниум... Вот белое пятно – это ветреница. Вон там горят цветы пиона тонколистного. И не подумаешь, что все это расажено специально. И над всем этим разнотравьем плавно качается седой ковыль. А при северном ветре от храма в честь Рождества Пресвятой Богородицы в Монастырщине сюда иногда доносится колокольный звон... Скашивают ковыль после того, как соберут семена. «Собирать семена не столько тяжелое, сколько нудное занятие, – говорит Ольга. – Вот – они уже есть, но еще зеленые, неспелые. Но здесь мощные ветра. Хуже всего, когда ветер уносит семена, они ведь легко выпадают, когда созревают. Семена ковыля мы собираем тоже вручную. Бывает, выберем участок, говорим: вот завтра отсюда начнем собирать. А ветер

все семена выдует». Дальше еще одна тяжелая «операция»: семена ковыля нужно очистить от остатков, которые здесь часто называют «колючками».

«Вы ты, Надя, зачем собираешь колючки?» – спрашивает Ольга Бурова у Надежды Кружаловой. «От чертей!» – смеется та в ответ. Это мы на обратном пути снова повстречались с бригадой. Когда-то бригада насчитывала более 20 человек. Но с тех пор, как в 2008 году закончились интенсивные работы по культивированию ковыля, число работников сократилось. Работа-то сезонная. А «колючки» местные жители вешают в сенях – «от нечистой силы».

Раньше Ольге Буровой не раз приходилось спорить с Надеждой Кружаловой. Та передавала жалобы жителей села Монастырщино на то, что семена ковыля попадают на огорода и забивают помидоры и огурцы. Ольга советовала чаще пропалывать огороды.

Когда сотрудники начали засаживать ковылем бывшие колхозные поля, отданые музею-заповеднику, то агроном Игорь Галкин, перешедший работать из колхоза в музей, ходил за Даниловым и Буровой по пятам

Часовня Сергея Радонежского над местом слияния Дона с Непрядвой

Семена ковыля от иголок не отличишь!

и натурально причитал. Его всю жизнь учили бороться с ковылем, а теперь этот сорняк, оказывается, сажать и беречь надо! А с тех пор, как в музее появилась конюшня, Ольге приходится выслушивать новые сетования Надежды Кружаловой. Та упрямо твердит, что не надо позволять выгуливать лошадей в ковыле. Ольга Бурова обещает еще раз поговорить с сотрудниками конюшни.

«КОВЫЛЬНЫЕ ЖЕНЩИНЫ»

Мы спрашиваем у женщин, нравится ли им ковыль. Украсил ли он степь? Одна из сотрудниц бригады, Ирина Фомина, кивает: конечно, украсил! Кружалова неодобрительно смотрит на коллегу. «Ну... Украсил, – неохотно признает Надежда Николаевна. – Но пшеница была красивее. И ячмень тоже. А ковыль – это сорняк. Если бы советские председа-

тели колхозов такое увидели, они бы возмутились. Ну что поделаешь – заповедная зона! Другая эпоха».

«Был тут ковыль в старые времена. Его запахали», – говорит Ирина Фомина. Но Надежда Николаевна ее перебивает и заявляет, что не видела тут ковыля, когда колхоз был. Поэтому чтобы собрать семена ковыля для Куликова поля, они под руководством Данилова ездили на грузовике по соседним селам. Собирали ковыль по буграм и оврагам. Местные жители смотрели на них с удивлением.

Бригада часто видит, как их начальница Ольга Бурова привозит гостей полюбоваться ковылем. Среди них бывают не только российские ученые. Иностранные, к примеру, восхищаются площадью высаженного ковыля. Но Надежду Николаевну гостями на поле не удивить. Когда здесь сеяли зерновые, то тоже приезжали журналисты и фотографировали комбайнеров, говорит она. В конце посевной – концерт. В конце уборочной – концерт. «Неужто я думала, что буду потом сажать ковыль?» – вздыхает Кружалова.

Весь ковыль на этом поле посажен Надеждой Николаевной и ее подругами-пенсионерками, многих из которых уже нет в живых. На эту сезонную работу пенсионерки шли, чтобы подработать. «Что в колхозе работали с мотыгой, что тут», – говорит Татьяна Николаевна Никулина. Ей 67 лет. Она старшая сестра 64-летней Кружаловой, которая и позвала ее «на ковыль». Недавно Ирина Фомина присоединилась. И вот несколько дней назад пришел Олег – ученик девятого класса местной школы. Захотел подра-

Эти серебряные нити и делают степь седой

ботать летом. А больше никто не идет... Тяжело.

Для туристов ковыль – это символ седой вечности, за которой скрывается легендарная битва, а для этих женщин, родившихся и выросших в селе Монастырщино, выращенный на месте пшеничных полей ковыль похоронил их недавнее прошлое. «Мы привыкли, что нас зовут «ковыльными женщинами!» – грустно улыбается Надежда Кружалова и переглядывается с Татьяной Никулиной. Их беспокоит, что нет желающих работать «на ковыле». И сестры бы тоже бросили эту работу, но им не хочется подводить Ольгу Валентиновну Бурову. Ей уж тогда точно не с кем будет работать. Да и Бурова просит сестер, чтобы не бросали ее. И все время интересуется: не нашлось ли еще желающих выйти «на ковыль»? Но таковых уже давно нет.

Мы не удержались и спросили сестер, не являются ли им в знойном мареве какие-нибудь видения, вроде ордынских всадников или проносящихся хоругвей и знамен. Но, кроме косуль, зайцев, ежей, луней и жаворонков, никто их не тревожит, а видятся им пшеничные и ячменные поля. Разговоры о них часто возникают, когда бригада перекусывает под большим вязом рядом с полем ковыля.

Однако если что и чудится сестрам, так это присутствие давно ушедшего из жизни Владимира Ивановича Данилова. В любую погоду приходил он осматривать ковыль. И даже тогда, когда был нездоров. Он часто благодарили женщин за терпение. «Теперь у нас свой ковыль!» – говорил он им. Но сестры никогда не понимали его радости. Удивлялись, как он мог час или полтораостоять, любуясь, как ветер гонит по полю седые волны. Владимир Иванович не раз говорил Надежде и Татьяне, что труд их не напрасен. Что посмотреть на поле ковыля обязан каждый русский человек. И что он будет приходить сюда всегда... 🌸

Ольга Бурова стала матерью для ковыльной степи...

ДОРОГА НА СЕВЕР

автор

ЕКАТЕРИНА ЖИРИЦКАЯ

фото

ТАТЬЯНЫ ЮШМАНОВОЙ

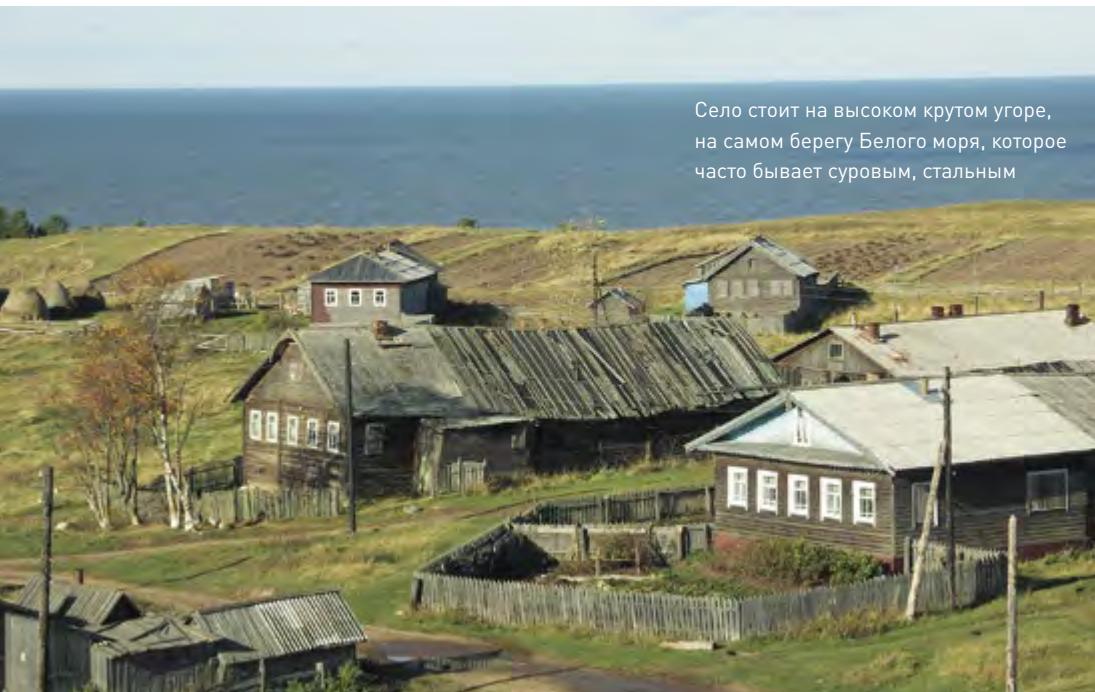
ВОРЗОГОРЫ ПОХОЖИ НА ОСТРОВ: С ОДНОЙ СТОРОНЫ ОТ «БОЛЬШОЙ ЗЕМЛИ» ДЕРЕВНЮ ОТДЕЛЯЕТ БЕСКРАЙНЕЕ БОЛОТО. С ТРЕХ ОСТАЛЬНЫХ В БЕЛЫЕ ДЮНЫ, В ПОРОСЩИЕ СОСНОЙ И ВЕРЕСКОМ УГОРЫ-БЕРЕГА БЬЕТСЯ БЕЛОЕ МОРЕ. В МЕСТНОЙ ГАЗете ПЕЧАТАЮТ РАСПИСАНИЕ ПРИЛИВОВ И ОТЛИВОВ. ШЕСТЬ ЧАСОВ МОРЕ ПРИХОДИТ, ШЕСТЬ ЧАСОВ УХОДИТ, И ЖИЗНЬ ДЕРЕВНИ УЖЕ ПЯТЬСОТ ЛЕТ ОТМЕРЯЕТСЯ ЭТИМ РИТМОМ.

МОРЕ – БЕСПОЩАДНОЕ, ледяное, бесстрастное – испокон веков определяло быт и характер живущих на побережье людей. «Море – наше поле, – говорили здесь. – Оно нас поит,

кормит, одевает, а смерть придет – и погребает». XXI век неумолимо вымывает остатки традиционной поморской культуры. Тем ценнее встречи с людьми, сохранившими северную стойкость и силу характера.

У МОРЯ

С Александром Порфириевичем мы познакомились переменчивым северным августом, когда морошку на ворзогорских болотах начинает сменять брусника, а солнечные дни сдувают первые по-осеннему яростные ветра. Стариk Слепинин, опираясь на палку, шел к церквям. Слева отливали серебром старого дерева пять куполов Никольской церкви, впереди возвышался одинокий купол Введенского храма. Справа же уходила вверх мощная колокольня. Стояли церкви свой долгий век – в 1636-м была сложена первая, Никольская, – как и положено, на самом высоком месте деревни. Так виднее с моря. Раньше на колокольне зажигали большой керосиновый фонарь, и она превращалась в маяк, который

Село стоит на высоком крутом угоре, на самом берегу Белого моря, которое часто бывает суровым, стальным

виден был километров за тридцать, с Кий-острова.

Всю свою долгую, почти девяностолетнюю, жизнь наблюдал дядя Саша – так зовут его в деревне – эту картину. Отцовский дом стоял на срыгнутом старом кладбище, и купола, тянувшиеся к небу в двух шагах от него, были видны как на ладони. Думал ли когда-нибудь Александр Слепинин, что на закате своей жизни ему придется спасать церкви, которым сносили маковки в год его появления на свет? Что именно с его заступничества за них перед заезжим хулиганьем начнется по всему Русскому Северу прекрасный добровольный почин под названием «Общее дело. Возрождение деревянных храмов Севера»? Что с его легкой руки умные и отзывчивые люди будут спасать от смерти деревянные храмы по всему Русскому Северу?

Да ничего такого он, конечно, не думал. Как мог – жил, любил свою раскрасавицу Изабеллу Ефимовну, детей растил. Был беспартийным председателем колхоза, валил лес, тянул линии электропередачи, охранял ядерный полигон. Много дел сменил. Не мог поменять только одного: Александр Порфириевич Слепинин родился, вырос и – за недолгими отъездами – жил у моря.

Фамилия Слепининых не поморская. Слепинины – пришлые. В 1904 году под далеким Курском пожгли крестьяне помещичью усадьбу. Бунтовщиков поймали и отправили под суд. А у тех – по семеро детей, хлеб не убран. Тогда пошли мужики к Слепинину: «Дорогой Порфирий Трофимович, спаси. Возьми всю вину на себя. Ты молодой, все у тебя еще будет». Согласился 17-летний Порфирий. И присудили ему ссылку на Север, за ворзогорские болота. Легендарное выбрали место...

У Александра Порфириевича есть на побережье любимое место, откуда он может долго смотреть на море, рядом с которым прожил всю свою жизнь

Лоция Белого моря, составленная в 1913 году Главным гидрографическим управлением Санкт-Петербурга, утверждала: название «Ворзогоры» (в названии деревни ударение падает на первый слог, а жители села называют себя «ворзогоры». – Прим. ред.) произошло от финского «вор» – гора. Тот, кто сегодня попадет сюда, легко поверит в эту версию – стоят Ворзогоры на 45-метровом угоре. Однако известный знаток Русского Севера Сергей Максимов объясняет название деревни давней легендой. Связана она с историей разбойников-«паньков», пришедших в эти края из нынешней Литвы. Будто бы селение Ворзогоры называлось прежде Ворогоры, «по той причине, что первое их заселение было... паньками, основавшими здесь свой главный притон». Но жители села, называющие себя ворзогорами, а не ворзогорцами, на Максимова обижаются. Они предпочитают другую историю: про братьев Якова и Кондрата, которые были людьми честными и основали на высоком приморском берегу две деревни – Яковлевскую и Кондратьевскую. Это и есть сегодняшние Ворзогоры. Туда и вез поезд в 1904 году крестьянского сына Порфирия. На заре XX века были Ворзогоры селом небедным. Местный краевед и исследователь ворзогорской истории Николай Гунин рассказывает, что в округе за 20 километров выкашивалась любая расчищенная от леса чаща, а травы животным все равно не хватало. Поэтому коров отпускали пастись на берег моря. Там, в узкой полосе между болотами и водой, росла любимая скотом морская тростник. Овцы же возили пастись в море. Грузили на большие суда-карбасы и выпускали на острова Осинки. Были на Осинках пресное озеро и лес, где можно было укрыться от непогоды, но не было хищников. Овцы гуляли по острову с весны до осени, пока их не привозили обратно. Но основу благополучия населения беломорского побережья составляли прежде всего морские промыслы.

НА МУРМАН

Часть мужского населения Ворзогор традиционно уходила пешком «на Мурман» – ловить треску. Белое море – мелководное, здесь треска попадается редко. Основой ее промысла было не замерзающее зимой Баренцево море. Белое же с октября покрывалось у берегов и в заливах льдом. Тресковая путина начиналась в начале мая. Только к последнему месяцу весны Белое море окончательно очищалось ото льда, и суда главных поморских конкурентов, норвежцев, могли добраться до Баренцева моря. А пока норвежцы ждали погоды, русские отправлялись «на Мурман» пешком. В 900 верст и 30 дней был путь. В Баренцевом на становища выгоняли в море оставленные в бухтах карбаса. И когда норвежцы на своих судах доплывали до промыслов, русские мореходы уже возвращались на берег с трюмами, набитыми рыбой и зверем.

Уходя в море, надо было на полгода бросать хозяйство. Не каждый мог решиться на такое. У ссыльного Порфирия Слепинина еще не было ни дома, ни семьи. Поэтому весной 1916 года он не задумываясь ушел со знаменитым мореплавателем и путешественником Григорием Поспеловым на зверобойный промысел. Одному надо было сделать запасы перед экспедицией, другому – заработать первые деньги для обустройства на новом месте.

Набрав в Ворзогорах команду, Поспелов направил свое судно «Дмитрий Солунский» к Новой Земле. «С первыми крутыми осенними ветрами: по востоку, полунощнику и северу, у берегов Белого моря, покрытого уже большими ледяными припаями, начинают показываться стада, юрова лысей, морского зверя из породы тюленей, ка-ковы: нерпа или тюлень обыкновенный, лысун или тюлень гренландский, морской заяц и, реже других, тевяк – тюлень с конской головой. Плотно сбив-

Самый красивый вид на село открывается с колокольни храма, спасенного руками Александра Слепинина и десятков неравнодушных людей

шимися в кучи... состоящие иногда из нескольких тысяч зверей, гребут эти стада дальнего, сального, барышного зверя... к берегу, называемому Зимним» – так описывает поморский зверобойный промысел Сергей Максимов. В этих тихих местах самки рожают по одному детенышу-бельку: пока белый мех не сойдет, бельки не нырнут в воду, останутся на льдине. Самка же малыша не бросит, а самцы, окружив стадо, будут защищать его. В это время веками выходили поморы на зверобойный промысел. Забивали трюмы шкурами, мя-

сом, салом и везли на продажу в Архангельск.

Свой первый заработанный на промыслах пай Порфирий Слепинин получил весной 1917 года. Золотыми монетами тогда платили. В Онеге, в самом красивом месте города, купил дом. А потом началась революция. Порфирию сказали: «Ты теперь богатый. Добровольно дом не продашь, отберут daarom». Продал Порфирий дом, получил деньги, уже бумажные. Не успел оглянуться – на них коробок спичек не купить. Так и остались Слепинины в Ворзогорах.

Александр Слепинин прошел свою дорогу к храму

ВЕКОВАЯ ПРИВЫЧКА

Много чего происходило потом в селе над морем. Образовали колхоз имени большевика Мулина, в соседнем Чекуеве расстреляли последнего священника Ворзогор – отца Алексея Щетинина, в здании церковно-приходской школы открыли школу советскую, в войну привязывали к потолку в сараях падающих от голода лошадей, засевали в порядке государственных экспериментов северные поля табаком и кукурузой. Одно было неизменным – море.

Те, кто не ходил на промысел в Баренцево, ловили рыбу у родных берегов, в Белом. С 8 лет отец посыпал Шуру на перемёт: вытрясти и здесь же, на песочке, отсортировать рыбу. Покрупнее – в корзину, помельче – в воду. Это была каждодневная забота.

С мая по октябрь, пока не ударил мороз, все, кто был в поморских семьях свободен, выходили к морю. Там стояли, и до сих пор стоят, рюжи, иначе – перемёты. От берега в море сначала идет закол – частокол

из жердей, забитых в песок. Его используют вместо сетей при их нехватке. Но в конце закола основной сети – длинной и круглой – не избежать. «Это и есть рю-жа», – объясняет Александр Порфириевич. Весной идет в рюжу корюшка, в августе – сиг, еще позже – семга, которая «раз в год в сетку залезает», а основа всему с весны до осени – камбала. Корюшку сушат в топленой русской печке: на поддон из луchinок накладывают рядками

И лодки, и снаряжение к ним в Поморье традиционно делали своими руками

Рыболовные участки вдоль берега моря размечались и имели хозяев

чищеную рыбу. Вечером положат, утром уже готово. «Сушье» называется.

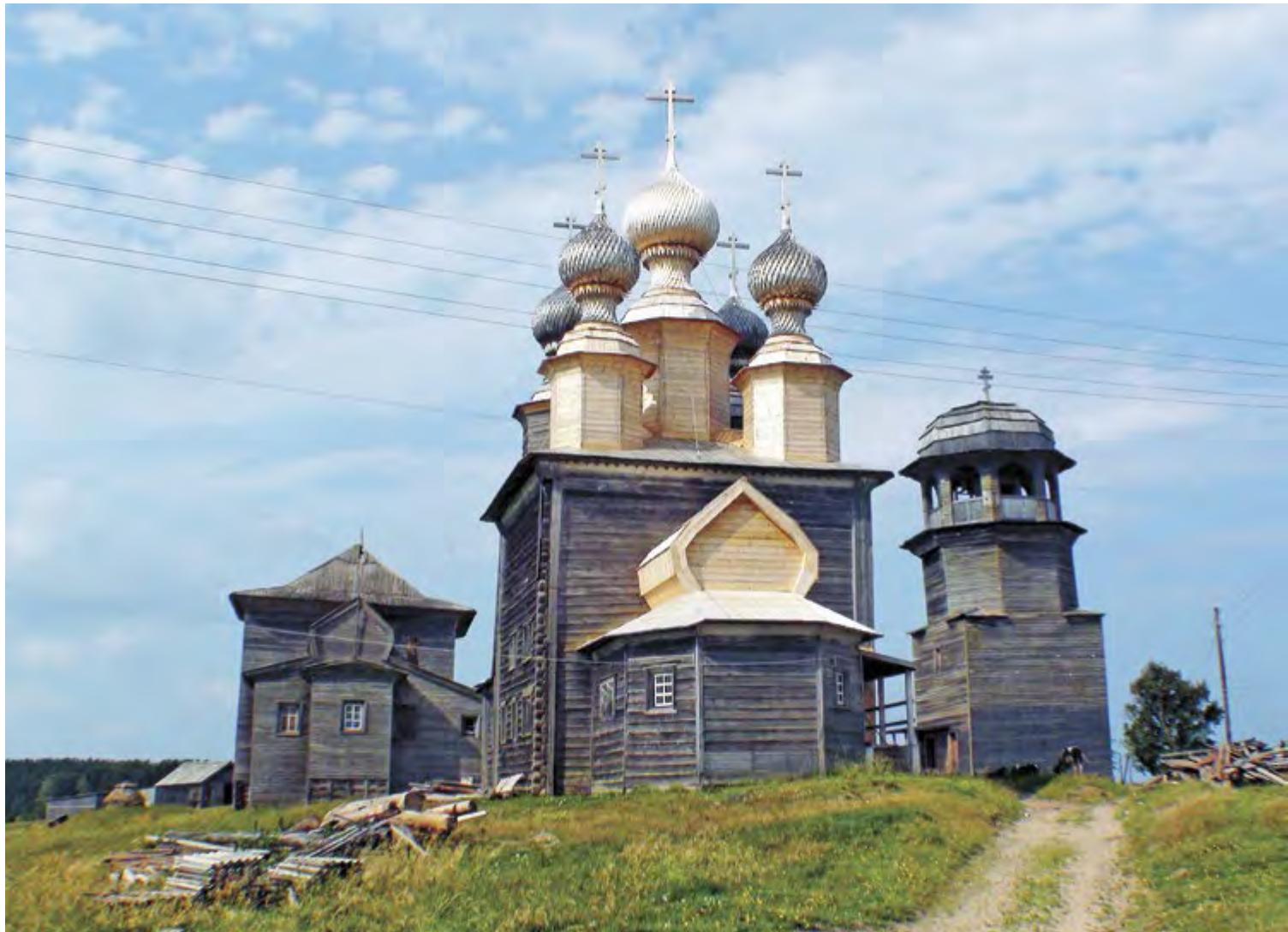
Чтобы поставить рюжи, делили берега. Староста собирал сход, шел с деревянной саженью вдоль моря, берег мерил. А на будущий год чередуют, чтобы никого не обидеть – одни места рыбные, другие не очень.

Зимой ловили навагу и селедку. Вырезали во льду большие лунки, заводили под лед невода. Горы мороженой селедки были раскиданы по деревням. Некуда было девать, возили ее вместо навоза на поля. А благородная рыба осенью идет зимовать в реку. Стремится туда, где родилась – точно в тот водоем. Весной, когда начнет таять лед, рыба – худая, тоненькая, «синюшкой» называют – пойдет из реки в моря, все лето будет набирать жир. Ну а ближе к осени камбала уже толще пальца будет...

Отработал Александр Порфириевич на рыболовецких судах, потом на двадцать лет стал заведующим Ворзогорским пунктом Беломорского рыбного комбината. Но запомнилось ему море не только рыбой. Еще и... картошкой.

В ту осень в колхозе собрали много картошки. Должна была картошка отплыть в Онегу. Набрали полную баржу. На нее же сели с десяток селян. Прислали из Онеги крошечный буксир. Подхватил он баржу, повез. Вдруг разбушевалось море, у буксира оборвался трос. Буксир ушел за помощью в районный центр, а баржа с картошкой и людьми осталась в открытом море. Волны перехлестывают через палубу, тащат баржу на камни. А на берегу смотрят в оцепенении на своих близких. И понимает тогда Александр Порфириевич, что надо идти на помощь.

Берет тогда Порфирий свою самую большую лодку и уходит на веслах в море. Руки стирает до крови, но добирается до баржи. А там уже заняло картошку в трюмах, уже

половину каюты с людьми затопило. Постучал по барже веслом, стали потихоньку люди из каюты выбираться. Первым прыгнул в лодку бывший председатель колхоза, потом другие. Опять Александр Порфириевич садится на весла и гребет к берегу. На следующее утро идет Порфирич на почту к телефону – доложиться начальству. Телефонов тогда на всю деревню два было, выход к ним – уже событие. Вот Изабелла Ефимовна Шуру своего по этому случаю покрасивее и приодела. А навстречу Слепинину – бывший председатель колхоза. Тот самый, который вчера днем первый с баржи на дно лодки повалился. «Куда, – говорит Порфирич, – вырядился?» И обругал нехорошо – вместо спасибо.

Благодаря усилиям волонтеров «Общего дела», местных жителей и меценатов уникальный памятник деревянной архитектуры, «тройник» в Ворзогорах, обрел новую жизнь

Навыки рыбацкого дела постепенно уходят в прошлое, но поморы все еще стараются передавать их из поколения в поколение

ТРЕТЬЕ ПОКОЛЕНИЕ

Сегодня Александру Порфириевичу самому до моря не дойти. Скучет он, что не выйти ему «к березе» – так называется самое красивое и рыбное место на ворзогорском берегу, хоть и нет там давно никаких берез. Сидел бы старик, смотрел на море. А те-

перь только сын его, Андрей, в море ходит.

Бабушка с детства брала его зимой на рыбалку, вспоминает Андрей. В 6 лет уже мог прорубить во льду лунку-пешню и наловить рыбы. Когда ему исполнилось 10, отец отпилил от приклада охотниччьего ружья 5 сантиметров и от ствола – 20 и сделал ему маленькое ружье. Выдавал на вечерней зорьке четыре патрона: «Сходи на болото, может, утку стрельнешь».

С 6 лет Андрей плавал с отцом на лодке. Сначала просто наблюдал. Потом стал за гребца. Выходили они на рыболовную тоню – место на берегу, где находится рыбачкая изба. Стоит закол, в его конце рюжа. Мужики вываливают рюжу, на палубу падают сёмжины килограммов по 25, их сразу глушат огромной кувалдой. Потом

Московская художница Татьяна Юшманова приехала в Ворзогоры студенткой и связала с ними свою жизнь на долгие годы

на складе мужики рыбу солят, в просторные бочки укладывают. На собственных ошибках узнаешь море, говорит Слепинин-младший. Первую серьезную ошибку он совершил в 12 лет. Пошли они с приятелем ловить рыбу. Сели на плот, отплыли метров за сто. С собой только багор, которым отталкивались от дна. Пока ловили рыбу, начался отлив, и их унесло в море. Багор до дна уже не достает. «Мы переглядываемся, потом он отрывается доску с одной стороны плота, я с другой», – рассказывает Андрей. – Работаем досками как веслами и за час догребаем до берега. Не доплыvав до суши, спрыгиваем в воду, выбираемся на песок; спрятанными в шапках спичками кое-как разжигаем костер и еще часов пять сушим мокрые фуфайки, чтобы не попало от родителей».

Андрей хорошо понимал, что в тот день мог погибнуть. Поморы уходили на отхожие промыслы, и вместе с ними шли 13–14-летние «зуйки». Есть воспоминания, как 1 февраля 1859 года у становища Цыпнаволок в бурю утонули сразу 24 лодки. А на лодке – пять человек: четверо взрослых на веслах и – мальчик-«зук» рулевым. «Представляете, какой характер формировался, если в 14 лет понимаешь, что

под смертью ходишь – и нет тебе скидки ни на возраст, ни на малые силы? – спрашивает Андрей. – Не зря говорили: «Спать не лег – а повалился. Кто в море не бывал, тот не родился». Море как жадное чудовище, только ждет твоей ошибки».

И еще присказка была: «Кто в море не бывал, тот Богу не молился». Поморы молились не только в церквях, но и в волнах...

Портрет Изабеллы Ефимовны Слепининой. 2010 год. Автор – Татьяна Юшманова

МАЯК НА БЕРЕГУ

И в этот момент наш разговор о человеке, живущем на берегу моря, замыкается в круг. Мы возвращаемся к земле, с которой люди уходили на промыслы. К якорям, которые их на этой земле держали и которые теперь держат память о них...

Архитекторам Ворзогоры известны своим уникальным «тройником». Так называли два храма, зимний и летний, и колокольню – канон деревянной северной архитектуры XVII века. Сегодня «тройников» на Русском Севере сохранились единицы. Ворзогоры – одно из таких мест. И своей жизнью этот памятник русского деревянного зодчества обязан Александру Порфириевичу Слепинину.

С ворзогорских храмов и дяди Саши Слепинина началось движение, которое сегодня знает каждый, кто хотя бы отдаленно интересуется архитектурой Русского Севера. «Общее дело. Возрождение деревянных храмов Севера» спасает от разрушения деревянные храмы. А тонкой – нет, не ниточкой, стальной проволочкой, связавшей судьбу Александра Порфириевича с возрождением древних церквей, стала девушка Таня. Такая же тонкая – костью и стальная – характером.

У потомственной москвички Татьяны Юшмановой не было поморских корней, но ее с детства очаровывали дремучие северные края, похожие на сказочные рисунки Билибина. Первый раз на Русский Север Татьяна приехала студенткой Академии художеств. Объездила его от Мурманска до Мезени. Однажды поиски выразительных ландшафтов привели ее на Кий-остров, тот самый, где в XVII веке основал Крестовоздвиженский монастырь реформатор русской церкви патриарх Никон. Оттуда Татьяна с подружкой отправилась в Ворзогоры. Татьяну поразил простор, распахнувшийся с высокого морского берега. Вокруг деревни с изумительным архитектурным ансамблем на маленьком пятач-

ке, казалось, была собрана вся природа России. Пресные озера в двух шагах от моря; луга средней полосы и тундровые угоры с искривленными от ветров деревьями; северная тайга, балтийские дюны и заполярные болотные топи. А еще Ворзогоры удивили и обрадовали Татьяну своим неравнодушием. Шли 2000-е годы. Все распадалось. Разворовывались остатки колхозов, люди едва сводили концы с концами. А на ворзогорской колокольне студентки услышали стук топоров. Еще торчали вместо крыши голые бревна перекрытий, но там, где когда-то были колокола, старый дед и два подростка заколачивали свежеструганые доски. Девушки кое-как забрались на верх, дед отругал их за пренебрежение опасностью, а потом пригласил на чай. Так Татьяна познакомилась с Александром Порфириевичем и его женой Изабеллой Ефимовной.

Душевность и отзывчивость этих людей глубоко тронули ее, признается Татьяна. Потом она вернется в Ворзогоры и нарисует портрет дяди Саши: идет из моря по приливу крепкий старик. За спиной у него рыбацкий баул, два мощных сёмужих хвоста из него торчат. «Помор Александр Слепинин» картина называется. Татьяна не только оставит для вечности образы многих уже покинувших землю пожилых ворзогоров, но и заразит любовью к Северу своего мужа, священника Алексея Яковleva. А он сумеет обратить внимание на судьбу разрушающихся деревянных храмов множества неравнодушных людей. Найдет в себе решимость создать и возглавить добровольческий проект «Общее дело. Возрождение деревянных храмов Севера». Так ворзогорский храм, да и весь Русский Север, обретет надежных радетелей. При храме в честь преподобного Серафима Саровского в Раеве в Москве, настоятелем которого является отец Алексей, и находится головной штаб проекта.

Еще пятнадцать лет назад, увидев, как непросто в Ворзогорах

Александр Порфириевич и Изабелла Ефимовна Слепинины стали для отца Алексея Яковleva и его жены Татьяны Юшмановой одной из наиболее крепких уз, связавших их с Ворзогорами

восстанавливать храмы, молодые супруги решили помочь. «У нас есть негласная ответственность перед Александром Порфириевичем и Изабеллой Ефимовной, – объясняет отец Алексей. – И еще я подумал: хорошо было бы, если бы жители столиц разобрали под опеку все теряющие жизнь деревни Русского Севера, все исчезающие у нас на глазах уникальные деревянные церкви». Ворзогорские храмы – их личная зона ответственности, решили Яковлевы.

Помор
Александр
Слепинин.
2007 год.
Автор – Татьяна
Юшманова

ПРОТИВ ОГНЯ

Ворзогоры росли вокруг своих храмов – дома строили окнами не к морю, к церквям. Как сносили главы храмов, Слепинин по малолетству не помнил, но народ в селе сохранил в памяти тот день. Приехали комсомольцы из Онеги. Единственным местным, кто согласился подпиливать купола, был лавочник Павел Жолобов. Когда он сваливал одну из трех главок с Никольской церкви, в Жолобовском доме вспыхнул пожар. Бросился хозяин в огонь спасать свое добро, да так из него и не вышел. А Никольская церковь простояла весь XX век с двумя оставшимися главками. Был там склад зерна, в соседнем, Введенском храме – склад колхозных запчастей, клуб. Потом наступили 1990-е. Советская власть кончилась, в Ворзогорах вместо сельсовета возникла общественная организация местных жителей – ТОС. Ворзогоры решили объединиться, чтобы восстановить колокольню. «Это – самое красивое место в деревне. С моря видно, к Богу ближе. Нехорошо было ей такой ободранной стоять», – объяснила Изабелла Ефимовна выбор односельчан. Купили доски, брус. На материалы ушли

все средства, а восстанавливать надо было своими силами. И принялся Александр Порфириевич за ремонт храма. Ходил каждый день – как на работу. Взрослых мужиков к тому моменту в деревне почти не осталось. Он нанял в помощь двух подростков. Задели на колокольне крышу, отремонтировали ступеньки, перила. Тем временем в Введенской церкви продолжал работать клуб. Из Поньги, соседнего поселка лесозаготовителей, приезжала

в Ворзогоры на отдых молодежь. Каждый день Александр Порфириевич видел, как горят костры у церковных стен: пьяные хулиганы снимали деревянную обшивку храмов и разжигали огонь. Днем дядя Саша с помощниками починят ступени – ночью их отправляют в топку. Не было у ворзогорских жителей сил поставить на место заезжих озорников. А Порфириевич, как в клубе танцы, идет к церквям тушить костры. «Мне и морду били на этой колоколь-

Теперь волонтеры фонда «Общее дело. Возрождение деревянных храмов Севера» возвращают к жизни еще один памятник Ворзогор

не, что я мешаю тем пьяницам водку пить и песни хулиганские петь, – кипятится дядя Саша. – Приду, а они: «Кто тебе дал право распоряжаться? Что – твоя церковь? Кто поручил колокольню восстанавливать?» «Никто не поручал», – разводил руками Слепинин. Но отстоял старик колокольню – привели ее в порядок, а клуб закрыли несколько лет назад.

За колокольней пришел черед Никольской церкви. Алексей Яковлев организовывал субботники. Постепенно вычистили храм. Батюшка привозил из Москвы пожертвования на ворзогорские храмы, работа продолжалась. Заменили оконные рамы, пристроили крыльца к колокольне. В каждый свой приезд отец Алексей служил молебен, люди стали собираться на молитву в воскресные и праздничные дни. Однажды зимой он привез в Ворзогоры скромно одетого человека. Гость пожил у Александра Порфириевича неделю, выполнял со знанием дела непростую зимнюю работу, а за следующие три года на его пожертвования Никольскому храму вернули все пять куполов. Никогда еще, за все десятилетия советской власти и перестройки, на Русском Севере не восстанавливали на частные деньги деревянные церкви. Именно с ворзогорских храмов пошла по России эта вызывающая уважение традиция.

К тому времени Татьяна и отец Алексей купили в деревне столетний дом, все больше врастая в поморскую землю, ставшую им родной.

НАД БЕЗДНОЙ

Своего старшего сына Яковлевы привезли в Ворзогоры, когда тому было от роду 40 дней. Полторы тысячи километров до Белого моря на машине с младенцем – риск немалый. Но они ехали с одним желанием: чтобы дядя Саша, Изабелла Ефимовна и другие «дивные старики», как называет их Татьяна, успели поддержать на руках маленького Николу. «Говорят, с кем

поведешься, от того и наберешься, – объясняет отец Алексей. – Детям нужны хорошие примеры. Александр Порфириевич – хороший пример».

Движение «Общее дело. Возрождение деревянных храмов Севера» дает возможность современным людям вновь почувствовать себя частью ушедшей Атлантиды. «Когда добровольцы трудятся в разрушающихся старинных храмах, дотрагиваясь до 200–300-летних бревен, они становятся в один ряд с теми самыми древними зодчими, которые эти бревна когда-то клали, – убежден отец Алексей. – В такой работе человек не просто прикасается к святыне – он ее спасает. И тогда все поколения людей, которые эти храмы строили, потом проливали кровь, защищая, – все эти люди молятся за наших добровольцев и всех неравнодушных».

Поморская культура была культурой людей, каждый день смотревших в лицо смерти, поэтому она естественным образом формировалась определенное отношение к земной кончине человека, считает мой собеседник: «Современная культура строится вокруг человека, а раньше в ее центре был Бог. Пословица говорила: «Если Бог будет на первом месте, все остальное будет на своем». Для человека верующего момента, когда душа покидает тело, не являлся абсолютным крушением мира. У людей было понимание, что земная жизнь – временна. Умирать страшно, потому что это неестественно для человеческой природы. Но пришел и твой срок – значит, так нужно».

Это внутреннее мужество перед лицом надвигающейся опасности, а может быть, и неминуемой кончины передает пронзительный сказ писателя Бориса Шергина «Поморская быль», который мы с отцом Алексеем вспоминаем в конце разговора. Шергин описывает реальный случай, произошедший в середине XIX столетия. Жили тогда в городе Мезени два брата Личутиных – Иван и Ондреян.

Работа по возрождению деревянных храмов устанавливает связь между добровольцами XXI века и древними зодчими

Ежедневная угроза смерти в море и вера в Бога определяли культуру и мироощущение помора

«В молодые годы трудились они на верфях Архангельска. По штату числились плотниками, а на деле выполняли резное художество», – пишет Шергин. На носу и корме корабля братья изображали разных прихотливо вырезанных животных, богов и «знатных особ». И творили подобное художество «с самой выдающейся фантазией». Потом Личутины вернулись в Мезень и занялись морским промыслом. Однажды, возвращаясь домой, они заночевали на крошечной каменной гряде. А ночью шторм унес их небольшое судно вместе с припасами и рыболовными снастями. Ждать помощи было

неоткуда, добыть рыбу нечем, на питье оставалась только дождевая вода. Братья «ясно предвидели свой близкий конец и отнеслись к этой неизбежности спокойно и великолушно». Из всей утвари осталась у Ивана и Ондрея только большая деревянная доска да ножи для резки дерева. И слабеющие братья вырезали себе из дерева могильную плиту. «Не крик, не проклятье судьбе оставили по себе братья Личутины. Они вспомнили любезное сердцу художество. Простая столешница превратилась в произведение искусства». Иван будет летопись писать «для уведомления», а Ондреян «ухитрять» раму резьбой – «для увеселенья».

Через тридцать лет писатель Шергин и знакомый ему капитан рыболовецкого судна заглянут поклониться личутинской могиле. Поплачут над горькой их смертью, а потом восхитятся победившей ее душевной красоте. И встреча с нею наполнит их сердца необъяснимой радостью. Поплынут обратно молча. «Боялись – не сронить бы, не потерять бы веселья сердечного». Сильнее смерти оказался поморский характер. ●

Подписывайтесь на журнал

РусскийМир.RU

Во всех почтовых отделениях России:

по каталогу агентства
«Книга-Сервис» – «Объединенный
каталог. Прессы России.
Газеты и журналы» –
Подписной индекс 43310

В почтовых отделениях стран СНГ:

по каталогам «Российская Пресса»
ОАО «Агентство по распространению
зарубежных изданий» –
Подписной индекс 43310

Через интернет-подписку:

электронный каталог
«Прессы по подписке» от агентства
«Книга-Сервис» на сайте www.akc.ru

За рубежом:

электронный каталог
международного агентства
«Соотечественник» на сайте
<http://www.sootechestvennik.agency>

электронный каталог
ООО «Коммуникационное
Агентство Криэйтив Сервис Бэнд»
на сайте <https://periodicals.ru>

Корпоративная подписка по Москве (доставка курьером):

электронный каталог
«Прессы по подписке» от агентства
«Книга-Сервис» на сайте
www.akc.ru

По вопросам подписки обращаться к Гришиной Ирине

тел.: 8 (495) 981-66-70 (доб. 109)

e-mail: grishina@russkiymir.ru

Читайте журнал на сайте

<https://rusmir.media>

ФОНД РУССКИЙ МИР

117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 13, корпус 2
www.russkiymir.ru